Всесоюзный институт
юридических наук НКЮ СССР

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
57	18 сверху	отмечено	отменено.
95	11 сверху	Отано	Отана
116	7 снизу	pso facto».	ipso facto».
153	5 сверху	Французская конституция	Французская конституция [2]
154	25 сверху	законом 2-а.	законом [2-а].
209	5 снизу	диктатуре	диктатуре.
213	22 сверху	труды изучения	труды и учения

Заказ 4321

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК НКЮ СССР

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ

ВЫПУСК

II

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР
МОСКВА — 1940

25.4134-41

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК НКЮ СССР

34
У-91.

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII в.

СБОРНИК СТАТЕЙ,
ПОСВЯЩЕННЫХ
150-ЛЕТИЮ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

25437-91
Правительственная Библиотека СССР.—РСФСР.
29831
К
Библиотека АП РФ
2 010003 79839 0

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР
МОСКВА — 1940

ПРОВЕРЕНО

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит подвергнутые литературной обработке стенограммы докладов, сделанных на юбилейной сессии Всесоюзного института юридических наук, посвященной 150-летию французской буржуазной революции (21—22 июня 1939 г.).

Цель, которую ставили себе авторы,— дать сжатое, краткое изложение темы в сравнительно небольшом докладе — не могла не отразиться на объеме и содержании работ, включенных в настоящий сборник. Редакция, однако, не пыталась восполнить наличный материал путем расширения и переработки имевшихся работ или путем включения в сборник каких-либо новых статей помимо находившихся в ее распоряжении. Она ограничила свою задачу опубликованием материалов научной сессии института.

Редакция надеется, что предлагаемый сборник работ, охватывая различные стороны политической и правовой жизни Франции в период революции 1789—1794 гг., может оказаться небесполезным пособием при ознакомлении с историей революции и сможет заинтересовать наших читателей.

Чтобы облегчить понимание статей, посвященных конституционному творчеству революции, в приложении даны переводы конституций 1791 и 1793 гг. Конституции эти переводились на русский язык в начале текущего столетия, но эти переводы давно стали библиографической редкостью. Конституции даны в сделанном заново переводе А. Л. Саккетти и снабжены примечаниями переводчика.

Общую редакцию сборника выполнил профессор С. Ф. Кечекьян.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

С. КЕЧЕКЬЯН

I

Французская буржуазия накануне революции XVIII века, еще не овладев политической властью, уже стала экономически сильнейшим классом. Более или менее готовые формы капиталистического уклада созрели еще в недрах феодального общества, и известный политический деятель французской революции аббат Сийес был прав, когда в своей брошюре, посвященной третьему сословию, говорил о буржуазии так: «Что такое третье сословие? Все. Чем оно было до сих пор в политической жизни? Ничем. Чего оно хочет? Быть чем-нибудь» [1].

В лице своих идеологов буржуазия Франции еще до революции тщательно разработала политическую программу, хорошо продумала свою социальную философию. Перед ее глазами были к тому же английские и американские образцы, английские теории и англо-американские конституционные акты. И если французская революция дала всему миру, говоря словами Ленина, «...такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустранимы» [2], то вместе с тем французская политическая теория XVIII века исчерпывающим образом разработала все основные принципы буржуазной демократии.

Французская политическая теория XVIII века дала все основное, что требовалось для обоснования буржуазной демократии. Она дала обоснование принципа народного суверенитета, дала обоснование и развитие учению о так называемых естественных неотчуждаемых правах гражданина и, наконец, она обосновала принцип разделения властей.

Буржуазии и ее идеологам в политической теории приходилось начинать с разрушительной критики существующего строя, с критики мировоззрения феодального общества. Буржуазия кануна революции XVIII века вооружается как против феодальных порядков, мешавших развитию капиталистических производственных отношений, так и против феодальной идеологии в различных ее

[1] Sieyès, Qu'est ce que le tiers état, 1789, p. 3.
[2] Ленин, т. XXIV, стр. 304.

проявлениях, в частности и в особенности против церкви — крупнейшей идеологической силы того времени. Идеологи буржуазии выступают под флагом «просвещения», несущего гибель средневековому суеверию, средневековому мракобесию, феодальным привилегиям и угнетению. Они начинают с острой и беспощадной критики феодального строя, феодальной церкви, феодальной монархии.

Энгельс в первых строках «Анти-Дюринга» говорит: «Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, взгляды на природу, общество, государственный порядок — все подвергалось их беспощадной критике, все призывалось пред судилище разума и осуждалось на исчезновение, если не могло доказать своей разумности. Разум стал единственным мерилом всего существующего... Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и с этих пор суеверие и несправедливость, привилегии и угнетение уступят место вечной истине, вечной справедливости, вытекающему из законов природы равенству и неотъемлемым правам человека» [1].

Таково французское просвещение XVIII века.

Старшие из представителей этого просвещения были людьми умеренной политической программы. Они готовы были примириться на конституционной монархии, на компромиссе с дворянством, готовы были даже допустить сохранение абсолютизма, если только абсолютизм изъявит свое согласие стать «просвещенным» абсолютизмом, т. е. будет согласен устранить произвол, допустить свободу научного исследования, устранить господство церкви.

В этом смысле высказывается один из виднейших представителей старшего поколения просветителей Вольтер. Он стоит за союз королей и философов для борьбы с суеверием и фанатизмом католической церкви, со страстной ненавистью борется против церкви, стремясь сломить ее силу, ее господство во Франции. Его задача — разоблачить лицемерие и невежество духовенства, разрушить «старое здание обмана» — старую феодальную церковь, загубившую в муках миллионы людей. «Раздавите подлую» — таков его лозунг. Он требует уничтожения особых церковных судов, инквизиции, пыток, отмены привилегий духовенства. Он вмешивается в целый ряд процессов, которые церковь возбуждает против ни в чем не повинных людей, с энергией и страстностью борется за жертвы церковных судов (дело Каласа, Сирвена, де-ля-Барра и др.). Но вместе с тем сам Вольтер считает необходимым сохранение религии, стоит за материальную поддержку духовенства государством. Ему принадлежат известные слова: «Если бы не было бога, его нужно было бы выдумать».

С другой стороны, Вольтер требует уничтожения феодального строя, крепостничества, отмены режима бесправия и произвола, от

[1] Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1938, стр. 15—16.

которых он и сам страдал не раз, то попадая в тюрьму в результате столкновения с могущественным вельможей, то подвергаясь унизительным обыскам и высылкам. И несмотря на это, он ищет содружества с «просвещенными» монархами — Фридрихом II, Екатериной II и др.

Эта более чем умеренная политическая позиция то и дело дает себя знать в произведениях Вольтера.

Он говорил: «На нашем земном шаре невозможно, чтобы люди, живущие в обществе, не были разделены на два класса: класс богатых, которые повелевают, и класс бедных, которые служат... Все мы равны как люди, но не равны как члены общества».

Вольтер против господства «простого народа». Народ недостоин управлять. Если народ примется рассуждать, все погибло. Крестьян он, не задумываясь, именует дикарями. Относительно наемных рабочих он говорит, что необходимо существование таких людей, у которых все имущество в рабочих руках да в доброй воле. «Они,— говорит он,— будут продавать свой труд тому, кто больше даст. Эта свобода заступит для них место собственности». Его представления о политической борьбе были весьма далеки от какой-либо революционности. За год до своей смерти он писал: «Я вижу теперь, что мы должны еще ждать три или четыре столетия; несомненно наступит день, когда честные люди одержат победу; но как много подлых дел должны мы претерпеть, пока, наконец, настанет этот славный день, как много жестоких преследований выпадет на нашу долю, сколько ля Барров сгорит на костре!».

II

Несколько более радикальной, хотя все еще вполне умеренной, была программа другого представителя буржуазной идеологии и политической мысли XVIII века — Монтескье, полное имя которого — Шарль Луи барон де-Секонда, граф Монтескье де-ля-Брэд. Это один из представителей французской знати, выдвинувший идеи конституционной монархии, вполне приемлемые для крупной буржуазии и поэтому подхваченные значительной ее частью. Однако наиболее радикальные круги французской буржуазии встретили теорию Монтескье критикой, а якобинцы впоследствии называли его аристократом.

Первое произведение Монтескье, вышедшее в 1721 г.,— «Персидские письма» — представляет собой едкую сатиру на светское феодальное общество. Оно высмеивает жеманность дворянства и аристократии, интриги вельмож, салонную болтовню. Успех книги был огромным. Когда автор советовался перед изданием этой книги с одним своим приятелем, его собеседник предсказал, что эту книгу будут продавать, как булки. Это предсказание вполне оправдалось.

Но не меньшим успехом пользовалось и другое знаменитое произведение Монтескье — «De l'esprit des lois» («О духе законов»). Эта книга была встречена восторженно и получила самую высокую оценку в широких кругах французского общества. Основная идея книги — закон должен соответствовать климатическим и почвенным

условиям страны, нравам населения, его религии, экономике — не была оценена и едва ли была замечена. Успех книги был основан главным образом на XI ее главе, в которой изложено было учение о так называемом разделении властей.

Это учение, которое представляло собой защиту конституционной монархии, получило широкое распространение и стало одним из принципов буржуазной политической теории. Власть должна быть разделена на законодательную, исполнительную и судебную. Это значит, что каждая из этих функций должна осуществляться особым органом и что соединение двух властей в одних руках недопустимо, ибо если законодатель будет исполнителем закона, он получит возможность издавать тиранические законы и тиранически их исполнять. Если судья получит законодательную власть, то будет создан произвол судьи, он перестанет быть простым исполнителем закона, лицом, применяющим закон, тогда судья будет произвольно решать дела, имея возможность изменить тот закон, который он применяет. И если судебная власть соединится с исполнительной властью, то судья превратится в притеснителя и перестанет быть органом, разрешающим конфликты, каким он должен быть. Свобода граждан может быть обеспечена лишь в государстве, которое признает и проводит принцип разделения властей.

Отсюда теория конституционной монархии. Идеал рисуется Монтескье в виде государства, в котором законодательная власть принадлежит двум палатам — палате народных представителей и верхней палате наследственных пэров; исполнительная власть сосредоточена в руках монарха, судебная — в руках выборных присяжных. Нетрудно видеть, что Монтескье выступает как комментатор английского государственного строя. Именно этот образец Монтескье имел в виду, именно английские порядки представлялись ему как образец конституционной монархии, в которой осуществляется разделение властей.

Однако для Монтескье было ясно, что в известной мере законодательная власть должна выполнять функции исполнительной, и что исполнительная власть должна быть причастна к законодательной власти. Он говорил, что, сдерживая друг друга, власти силой вещей будут двигаться согласно. Действуя независимо одна от другой и сдерживая друг друга, власти должны были бы притти к бездействию, но так как силой вещей они должны двигаться, они будут двигаться согласно. Будет достигнуто необходимое равновесие властей, обеспечивающее «умеренное» правление.

Это учение Монтескье отражало взгляды крупной буржуазии и обуржуазившихся кругов дворянства, оно стало политической идеологией умеренных кругов либеральной буржуазии. В сущности, сам Монтескье не столько смотрел вперед, сколько оглядывался назад, вспоминая о сословном представительстве, о «готическом» правлении, как он называл средневековую сословную монархию; недаром он говорил о лесах Германии, где впервые, по его словам, родилась свобода [1]. Этим он хотел идеал конституционной монархии

[1] См. Montesquieu, De l'esprit des lois, Livre, XI, ch. VIII.

связать со всем историческим прошлым Франции, т. е. он хотел сказать то, что сказал впоследствии Людовик XVIII в хартии 1814 г., где конституционная монархия изображается как дальнейшее развитие средневековых сословных учреждений и даже как развитие мартовских и майских полей меровингской и каролингской монархии.

Именно «готическое» правление, по мнению Монтескье, есть наилучшая форма правления, какая может быть когда-либо избрана людьми.

Принцип разделения властей был воспринят политической доктриной и конституционными актами французской революции. Так, в ст. 16 Декларации прав человека и гражданина записано, что ни одно общество, в котором не обеспечена гарантия прав и не установлено разделение властей, не имеет конституции, а конституция 1791 г. пытается дать конкретизацию этих принципов в государственном устройстве Франции.

Принцип разделения властей был направлен против неограниченных полномочий, сосредоточенных в руках одного органа или одного лица. Он был продиктован прежде всего стремлением покончить с абсолютизмом феодальной монархии, выражал стремление ограничить власть короля, разделить его суверенные права между различными органами власти. Он намечал тем самым умеренную программу конституционной монархии, которая легко могла стать и должна была стать средством осуществления компромисса буржуазии с феодальным помещичьим классом. Буржуазия забирала в свои руки законодательную власть, а исполнительную оставляла в руках дворянства и короля. Король, который раньше располагал всей полнотой государственной власти, теперь становился всего лишь главой исполнительной власти, главой правительства, как это было прямо выражено в известных словах конституции 1791 г. «le gouvernement est monarchique» — словах, которые так глубоко оскорбили Людовика XVI. Притом исполнительная власть неизбежно должна была занять подчиненное положение в отношении законодательной, поскольку все действия органов исполнительной власти, все действия административных органов должны были совершаться в рамках закона, т. е. в соответствии с постановлениями законодательной власти.

Действия исполнительной власти объявлялись, таким образом, подзаконными. Отсюда тесная связь принципа разделения властей с буржуазным учением о законности. Эта связь обнаруживается уже у самого Монтескье.

Свобода, по утверждению Монтескье, состоит в возможности делать все то, что дозволено законами. Свобода существует лишь в странах, в которых граждане обеспечены от произвола и злоупотреблений должностных лиц, т. е. в странах, где над всем господствует закон, а такими странами являются лишь те, в которых обеспечено разделение властей.

Сочинение Монтескье имело шумный успех во Франции. Современники утверждают, что книга вскружила головы всем французам и что ее можно было найти и в кабинете ученого, и на туалетном

столике светской дамы. Вольтер называл сочинение Монтескье кодексом разума и свободы, Даламбер причислял Монтескье к благодетелям человеческого рода.

К числу литературных приверженцев Монтескье принадлежал Неккер, написавший сочинение «Du pouvoir exécutif dans les grands Etats» (1792 г.). В этом сочинении он признает и отстаивает теорию разделения властей. Однако в наказах, которыми были наделены депутаты Национального собрания, теория разделения властей далеко не занимала превалирующего положения: cahiers (наказы) Парижа настаивали на полновластии народа, дворяне пытались ограничиться отдельными поправками к «готической» сословной монархии.

В Учредительном собрании принцип разделения властей отстаивали Лафайет, Руссье, Мерсье, Мунье и др., причем у всех этих приверженцев Монтескье принцип разделения властей означал защиту конституционной монархии. Так, Руссье говорил: «Франция есть государство монархическое, в котором народ составляет законы, а король обязан предписывать их исполнение. Это различие и разделение властей законодательной и исполнительной составляет сущность французской монархии»[1]. Мерсье, представивший конституционный проект, основанный на принципе разделения властей, исходил из того, что исполнительная власть должна принадлежать исключительно королю и что никакой законодательный акт не может считаться законом, если он не составлен народными представителями и не утвержден монархом. Мирабо, внося существенные поправки в теорию Монтескье, считал, однако, необходимым разделение законодательной и исполнительной власти. Исходя из значения исполнительной власти в большом государстве, он приходил к защите монархии. В своей речи 1 сентября 1789 г. Мирабо говорил о необходимости монархического правительства в большом государстве, которое могло бы соединять все его части и направлять их деятельность к общему центру[2]. В первые же годы революции Клермон-Тоннер, один из деятелей Учредительного собрания, убитый 10 августа 1792 г., выдвинул мысль о необходимости отличать королевскую власть от власти исполнительной как особую власть. Эту мысль впоследствии подхватил и развил известный теоретик конституционной монархии Б. Констан.

Уже та защита абсолютного veto короля, с которой выступили такие депутаты, как Лалли-Толландаль, Мунье, аббат Мори и др.[3], хотя и соответствовала общим воззрениям Монтескье, в сущности противоречила принципу разделения властей, предоставляя королю возможность участия в образовании закона.

III

Более решительными и смелыми были идеология и политическая программа энциклопедистов (Гельвеций, Гольбах и др.), которые наряду с открыто выраженным атеизмом и материализмом выдви-

[1] Buchez et Roux, Histoire parlementaire de lar évolution française, v. II. p. 406.

[2] Arch. parlem., v. VIII, p. 538.

[3] Arch. parlem., v. VIII, p. 514, 544, 609.

гали также учение о неотчуждаемых правах граждан, об общественном договоре как основе общественного союза, о добровольном соглашении подданных как законном основании всякой власти. В ряде случаев у энциклопедистов мы встречаем уже защиту республики и выражение таких политических принципов, которые идут значительно дальше теории Монтескье и конституционной монархии.

Энциклопедисты выдвигают учение о естественном состоянии и естественном праве, об изолированном индивиде, индивиде-атоме, об обществе как продукте свободного соглашения и добровольного соединения этих атомов. В сочинениях энциклопедистов развивается учение о прирожденных правах индивида, учение, которое в своих выводах приводит к буржуазному либерализму. Но, с другой стороны, из тех же положений исходит и учение о народном суверенитете, то учение, которое у Руссо и других приводит к обоснованию буржуазного демократизма.

Учение о естественных правах, представление об изолированном самостоятельном человеке использовалось различными представителями буржуазии различно. У более умеренных идеологов буржуазии оно служит обоснованию либерализма, у более революционно настроенных буржуазных демократов оно наоборот приводит к идее сосредоточения всей полноты власти в руках народа или его представителей.

Требование «естественных неотчуждаемых прав» выражает собой самую сущность буржуазного общества, построенного на началах свободной конкуренции. Здесь мы у самых истоков, у самых глубин буржуазной политической теории.

Буржуазное государство должно признать своей естественной основой «...независимого человека, связанного с другим человеком исключительно узами частного интереса и бессознательной естественной необходимостью...»[1]. Буржуазное государство должно признать и провозгласить в качестве своей основы всеобщие права человека[2].

Абстрактный «человек вообще», свободный от вмешательства в его жизнь государственной власти, свободно вступающий в сношения и связи с другими индивидами, — таков исходный пункт политической философии либерализма, отражающий принципы свободной конкуренции.

«Свободная конкуренция,— говорит Энгельс,— не терпит никаких ограничений, никакого государственного контроля, все государство ей в тягость, для нее всего лучше отсутствие всякой государственности,— состояние, в котором каждый мог бы эксплоатировать другого, сколько ему вздумается, как, например, в «союзе» нашего друга Штирнера. Но так как буржуазия нуждается в государстве хотя бы для того, чтобы держать в узде необходимый ей пролетариат, то она и пользуется им против пролетариата и по возможности не позволяет ему вмешиваться в свои дела»[3].

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 140—141.
[2] См. там же, стр. 141.
[3] Там же, стр. 555.

Так складывается учение о неприкосновенной для государства сфере субъективных прав, дается обоснование буржуазно-демократических «свобод». И Декларация прав человека и гражданина 1789 г. в первую очередь выражает именно это представление об изолированном субъекте, который должен быть свободным в известной сфере своих действий от вмешательства государства, которому даются какие-то гарантии против государственного вмешательства в его самостоятельную и не зависящую от государства деятельность.

В этом пункте учение о естественных правах, учение о буржуазно-демократических свободах расходится с учением о полновластии народа, с учением о неограниченном суверенитете народа, которое нашло свое блестящее развитие в трудах Руссо.

IV

Руссо, выражая интересы мелкой буржуазии, выступает как представитель другого течения, как защитник принципа народного суверенитета, как родоначальник идей буржуазной демократии. Если Декларация прав человека и гражданина является выражением буржуазного либерализма, то «Общественный договор» Руссо, обосновывающий принцип народного суверенитета, является теорией буржуазной демократии. Руссо уже требует не независимости индивида от государства, а полноты государственной власти над индивидом, однако не всякой власти, а непременно власти демократической.

Руссо не только не боится вмешательства государственной власти, но он просто его требует. Руссо считает, что если власть будет принадлежать народу, то благо каждой личности будет полностью и до конца обеспечено. Конечно, это концепция, ничего общего не имеющая с концепцией Декларации прав человека и гражданина. Декларация говорит о независимости индивида от государства, а Руссо говорит, что демократическое государство обеспечит благополучие индивида и что поэтому никакой независимости индивида от государственной власти не должно быть, так как индивид получит все необходимое ему от демократического государства. «On forcera d'être libre» («принудят быть свободным») — вот один из существенных выводов Руссо. Свободным принудят быть в государстве, если государство будет демократическим. Общая воля обеспечит общее благо, а следовательно, и благо каждого отдельного индивида. Не может быть такого положения, чтобы целое вредило своим частям; поэтому, если в государстве господствует общая воля, обеспечено благополучие каждого его гражданина.

Известный буржуазный ученый Еллинек в своей работе, посвященной Декларации прав человека и гражданина, вопреки установившемуся в буржуазной литературе мнению, высказался в том смысле, что исторические корни французской декларации лежат вовсе не в «Общественном договоре» Руссо, а в американских

декларациях XVIII века. Не будь американских «Bills of rights», говорит он,— французы не провозгласили бы прав человека и гражданина» [1].

Декларация прав человека и гражданина, по его мнению, «хочет провести вечную грань между государством и индивидом, которую законодатель постоянно должен иметь в виду как предел, раз навсегда положенный ему «естественными, неотчуждаемыми» священными правами человека». Декларация стремится «провести демаркационную линию между государством и индивидом», исходя из противопоставления индивида обществу [2].

Между тем Руссо, разделяя теорию естественных прав, исходил, наоборот, из представления о полном совпадении интересов индивида с интересами демократически организованного государства. Он требовал поэтому полного отчуждения всех естественных прав индивида в пользу общества и не мог, разумеется, считать необходимым установление каких-либо «гарантий» для индивида против организованного в государство народа [3].

Еллинек, отмечая эту особенность учения Руссо, правильно утверждал, что «Общественный договор» Руссо не мог быть основой для Декларации, поскольку Руссо в своем учении не только не требует ограждения индивида от воздействия на него со стороны общества, а наоборот, требует самого полного влияния общества на индивида.

Благо личности, по Руссо, гарантируется уже тем, что суверенитет принадлежит народу. Это и есть подлинная гарантия того, что интересы личности будут обеспечены. Никаких других гарантий Руссо не признавал.

Возражения, сделанные Еллинеку французским ученым Бутми, не могут поколебать выводов, следующих из работы Еллинека об англо-американских влияниях на Декларацию и о своеобразном понимании свободы индивида у Руссо, далеко не совпадающем с трактовкой свободы личности, данной в Декларации.

Руссо шел дальше буржуазных либералов, для которых государство оставалось внешней границей деятельности индивида, силой, которая может своим «вмешательством» лишь стеснить свободу индивида. Государство, в котором господствует общая воля, не может, по мнению Руссо, наносить ущерб не только общему благу, но и благу каждого отдельного индивида. Суверен, будучи образован из составляющих его частных лиц, не имеет и не может иметь интересов, противоположных их интересам; вследствие этого подданные не нуждаются в гарантиях по отношению к суверенной власти: невозможно, чтобы организм захотел вредить своим членам [4].

В связи с этим буржуазные ученые обвиняли Руссо в пособничестве абсолютизму [5], в стремлении установить безграничное все-

---

1 Еллинек, Декларация прав человека и гражданина, М., 1907, стр. 33.
2 Там же, стр. 72.
3 См. Rousseau, Contrat social, l. I, ch. VII.
4 Rousseau, Contrat social, l. I, ch. VII.
5 B. Constant, Cours de politique constitutionnelle.

могущество государственной власти, приводящее к поглощению индивида общественным целым. При этом, однако, интерпретируя мысли Руссо, они упускали из виду, что для Руссо свобода и благо индивида обеспечиваются полностью существованием индивида в демократическом государстве. Для Руссо жизнь в демократическом государстве есть не что иное, как наилучшее средство реализации естественных прав человека.

Руссо отказывается от идеи самодостаточности изолированного индивида и ждет от государства удовлетворения потребностей личности. Поэтому, оставаясь индивидуалистом и не покидая исходных позиций естественно-правовых теорий XVII—XVIII веков, Руссо, однако, порывает с пониманием свободы как независимости от государства и гарантии в отношении государственной власти.

Энгельс в «Анти-Дюринге» отмечает диалектический характер учения Руссо о равенстве [1]. Несомненно, диалектически развивается и учение Руссо о свободе. Свобода, утверждает Руссо, есть участие в законодательстве. Свобода существует в государстве, где законодательная власть целиком принадлежит народу, ибо общая воля всегда справедлива, всегда стремится к общей пользе; господство общей воли и есть лучшее обеспечение свободы. Так разрешается противоречие между естественной свободой и подчинением, необходимым в государстве.

В самом начале «Общественного договора» Руссо заявляет, что он не знает, как произошло, что люди, будучи по природе свободными, повсюду оказались в цепях, но что он может объяснить, при каких условиях подчинение человека человеку может стать законным и, следовательно, может быть вполне оправдано интересами самой свободы индивида [2].

Освобождение людей состоит не в том, чтобы возвратиться в первобытное состояние, не в переходе снова в естественное состояние, которое Руссо так красочно описывает. Люди уже не могут покинуть цивилизацию и вернуться к хижинам и лесам, но зато они могут обеспечить в государстве господство общей воли, а следовательно, господство общей пользы и всеобщей свободы.

Надо сказать, что Руссо отрицательно относился не только к идее неотчуждаемых прав, но и к идее разделения властей. Он прямо высказывался против Монтескье, сравнивая сторонников теории разделения властей с фокусниками, которые, разделив ребенка на части, подкидывают их вверх одну за другой, после чего ребенок падает на землю целым и невредимым. Этот иронический тон свидетельствует о том, что Руссо не разделял идеи конституционной монархии, которую предлагал осуществить Монтескье.

Все свои надежды на разрешение задач, которые стоят перед человечеством,— задач освобождения человека — Руссо связывал с организацией буржуазной демократии. И в этом, конечно, была глубокая трагедия и ошибка этого пламенного трибуна и демократа. От буржуазно-демократической республики ждал он достижения подлинного единства личности и общества, личности и госу-

[1] См. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1938, стр. 115.
[2] См. Rousseau, Contrat social, l. I, ch. I.

дарства. Ему не было ясно, что это — непосильная задача для буржуазного государства, неразрешимая для него.

«Тот, кто задается смелой мыслью дать учреждения тому или другому народу,— пишет Руссо,— должен чувствовать себя в состоянии изменить, так сказать, человеческую природу, превратить каждого индивида, который сам по себе составляет совершенное и самобытное целое, в часть более обширного целого, от которого этот индивид получает некоторым образом свою жизнь и свое бытие; он должен изменить склад человека, чтобы его укрепить, заменить частичным и нравственным существованием то физическое и независимое существование, которое все мы получили от природы» [1].

Огромную задачу полного перевоспитания человека Руссо надеется разрешить при посредстве буржуазной демократии. Он преисполнен веры в неограниченные творческие возможности демократии.

Еще более смелые надежды связывает с буржуазной демократией вождь якобинцев Робеспьер. «Мы хотим,— говорил он,— заменить эгоизм моралью, честь — честностью, обычаи — принципами, приличия — обязанностями, тиранию моды — господством разума, презрение к несчастью — презрением к пороку, заносчивость — гордостью, тщеславие — величием духа, любовь к деньгам — любовью к славе, хорошую компанию — хорошими людьми, интригу — заслугой, остроумие — гениальностью, скуку удовольствий — очарованием счастья, мелочность знатных — величием человека, народ любезный, легкомысленный и несчастный — народом великодушным, могущественным и счастливым, т. е. все пороки и смешные стороны монархии — всеми добродетелями и чудесами республики».

Коренное преобразование человеческой природы, полное удовлетворение всех потребностей человека, благо всех вместе и каждого в отдельности— вот что должно было осуществить «царство разума», демократическое буржуазное государство. Здесь полное несоответствие между задачей, которая была поставлена интересно и глубоко, и теми средствами ее разрешения, которые предлагали Руссо и его последователи. «Великие мыслители XVIII века — как и мыслители всех предыдущих веков — не могли выйти из тех границ, которые им поставила их эпоха» [2].

Но за буржуазией все время, как ее тень, идет пролетариат. Уже на первых этапах борьбы буржуазии против феодального строя за нею следует пролетариат, еще не выделившийся из всей массы трудящихся, из всей массы плебса. Он вкладывает в лозунги, которые выдвигает буржуазия в борьбе с дворянством, новое содержание.

И поэтому уже в XVIII веке, накануне французской революции, а еще более в процессе революции появляются теории, в которых лозунги Руссо получают новое содержание, находят свое дальнейшее развитие. Коммунистические идеи появляются в качестве вы-

---

[1] Rousseau, Contrat social, l. II, ch. VII.

[2] Энгельс, Вариант введения к „Анти-Дюрингу", Соч. Маркса и Энгельса, т. XIV, стр. 358.

водов из принципов, вдохновлявших Руссо. Пролетариат, трудящиеся Франции наполняют своим содержанием лозунги свободы, равенства и братства, под которыми буржуазия идет к власти. Продолжая мысли Руссо о совпадении интересов целого и интересов индивида, об отсутствии противоречий между ними, о всестороннем удовлетворении потребностей индивида как основной задаче государства,— продолжая эти мысли, такие мыслители, как Мабли, Морелли, открыто требуют уничтожения частной собственности, требуют организации коммунистического общества.

V

Мабли был сторонником и прямым продолжателем Руссо в целом ряде вопросов. Подобно Руссо он требовал демократической организации власти, возможно большего расширения прав и полномочий органов демократического государства. Подобно Руссо он настаивал на широком и всестороннем законодательстве, которое должно было отнюдь не ограждать человека от вмешательства государства, а положительным образом содействовать его воспитанию и удовлетворению всех его потребностей государством.

«Корень всех бедствий, постигающих человечество, — говорит Мабли,— лежит в собственности». «Поневоле мечтаешь,— продолжает он, как бы сознавая всю утопичность своих рассуждений,— об учреждении республики на каком-нибудь пустынном острове, где все будут равны, все богаты, все бедны, все свободны, все братья, считая первым законом не иметь ничего своего» [1].

С еще большей решительностью, с еще большей рельефностью коммунистические идеи выступают в знаменитом «Кодексе природы», который незадолго до французской революции вышел из-под пера Морелли.

Частная собственность, говорит Морелли, есть причина всех зол и неурядиц в человеческом обществе. Естественный порядок вещей нарушен установлением собственности. Естественная гармония, напротив, будет восстановлена, когда уничтожится частная собственность и отпадет желание одного человека отнимать что-либо у другого. «Устраните собственность,— продолжает Морелли,— и вы уничтожите навсегда тысячу случайностей, доводящих человека до отчаянных крайностей» [2]. Первое требование разумного законодательства — уничтожение всякой частной собственности.

В своем «Кодексе природы» Морелли дает постатейное изложение законодательства, призванного осуществить коммунистическую организацию общества. Первая статья этого кодекса гласит: «В обществе ничего не будет принадлежать отдельно или в собственность кому бы то ни было, кроме тех вещей, которыми он будет действительно пользоваться для своих нужд и удовольствий или для своего повседневного труда». Вторая статья заявляет:

---

[1] Mably, Des droit et des devoirs du citoyen, lettre 4.

[2] Code de la nature, p. III, Русский перевод, 1938. Морелли, Кодекс природы, ч. III, стр. 132.

«каждый гражданин будет должностным лицом, прокармливаемым, содержимым и занимаемым работою на общественный счет» [1].

Морелли критикует абстрактную концепцию свободы, согласно которой каждый человек должен быть независим от государства и предоставлен самому себе. «Если под свободой разумеют полную независимость, абсолютно исключающую всякое отношение одного человека к другому, то я говорю, что подобная свобода была бы состоянием совершенной заброшенности, положением, при котором люди жили бы обособленно, как растения; общества тогда не было бы». Он выдвигает иное понимание свободы. «Истинная политическая свобода человека,— говорит он,— состоит в беспрепятственном и безбоязненном пользовании всем, что может удовлетворить его естественные и, следовательно, законные желания» [2].

Известно также, что Бабеф пытался практически реализовать коммунистические идеи в своем знаменитом «заговоре равных». Основной идеей этого движения было требование уничтожить частную собственность и имущественные различия и сохранить лишь одно неравенство — неравенство пола и возраста. Пусть не будет между людьми другой разницы, кроме разницы пола и возраста,— говорил Бабеф в своем «Манифесте равных».

Революция не доведена до конца, говорил Бабеф, пока богачи захватывают все блага и пользуются исключительной властью, в то время как бедняки трудятся, как настоящие рабы изнывают в нищете и не имеют в государстве никакого значения. Революцию нужно продолжать. Ее цель — уничтожение неравенства, установление всеобщего счастья. Необходимо так изменить социальные учреждения, чтобы отнять у всякого отдельного лица надежду сделаться когда-либо более богатым, могущественным или образованным, чем кто-нибудь из равных ему.

Французская революция, по словам Бабефа, только предтеча другой, более великой и более величественной революции, которая даст человечеству действительное, подлинное освобождение и будет уже последней революцией [3].

Наконец, и наиболее решительные защитники интересов трудящихся масс (Жак Ру, Варле, Леклерк), которых жирондисты называли «бешеными», выступая против якобинцев в качестве их оппозиции слева, ставили вопросы экономические, вопросы имущественного неравенства на первый план. Их вождь Жак Ру в своей речи, произнесенной в Конвенте 25 июня 1793 г., говорил: «Свобода — лишь пустой призрак, когда один класс людей может морить другой голодом. Равенство — пустой призрак, когда богатый путем скупок продуктов получает право на жизнь и смерть своих ближних».

Таким образом, уже в политической идеологии периода, предшествовавшего революции, а также в идеологии самой революции обнаруживаются идеи, которые идут значительно дальше бывших в то время налицо материальных условий. Мы видим первые попытки

---

1 Морелли, Кодекс природы, ч. IV, русский перевод, стр. 176.
2 Морелли, Кодекс природы, ч. II., стр. 89.
3 См. Буонарротти, Гракх Бабеф и „Заговор равных".

пролетариата осуществить непосредственно свои собственные классовые интересы в тот период, когда происходила борьба за ниспровержение феодального общества. Они неизбежно должны были потерпеть крушение. Маркс и Энгельс говорят: «Первые попытки пролетариата осуществить непосредственно свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период низвержения феодального общества, необходимо терпели крушение из-за неразвитого состояния самого пролетариата, из-за недостатка материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи» [1].

Но это заставляет нас особенно внимательно отнестись к идеям деятелей французской революции и теоретиков, ее подготовлявших.

В одном из предварительных набросков предисловия к «Анти-Дюрингу» Энгельс говорит: «Современный социализм... в своей теоретической форме является прежде всего дальнейшим и более последовательным продолжением основных принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века...» [2].

Буржуазия еще во французскую революцию 1789 г. стала обнаруживать свой испуг перед массами и свой отход от лозунгов революции, а пролетариат уже в революцию 1789 г., прозревая далеко вперед, стал вкладывать новое, свое содержание в лозунги свободы и равенства, под которыми буржуазия шла к власти. Вот почему мы с интересом и вниманием должны относиться к тем теориям, которые еще в борьбе буржуазии за власть развернули лозунги свободы и равенства, нашедшие позднее новое, углубленное содержание в теориях пролетариата. Мы должны со вниманием относиться к теориям, которые впервые дали этим лозунгам такое насыщенное революционной страстью, красноречивое выражение, какое они получили у великих просветителей XVIII века.

---

[1] Маркс и Энгельс, Манифест коммунистической партии, Госполитиздат, 1938, стр. 60.

[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 357

КОНСТИТУЦИИ И ДЕКЛАРАЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А. ДЕНИСОВ

I

Начиная с 1789 по 1871 г. Франция проделала три революции: революцию 1789—1793 гг., революцию 1830 г. и революцию 1848 г. В результате этих революций французская буржуазия добилась установления своего чистого классового господства. Это означает, что частная капиталистическая собственность теперь уже не стеснена никакими средневековыми регламентациями, что свобода эксплоатации рабочей силы ничем не ограничена. Чистое господство буржуазии означает установление такого политического строя, который, соответствуя интересам ее как класса, позволяет буржуазии осуществлять свое господство безраздельно. Третья французская республика, против которой объединились ныне все реакционные элементы французской буржуазии, и является таким строем; это своего рода политический итог буржуазно-демократической революции Франции.

Установление республики и та демократизация общественного и политического строя Франции, которая имела место за время с 1789 г., объясняются не демократизмом и республиканизмом самой французской буржуазии, а главным образом активной ролью во французской буржуазной революции плебейских масс в конце XVIII века и пролетариата в начале и середине XIX века. Можно смело сказать, что демократизация французского буржуазного общественного и политического строя зависела в первую очередь от самостоятельной и решающей роли рабочего класса в буржуазно-демократической революции.

Ленин в статье «О старых, но вечно новых истинах» указывал, что «...в эпохи буржуазных преобразований (или вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько г е г е м о н и я переходит в решающие моменты национальной истории н е к буржуазии, а к «низам», к «плебейству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков...» [1].

[1] Л е н и н, т. XV, стр. 196.

Ленин в 1911 г. писал, что «...эти «низы» даже в те короткие периоды, когда им случалось в истории играть роль «центров притяжения для демократического крестьянства», когда им удавалось вырвать эту роль из рук либеральной буржуазии, оказывали решающее влияние на то, какую степень демократизма получала страна в последующие десятилетия так называемого спокойного развития. Эти «низы» в короткие периоды своей гегемонии воспитывали свою буржуазию, переделывали ее так, что она потом старалась пятиться назад, но не могла в этом попятном движении зайти дальше, скажем, второй палаты во Франции или отступлений от демократизма выборов и т. д., и т. п.»[1].

Французская буржуазная революция конца XVIII века как классическая революция буржуазного типа дает наглядное подтверждение той старой, но вечно новой истины, о которой говорит Ленин. Французская либеральная буржуазия на первом этапе этой революции стремилась к конституционной монархии и решительно боролась даже против буржуазного республиканизма. Ленин указывал, что «либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 годов». Наоборот, низы, широкие слои демократии преследовали другие, более решительные задачи: они боролись за создание не буржуазной монархии, а демократической республики. И именно «...демократия Франции, — пишет Ленин, — с рабочим классом во главе, вопреки колебаниям, изменам, контр-революционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжелых «кампаний», тот политический строй, который упрочился с 1871 года»[2].

Французская либеральная буржуазия в начале эпохи буржуазных революций была монархической. «...В конце долгого периода буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных... элементов — французская буржуазия вся была переделана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена»[3].

Именно трудящиеся массы, прежде всего плебейские массы городов в первой французской революции и рабочий класс в революции 1848 г., своими выступлениями, борьбой перевоспитывали буржуазию и, все время толкая ее влево, создали буржуазно-демократический политический строй. Была установлена демократическая республика со «всеобщим» избирательным правом, т. е. такая форма государства, которая означает ближайший подход трудящихся, пролетариата к коммунистической революции, к диктатуре пролетариата.

«Франция,— писал Энгельс,— это страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции, следовательно, в наиболее резких очертаниях выковываются те меняющиеся по-

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 195—196.
[2] Ленин, Там же, стр. 342.
[3] Там же, стр. 342—343.

литические формы, внутри которых движется эта классовая борьба и в которых находят свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время Великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с классической ясностью, с какой этого не сделала ни одна европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии выступает здесь в такой острой форме, какая другим странам неизвестна»[1].

Содержание и формы классовой борьбы во Франции определяли собой содержание и форму диктатуры, как равно содержание и особенности конституций и деклараций прав. Французские конституции периода 1789—1871 гг. отображали и закрепляли действительное соотношение сил в борьбе классов, были выражением классовой борьбы и устанавливались классом или классами в результате одержанной ими победы.

Маркс в одной из своих записных книжек написал следующие замечательные слова: «История происхождения современного государства или французская революция»[2]. Маркс рассматривает французскую революцию прежде всего как решающий акт в истории возникновения современного, т. е. буржуазного, государства. Это положение Маркса чрезвычайно важно потому, что оно, во-первых, указывает путь возникновения буржуазного государства как путь политической революции и, во-вторых, ориентирует нас на изучение в истории нового времени французской революции как революции, обеспечившей победу капиталистической цивилизации, победу капитализма над феодализмом.

II

Основы общественно-политического строя Франции накануне революции 1789 г. могут быть кратко выражены следующими словами: абсолютизм, феодальные, сословные привилегии, эксплоатация, политический и религиозный гнет.

Политическое устройство, выражавшее эти основы и закреплявшее их, находилось в резком противоречии с развитием капиталистического способа производства, слагавшегося в недрах феодального общества. Это развитие, как указывал Энгельс в своей работе «Разложение феодализма и развитие буржуазии», проходило довольно интенсивно начиная уже с XVI века. Капиталистический способ производства в основных чертах сложился поэтому еще до победы французской революции как революции политической. Развивающаяся буржуазная экономика, превращавшаяся все более и более в господствующую систему хозяйства, требовала приведения всей политической и правовой надстройки в соответствие с нуждами и задачами дальнейшего развития капиталистического

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 189—190. (Разрядка наша — *А. Д.*).

[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 588.

производства. Отсюда революционные требования и борьба буржуазии против феодализма и абсолютизма, против политического строя и правовых установлений старого режима. Став экономически могущественной силой, буржуазия в лице своих идеологов обосновывает необходимость свержения старого строя как строя «неестественного», «несправедливого», как строя, созданного вопреки рассудку. Она требует установления новых порядков соответствующих ее «разуму» и «справедливости», строя «естественного», т. е., попросту говоря, буржуазного капиталистического строя.

Декларация прав человека и гражданина, утвержденная 26 августа 1789 г., и первая французская конституция, принятая в 1791 г., в этом отношении исключительно поучительны. Они ярко показывают, как крупная буржуазия организуется, конституируется в правящий, господствующий класс и как она в ходе революции эволюционирует в сторону реакции, боясь последовательной демократизации общественного и политического строя.

Декларация прав 1789 г. провозглашала основы политического строя буржуазного общества. Она знаменовала победу принципов буржуазного права над средневековыми привилегиями, закрепляла первые победы крупной французской буржуазии. Декларация прозвучала могучим призывом ко всему передовому и прогрессивному человечеству, звала на борьбу против абсолютистского произвола, на борьбу за ликвидацию феодальных порядков.

В своих 17 статьях она провозгласила «прирожденные» права человека, указав, что назначением правительства является обеспечение прав гражданина, формулировала основные принципы государственного устройства, объявив, что равенство перед законом, народный суверенитет, разделение властей, конституция являются важнейшими признаками так называемого представительного буржуазного государства. В своей последней статье Декларация провозгласила священность и неприкосновенность частной собственности. «Так как собственность,— говорится здесь,— есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен ее иначе как в случае установленной законом, несомненной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения». Священность и неприкосновенность новой формы частной собственности, собственности капиталистической, идущей на смену собственности феодальной,— такова подлинная основа Декларации 1789 г. Здесь буржуазия провозгласила то, что составляло стержень ее требований и интересов, формулировала свое главное завоевание в борьбе против старого порядка.

Декларация прав человека и гражданина не была актом, конкретно определявшим компетенцию и порядок функционирования органов государственной власти; она скорее являлась абстрактно-философской формулировкой принципов французской буржуазии, которыми выражалось отрицательное отношение буржуазии к старому феодальному обществу и в которых лишь в общих чертах вырисовывалась физиономия буржуазного общества и государства.

Крупная буржуазия, овладев политической властью, стала оттачивать и делать более конкретными свои политические и социальные требования. Первый день ее политического господства был днем поражения дворянства и абсолютизма. Ремесленники, подмастерья и беднейшее крестьянство, поднявшись, помогли возвыситься крупной буржуазии. Второй день господства крупной буржуазии ознаменовался юридическим признанием противоречий внутри третьего сословия. Буржуазия Франции, идя к власти, боролась против хозяйственно-политической раздробленности, она сплачивала вокруг себя народ лозунгами национального единства. Буржуазия, говорившая накануне революции о единстве народа, придя к власти, от этого единства отказалась. Декретом Учредительного собрания от 22 декабря 1789 г. она разделила граждан Франции на два разряда: разряд активных граждан, т. е. собственников орудий и средств производства, и разряд пассивных граждан, т. е. продавцов своей рабочей силы, граждан, не имеющих собственности. В основу этого разделения был положен, таким образом, принцип частной собственности. В категорию активных граждан попало немногим более 4 миллионов из 26 миллионов всего населения Франции; остальные граждане все оказались пассивными, т. е. лишенными политических прав.

При обсуждении этого декрета ярко и резко выступил Робеспьер. Он говорил, что разделение граждан на активных и пассивных противоречит всему тому, за что третье сословие боролось против абсолютизма и, в частности, противоречит «Декларации прав человека и гражданина», и что избирательный закон, делящий граждан на активных и пассивных, означает произвол, угнетение одной части нации другой ее частью. Несмотря на все доводы Робеспьера и его сторонников, крупная буржуазия провела однако указанное разделение. В развитие и дополнение декрета о разделении граждан на активных и пассивных был издан 19 июня 1790 г. декрет о праве активных граждан носить оружие.

«...С прогрессом революции,— писал Ленин,— изменяется соотношение классов в революции. Всякий действительный прогресс революции есть вовлечение в движение более широких масс, — следовательно, бóльшая сознательность классовых интересов, — следовательно, бóльшая определенность политических, партийных группировок... следовательно, все бóльшая замена общих, абстрактных, неясных и смутных в своей абстрактности политических и экономических требований конкретными, точно определенными различными требованиями различных классов» [1].

Эти положения Ленина ярко подтверждаются всей практикой борьбы классов, поведением и позициями различных групп буржуазии в период французской революции. В законодательных актах, в декларациях прав и конституциях французской революции находили свое выражение и получали оформление интересы буржуазии. В них буржуазия уточняла и конкретизировала свои требования, определяла отношение к другим классам и классовым группировкам.

[1] Ленин, т. XI, стр. 204—205.

Декларация прав человека и гражданина 1789 г. специально ничего не говорила о власти короля. По букве и по существу эта декларация была антикоролевской; она провозгласила народный суверенитет. Однако конституция 1791 г., сохранила короля. Она установила конституционную монархию, в которой королю вместе с министрами принадлежала вся исполнительная власть. Вся военно-бюрократическая машина, созданная в эпоху абсолютной монархии, была почти полностью сохранена и использована крупной буржуазией в своих интересах, направлена против трудящихся.

Конституционная монархия являлась в начале революции той формой правления, которая вполне отвечала интересам крупной буржуазии. История нового времени и особенно история французской буржуазной революции учит, что «...либеральная конституционная монархия является адэкватной формой господства буржуазии: 1) вначале, когда буржуазия еще не вполне справилась с абсолютной монархией, и 2) в конце, когда пролетариат уже делает демократическую республику слишком опасной» (Энгельс) [1].

Конституционная монархия, установленная во Франции в 1791 г., была адэкватной формой господства крупной французской буржуазии в период, когда буржуазия еще не совсем справилась с абсолютизмом.

Другой принцип — «равенство всех перед законом», провозглашенный Декларацией 1789 г., — отлился в форму цензового избирательного права. За неимущими равенство избирательных прав совершенно не признавалось, да и для активных граждан устанавливалось не вполне равное избирательное право. Управление и законодательство были, таким образом, открыто признаны прерогативой собственников.

Провозглашенное в Декларации 1789 г. право сопротивления угнетению конституция 1791 г. отбросила, рассматривая его как нечто отошедшее в область предания, а военное подавление всякого сопротивления буржуазному порядку было признано необходимостью, само собою разумеющейся.

Противоречие между Декларацией прав человека и гражданина, которая являлась введением к конституции 1791 г., и самой конституцией 1791 г. показывает, как буржуазия в процессе развития классовой борьбы опрокидывает декларированные ею же принципы буржуазной революции.

Французская буржуазная революция 1789—1793 гг. развивалась по восходящей линии. В процессе развития революции последовательно выступали на сцену наиболее смелые, наиболее активные силы, чтобы выкорчевать и навсегда уничтожить феодализм и абсолютизм.

Якобинская диктатура, установленная в результате революции 31 мая — 2 июня 1792 г., по-плебейски расправилась в интересах буржуазии с дворянством и королем, подавила методами плебейского революционного террора контрреволюционную буржуазию («антипатриотов», как тогда говорили) и организовала оборону революции от коалиции феодальных государств.

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 368.

«Якобинцы 1793 года,— пишет Ленин,— были представителями самого революционного класса XVIII века, городской и деревенской бедноты. Против этого класса, расправившегося уже на деле (а не на словах) со своим монархом, со своими помещиками, со своими умеренными буржуа посредством самых революционных мер вплоть до гильотины, против этого истинно-революционного класса XVIII века шли войной объединенные монархи Европы» [1].

Якобинская диктатура создала грандиозную вооруженную силу, которая подавила контрреволюцию внутри страны и обеспечила разгром объединенных внешних сил, стремившихся восстановить абсолютную монархию.

В статье «Международный характер Октябрьской революции» товарищ Сталин писал:

«История повторяется, хотя и на новой основе. Как раньше, в период падения феодализма, слово «якобинец» вызывало у аристократов всех стран ужас и омерзение, так и теперь, в период падения капитализма, слово «большевик» вызывает у буржуазных стран ужас и омерзение. И, наоборот, как раньше Париж являлся убежищем и школой для революционных представителей подымающейся буржуазии, так и теперь Москва является убежищем и школой для революционных представителей подымающегося пролетариата. Ненависть к якобинцам не спасла феодализм от крушения. Можно ли сомневаться, что ненависть к большевикам не спасет капитализм от его неизбежного разгрома?» [2].

Якобинская конституция является одной из самых демократических конституций французской буржуазной революции, самой демократической, самой радикальной конституцией XVIII и XIX веков вообще. Маркс и Энгельс дали глубокий и блестящий анализ этой конституции и Декларации прав, предпосланной ей.

Якобинская конституция провозгласила Францию республикой. Это была первая республика, завоеванная трудящимися массами революционной Франции. Демократическая республика явилась той формой классового господства передового революционного класса XVIII века, которая позволила ему решительно, по-плебейски разделаться со своими классовыми противниками из старого феодального мира. Но эта республика была опасна и для самой буржуазии, ибо она предоставляла — пусть формальные и ограниченные — политические права трудящимся, которые давали им известные возможности развернуть борьбу на более широкой арене за свое освобождение.

Якобинская конституция впервые на континенте провозгласила нечто близкое к всеобщему избирательному праву. Статья 2 декрета от 11 августа 1792 г. гласила: «Разделение французов на граждан активных и пассивных уничтожается. Для того, чтобы быть допущенным к выборам, достаточно быть французом, иметь от роду 21 год, иметь оседлость в данной местности в течение одного года, жить на доходы или трудовой заработок и не являться прислугой».

---

[1] Ленин, т. XX, стр. 505.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 180.

Авторы конституции 1793 г. понимали всеобщее избирательное право ограничительно. Уничтожив имущественный ценз, они оставили ряд других ограничений, лишив избирательных прав женщин, население подвластных Франции колоний и др.[1].

Конституции французской буржуазной революции, как и любые буржуазные конституции, «...молчаливо исходят из предпосылки о том, что нации и расы не могут быть равноправными, что есть нации полноправные и есть нации неполноправные, что кроме того существует еще третья категория наций или рас, например, в колониях, у которых имеется еще меньше прав, чем у неполноправных наций. Это значит, что все эти конституции в основе своей являются националистическими, т. е. конституциями господствующих наций»[2].

Ограниченность якобинской конституции и якобинской диктатуры не менее ярко проявлялась и в отношении якобинского правительства к рабочим. Закон Ле-Шапелье, утвержденный 14 июня 1791 г. Учредительным собранием, которым запрещались и сурово карались всякие рабочие собрания и союзы, полностью был сохранен якобинцами. Маркс по этому вопросу отмечал: «Весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания п р о т и в рабочих продолжали сохранять свою силу»[3].

Несмотря на свой ограниченный характер, якобинская диктатура являлась диктатурой самого передового для того времени класса, равно как якобинская конституция — самой прогрессивной, самой демократической конституцией века.

Конституция 1793 г. предусматривала однопалатный парламент из 600 депутатов, избираемых на короткий срок (1 год). Национальное собрание являлось, по конституции, верховным органом республики. Все остальные органы государственной власти, в том числе и Исполнительный совет (24 члена), образуемый Законодательным корпусом из кандидатов, выбранных выборщиками, избранными в свою очередь первичными собраниями, подчинялись Национальному собранию, черпали свои силы в актах этого верховного органа республики.

Конституция якобинцев нанесла серьезный удар по принципу разделения властей, который провозглашался Декларацией прав человека и гражданина 1789 г. и конституцией 1791 г. В противо-

---

[1] Юбилей революции XVIII в., праздновавшийся во Франции в атмосфере подготовки к новой империалистической войне, оценивался деспотией „200 семейств" и их военно-политической кликой как праздник французской империи. На парад были приглашены „представители" цветных народов французских колоний с марокканским султаном и вождями негритянских племен во главе. Много было сказано красивых слов о защите принципа равенства рас, провозглашенного революционным Конвентом. Официальные лица старались убедить угнетенные народы французских колоний, будто они — равноправные члены некоей „великой федерации свободных народов", которую эти народы и должны якобы защищать.

[2] С т а л и н, О проекте Конституции Союза ССР, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 516.

[3] М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XXIII, стр. 234.

положность конституции 1791 г., она установила принцип единства государственной власти.

Для утверждения наиболее важных законов и самой конституции якобинская конституция предусматривала референдум, что также говорит о ее демократизме.

Якобинская конституция устанавливала выборность муниципальных должностных лиц, вооружение народа, право убежища для иностранцев, изгнанных из своей страны за революционную борьбу. Конституция требовала, чтобы общество оказывало гражданам, впавшим в бедствие, поддержку, предоставляя им работу или обеспечивая неспособных к труду средствами к существованию.

Но превыше всего и конституция 1793 г. ставила право собственности, охрану частной собственности. Право собственности состоит, по конституции, в принадлежащей каждому гражданину возможности пользоваться и располагать по усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла; гражданам не может быть воспрещаем никакой род труда, земледелия или торговли.

Конституция 1793 г. вполне разрешала задачу укрепления буржуазной собственности. В XVII и в XVIII веках вопрос о собственности был самым жгучим, самым жизненным вопросом для буржуазии. Маркс писал, что для французской (как и для английской) буржуазной революции право собственности состояло в свободе конкуренции и в уничтожении всех феодальных отношений собственности — помещичьей власти, цехов, монополий и т. д., которые превратились в цепи для развивавшейся в XVI—XVIII веках индустрии. Речь шла о расчистке пути для развития чистой буржуазной собственности.

Далее, конституция 1793 г. провозглашала: «Французский народ есть естественный друг и союзник свободных народов. Он отнюдь не вмешивается в управление других народов. Он не допускает, чтобы другие народы вмешивались в его управление». На всем протяжении истории буржуазии этот демократический принцип оставался и остается только на бумаге.

Таковы общие основные положения якобинской конституции 1793 г. Как мы видим, она была действительно демократической конституцией, для того времени смелой и радикальной конституцией, которая возникла в условиях наивысшего подъема французской буржуазной революции.

Якобинская конституция, как известно, осталась лишь проектом, ибо сам Конвент, принявший эту конституцию, счел невозможным в условиях гражданской войны и внешней опасности провести ее в жизнь.

Буржуазная французская революция добилась с 1789 по 1793 г. крупных побед, получивших прямое или косвенное отражение в соответствующих конституционных актах. Была обеспечена полная свобода развития капитализма — свобода передвижения капитала, свобода перемещения капитала из одной отрасли производства в другую, свобода распродажи с молотка мелкой собственности крестьян и ремесленников, свобода найма рабочей силы и т. п.

Дальнейшее развитие революции было опасно для буржуазии, не соответствовало ее классовым целям и задачам. Для осуществления этих задач она выдвинула Наполеона I, установила его диктатуру, чтобы задушить революцию и сохранить лишь то, что было выгодно для капиталистов.

Свой путь от якобинской демократической республики к империи Наполеона I Франция прошла через установление Директории, через переход от Директории к консульству и, наконец, через переход от консульства к империи.

Термидорианский конвент в 1795 г. издал вместо конституции 1793 г. новую конституцию — «Конституцию III года республики». Эта конституция была реакцией Конвента на стихийные восстания рабочих и парижской бедноты, требовавших проведения в жизнь якобинской конституции, на проповедь Бабефа и деятельность «Союза равных».

Она ввела двухпалатную систему (Совет пятисот и Совет старейшин); отменила то почти всеобщее избирательное право, которое было провозглашено якобинцами, установила двухстепенные выборы и имущественный избирательный ценз.

Палаты выбирались департаментскими коллегиями на три года и ежегодно обновляли 1/3 своего состава. Совет пятисот, членами которого могли быть мужчины не моложе 30 лет, пользовался правом законодательной инициативы. Совет старейшин, состоявший из 250 членов в возрасте не моложе 40 лет, принимал или отвергал законопроекты, принятые Советом пятисот, т. е. по существу был верхней палатой. Законопроект считался законом, если он принимался обеими палатами.

Исполнительная власть принадлежала Директории, состоявшей из пяти членов. Члены Директории избирались Советом старейшин по представлению Совета пятисот. Директория ведала всеми вооруженными силами страны и финансами, назначала должностных лиц, за действия которых отвечала, и т. д.

Отметим, что термидорианская конституция имела некоторое влияние на конституционное творчество других стран. Так, например, конституции республик Цизальпинской, Гельветической и др. почти дословно копировали французскую конституцию 1795 г.

Усиливающаяся политическая активность масс трудящихся, с одной стороны, и «Заговор равных» — с другой, испугали буржуазию. Она искала спасения в военной диктатуре. Наиболее подходящим кандидатом на пост военного диктатора оказался Наполеон Бонапарт. Вернувшись из Египта, он 9 ноября 1799 г. (18 брюмера VIII года республики) произвел государственный переворот, опираясь на крупную финансовую и промышленную буржуазию и на зажиточную часть крестьянства.

Свергнув Директорию, Наполеон поставил своей дальнейшей задачей установление военной диктатуры, ликвидацию последствий якобинской диктатуры и подавление движения широчайших масс трудящихся. Начал он с того, что разогнал Совет пятисот и добился от Совета старейшин решения об упразднении Директории и о временной передаче власти комиссии из трех консулов. Эта

временная комиссия, или Консульство, просуществовала с 1799 по 1804 г.

Конституция III года республики после переворота 1799 г. уступила место конституции VIII года республики. Эта конституция, по форме республиканская, на деле вводила монархический строй с декоративными, лишенными власти, полуконституционными учреждениями. Она устанавливала чрезвычайно сложный законодательный механизм, пожалуй, самый сложный, когда-либо существовавший во Франции. По конституции VIII года республики, законы составлялись Государственным советом, обсуждались Трибунатом, вотировались Законодательным корпусом и утверждались или отклонялись Сенатом. Законодательная инстанция, обсуждавшая законопроект, не имела права его утверждать, а инстанции, принимавшие и утверждавшие законопроект, не имели права его обсуждать. Неудивительно, что представительные учреждения превратились в фикции.

«Доверие снизу» вылилось в четырехстепенную систему выборов. Граждане — мужчины, достигшие 21 года,— представляли собою собрание выборщиков. Они избирали из своей среды $^1/_{10}$ часть (список нотаблей). Из этого списка избирались коммунальные и окружные власти. Из списка нотаблей в свою очередь выбиралась $^1/_{10}$ часть, составлявшая департаментский список. Из департаментского списка избирались чиновники департамента. Его $^1/_{10}$ часть составляла национальный список нотаблей, из которого Сенат назначал членов обеих палат — Трибуната и Законодательного корпуса, а исполнительная власть черпала людей для замещения различных должностей. Исполнительная власть принадлежала трем консулам; первым консулом был Наполеон.

Но и эта ублюдочная конституция скоро не понравилась Наполеону, стремившемуся к установлению неограниченной военной диктатуры. В 1802 г. Трибунат был урезан в правах, а в 1803 г. совсем упразднен. От конституционной пристройки не осталось ничего. Этим была подготовлена почва для перехода от консульства к империи.

Существенным дополнением к конституции VIII года республики явилась проведенная Наполеоном административная реформа. Реформа устанавливала сильный бюрократически-централизованный механизм власти, действовавший по указке центральных органов. Она окончательно оттесняла массы от участия в государственной жизни и сосредоточивала всю власть в руках послушных чиновников, поставленных центральной властью и контролируемых ею. Департаментское деление Франции было сохранено, но департаменты были разделены на округа и общинные подразделения. Во главе департаментов были поставлены префекты, во главе округов — супрефекты, назначавшиеся центральной властью. Органы местного самоуправления были почти полностью ликвидированы. Реформа была направлена также на то, чтобы создать на местах усиленную наружную и тайную полицию, которая взяла бы на учет всех «неблагонадежных» и выслеживала бы их. Полиция на местах возглавлялась чиновниками, назначавшимися центральной властью и

подчинявшимися только ей. Вся Франция была опутана чиновническо-полицейской сетью, построенной центральной властью.

В борьбе с демократическими элементами Наполеон опирался не только на консервативную, крупную буржуазию, но и на духовенство. Наполеон заключил договор с папой. Согласно этому договору (конкордату), католической церкви предоставлялись определенные права, защищавшиеся государством. Религия была включена в систему государственного механизма.

8 мая 1804 г. Франция была объявлена империей. В том же году Сенат провозгласил «гражданина» Наполеона Бонапарта императором Франции.

Наполеоновские военные походы ввергли страну в тяжелый экономический кризис. Этот кризис в конце концов, после ряда внешних поражений, обусловил отход от Наполеона крупной промышленной и финансовой буржуазии. Наполеон лишился своей базы. 10 апреля 1814 г. он был вынужден отречься от престола и выслан на остров Эльбу.

Наполеоновская империя распалась. К власти пришли свергнутые революцией французские помещики, дворяне. Во главе их был поставлен Людовик XVIII, брат казненного Людовика XVI.

Реставрация распространилась не только на Францию, но и на ряд других стран.

Однако феодальная реакция была не в состоянии до конца ликвидировать все социально-экономические завоевания французской революции 1789—1793 гг.

Последующие буржуазные революции 1830 и 1848 гг., нанеся этой реакции решительные удары, расчистили капиталистические пути развития Франции.

III

При рассмотрении деклараций и конституций заслуживает особого внимания вопрос о субъективных правах, провозглашенных французской революцией.

Энгельс указывал, что в XVIII веке «...всех ослепляла борьба с остатками средневекового быта в общественных отношениях. На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, причиненный тысячелетним всеобщим варварством» [1].

Борясь за власть, буржуазия в этот период декларировала две категории прав: естественные, прирожденные права, т. е. права человека как такового, и права получаемые от государства, т. е. права гражданина. Права человека и гражданина использовались как политическое средство в борьбе против феодализма и феодальных привилегий; они звучали как набатный призыв, зовущий к установлению буржуазной свободы, т. е. свободы буржуазных отношений, развития буржуазного способа производства, к установлению торжества буржуазной демократии.

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 648—649.

Понятие «гражданин» в отличие от понятия «человек» и понятие «прав человека» в отличие от «прав гражданина» в развернутом виде появились именно в этот период. Буржуазная революция отграничила и разделила эти понятия. Она свела человека, «...с одной стороны, к члену гражданского общества, к эгоистическому, независимому индивиду, с другой — к политическому гражданину, к моральной личности» (Маркс) [1].

Маркс различает буржуазное гражданское общество, в котором действует человек со своими частными интересами, и политическое общество, т. е. государство, в котором действует гражданин как представитель господствующего класса, отстаивающий общие интересы своего класса. Французская буржуазная революция превратила человека в человека-буржуа, освобожденного от полицейской опеки, от корпоративно-цеховых оков. Человек-буржуа, т. е. частный собственник орудий и средств производства,— это средоточие буржуазных отношений, основа буржуазного общества.

Что касается граждан-буржуа, то они «...выступают вообще в качестве граждан государства лишь постольку, поскольку этого требуют их частные дела...» [2]. Это нашло свое абстрактно-юридическое выражение в ст. 2 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., гласящей: «Цель каждого государственного союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению».

В Декларации устанавливалось, что люди рождаются и остаются свободными и равными в правах и что общественные различия людей могут быть основаны только на общей пользе [3].

В начале французской революции буржуазия, как правило, верила в пышные фразы деклараций и конституций, написанных под ее диктовку, и разделяла иллюзии «общих интересов». Осуществляя свои классовые задачи, она изображала собственные классовые интересы, как общие интересы всех членов общества, и придавала своим идеям значение всеобщности. Буржуазная «...всеобщность соответствует, — как указал Маркс, — 1) классу против сословия, 2) конкуренции, мировому общению и т. д., 3) большой численности господствующего класса, 4) иллюзии общих интересов. Вначале эта иллюзия правдива, 5) самообману идеологов и разделению труда» [4].

Декларация прав человека и гражданина, предпосланная якобинской конституции 1793 г., объявляла, что правительство установлено для обеспечения человеку возможности пользоваться при-

---

1 Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 391—392.

2 Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 340.

3 В свое время „общим благом“ или „общей пользой“ прикрывали свои интересы и крупные сеньеры Франции и ряда других стран. Так, например, крупные сеньеры Франции в 1465—1477 гг. вели борьбу против Людовика XI, об'единившись в „Лигу общего блага“. Эти сеньеры обвиняли короля и его помощников в том, что они попирают „права дворянства“, не дают дворянам „большие пенсии“ (денежные пособия) и т. п.

4 Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 38.

надлежащими ему естественными и неотъемлемыми правами. «Когда правительство нарушает права народов,—подчеркивала Декларация, — восстание составляет для каждой части народа самое священное из прав и самую необходимую из обязанностей».

Напрасно стали бы мы искать во французских буржуазных декларациях и конституциях или в учениях, скажем, представителей школы естественного права четкого разграничения естественных прав человека и приобретенных прав гражданина.

В общем, к естественным правам человека, к прирожденным правам субъекта как члена гражданского общества сторонники школы естественного права обычно относят равенство, свободу, право частной собственности, право на сопротивление угнетению.

Теоретики школы естественного права при конструировании и обосновании этих прав исходят, как известно, из постулата «естественного состояния». Противопоставляя это естественное, догосударственное состояние современному им состоянию «цивилизации» с ее объединением людей в государство, представители школы естественного права объясняют переход от «естественного состояния» к государству необходимостью защиты и охраны самих естественных прав. Последние не могут быть обеспечены в «естественном состоянии» с его борьбой «всех против всех» (Гоббс). Поэтому необходимо установление государства, где бы права человека находили необходимую защиту и охрану. Переход к государству совершается на основе «общественного договора».

Возвращение от чрезмерной утонченности общества XVII—XVIII века к ложно понятой природе исключительно ярко выражено, например, в произведениях Руссо[1]. Руссо, устанавливая путем «Общественного договора» взаимоотношения и связь между независимыми якобы от природы людьми, предвосхищает «буржуазное общество». Его Общественный договор представлял собою лишь идеологическое выражение и отражение тех буржуазных отношений, которые складывались в недрах феодального общества.

Буржуазное общество подготовлялось с XVI века, а в XVIII веке оно уже сделало гигантские шаги по пути к своей зрелости. «В этом обществе свободной конкуренции,— говорит Маркс,— отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгло-

---

[1] Идея противопоставления цивилизации „невинной" жизни „детей природы" характерна не только для философских систем, но и для художественных произведений XVIII века.

Известный поэт Геснер в своем знаменитом произведении „Идиллия" (1756—1772) воспевает простоту, детскую невинность жизни пастухов и пастушек. Маркс писал по этому поводу: „Так в шумные революционные эпохи, в периоды страстного отрицания и отречения, как XVIII век, появляются... сатиры, вроде Геснера, которые исторической скверне противопоставляют не знающее развития, состояние идиллии" (Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 203—204).

мерата. Пророкам XVIII века... этот индивид XVIII века,— продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой — развившихся с XVI века новых производительных сил,— представляется идеалом, существование которого относится к прошлому,— не результатом истории, а ее исходным пунктом; потому что, согласно их воззрению на человеческую природу, соответствующий природе индивид представляется им не возникшим исторически, а данным самой природой. Это заблуждение было до сих пор свойственно каждой новой эпохе» [1].

Марксизм, подходя к вопросу о «правах человека и гражданина» со строго научной, материалистической точки зрения, показывает, почему положения буржуазных конституций и деклараций, устанавливающие субъективные права, провозглашались буржуазией с такой яркостью и пышностью, вскрывает подлинную основу раздвоения субъекта права на человека и гражданина. Значительная часть прав гражданина входит в понятие политических прав, т. е. прав на участие человека в государственной жизни. Сюда относятся различного рода политические свободы, свобода собраний, избирательные права и т. д.

Говоря о так называемых правах человека, разработанных американцами и французами, Маркс пишет: «Отчасти этими правами человека являются политические права, права, осуществляемые лишь в общении с другими людьми. Участие в общежитии, и притом политическом общежитии, в государстве, образует их содержание. Они входят в категорию политической свободы, в категорию гражданских прав...» [2].

Установив, что права человека как такового отличаются от прав гражданина, Маркс добавляет, что человек, отличаемый от гражданина, есть «не кто иной как член гражданского общества. Почему член гражданского общества называется «человеком», просто человеком, почему его права называются человеческими правами? Чем можем мы объяснить этот факт?». И Маркс объясняет этот факт «отношением политического государства к гражданскому обществу, сущностью политической эмансипации» [3].

Основу раздвоения индивида на человека и гражданина Маркс видит, с одной стороны, в особом соотношении буржуазного государства и буржуазного общества и, с другой,— в односторонности буржуазной революции, освободившей народ от оков феодализма и абсолютизма и надевшей на него новые цепи — цепи буржуазной демократии и буржуазной эксплоатации.

Подчеркивая, что так называемые права человека, в отличие от прав гражданина, суть не что иное, как права члена гражданского общества, т. е. эгоистического человека, обособленного от людей как членов политического общежития, Маркс подробно останавливается на анализе «естественных», «неотчуждаемых» прав (равенство, свобода, безопасность и право собственности).

---

[1] Маркс, К критике политической экономии. Введение. Госполитиздат, 1938, стр 135.

[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 384.

[3] Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 385.

Критикуя Бауера, Маркс в «Святом семействе» писал, что «...признание прав человека современным государством имеет такой же самый смысл, как признание античным государством рабства. Именно подобно тому как античное государство имело своей естественной основой рабство, точно так же современное государство имеет своей естественной основой буржуазное общество, равно как человека буржуазного общества, т. е. независимого человека, связанного с другим человеком исключительно узами частного интереса и бессознательной естественной необходимостью, раба своего промысла и своей собственной, а равно и чужой своекорыстной потребности. Современное государство признало эту свою естественную основу, как таковую, в всеобщих правах человека. Оно не создало ее. Будучи само продуктом буржуазного общества, собственным развитием вынужденного разрушить старые политические рамки, государство, с своей стороны, должно было признать свое место рождения и основу в провозглашении прав человека»[1].

Буржуазия для того, чтобы успешно бороться с феодализмом, должна была поднять на эту борьбу народ, была вынуждена поднять и возглавить энтузиазм масс. Без этого нельзя было свергнуть абсолютную монархию, победить феодализм. В лице своих идеологов буржуазия поэтому обосновывала и обещала гарантировать права человека как «естественные права», как «неотчуждаемые права».

Права человека названы естественными потому, что человек-буржуа сложился еще в недрах старого общества и для буржуазных теоретиков он являлся, следовательно, как бы естественной предпосылкой буржуазного государства. В недрах феодализма складывался в основных чертах капитализм. Задача французской буржуазной революции состояла в том, чтобы привести политическую и правовую надстройку в соответствие с требованиями этого «естественного человека», в соответствие с наличной капиталистической экономикой.

Французская буржуазная революция обнаружила с особой рельефностью противоречие между позицией обособленного индивида, рассматривающего все формы общественной связи лишь как средство для осуществления его частных интересов, и развитием общественных связей индивидов на базе капиталистического способа производства. Об этом противоречии Маркс писал:

«По мере того как мы углубляемся в историю, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще в совершенно естественной форме в семье и в семье, развившейся в род; затем в возникающем из столкновения и слияния родов обществе в его различных формах. Лишь в XVIII веке, в «буржуазном обществе», различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходи-

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 140—141.

мость. Однако эпоха, которая порождает эту позицию — обособленного индивида, — есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) связей»[1].

Буржуазия не ставила и не могла ставить перед собой задачи уничтожения господства частной собственности, ликвидации всяких форм эксплоатации человека человеком и превращения людей в действительно свободных.

«Естественное право» обособленного индивида (буржуа), являлось на деле не чем иным, как правовым обоснованием необходимости ниспровержения феодализма и его политической надстройки — абсолютизма, а также признанием буржуазного общества «естественным», «разумным» обществом.

«Естественное право» выражало, таким образом, не только о т р и ц а т е л ь н о е отношение буржуазии к феодализму, но и п о л о ж и т е л ь н о е стремление буржуазии, пришедшей к власти, представить буржуазный строй единственно нормальным и незыблемым строем.

П о л и т и ч е с к и е с в о б о д ы, провозглашенные французскими буржуазными конституциями и декларациями, выражали интересы сложившегося и развивавшегося капиталистического общества. В конце концов социальная сущность этих свобод сводилась к обеспечению развития капитализма и капиталистической конкуренции. Не идеалы освобождения человека вообще, а развившиеся новые производственные отношения, обусловленные развитием производительных сил, — вот что в конечном итоге определило степень и форму политического и всякого иного «освобождения» французов.

Новые капиталистические отношения и политические свободы, провозглашенные и закрепленные конституциями Франции, означали не только освобождение производителя от крепостной и цеховой зависимости, но и «освобождение» его от орудий и средств производства. Буржуазная свобода для трудящегося человека означала в последнем счете превращение его в «птицу божию», свободную умирать с голоду.

Для буржуазных историков, политиков, юристов существует лишь одна сторона французской революции — и ей они неустанно поют дифирамбы — освобождение людей от оков феодализма и абсолютизма. Но они либо вовсе не замечают, либо, замечая, тщательно затушевывают другую сторону этой революции, а именно «освобождение» производителей от орудий и средств производства, порабощение трудящихся масс в форме буржуазной демократии и капиталистической эксплоатации.

История учит, что рабочий свободен лишь тогда, когда он владеет средствами производства. Это возможно в двух формах: 1) в форме и н д и в и д у а л ь н о й, когда рабочий, как производитель, лично владеет орудиями и средствами производства (эта форма владения, как показала французская революция, исторически обречена), и 2) в форме к о л л е к т и в н о й, т. е. в форме превращения орудий и средств производства в социалистическую

[1] М а р к с и Э н г е л ь с. Соч., т. XII, ч. I, стр. 174.

собственность. Действительная свобода есть лишь там, где рабочие сообща владеют орудиями и средствами производства. Таково положение рабочих в СССР — в стране социализма. Здесь полное и всестороннее развитие человеческой личности, действительная личная и всякая другая свобода обеспечены социалистической собственностью на средства производства и коллективным, социалистическим производством.

Буржуазная свобода означает не свободу одной личности по отношению к другой, а свободу, которой капитал пользуется для эксплоатации и угнетения рабочего класса. Фетишизм буржуазного общества состоит именно в том, что здесь принимают за свободу человека свободу отчужденной от производителя собственности, свободу бесчеловечной эксплоатации рабочего класса. «...Рабство буржуазного общества, по видимости своей, есть величайшая свобода, потому что она кажется законченной формой независимости индивидуума...» [1].

Ленин в своей речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства» указывал, что всемирный капитал в свое время имел перед собой задачу создания свободы, что он, сбросив феодальное рабство, создал буржуазную свободу. Отмечая, что создание буржуазной свободы есть всемирно-исторический прогресс, Ленин тут же подчеркивает ограниченность буржуазной свободы, ибо в ее основе лежат интересы товаровладельца, интересы капитала и угнетение трудящихся масс.

В буржуазном обществе возможна действительная свобода лишь для буржуазии. Она означает свободу эксплоатации трудящихся масс. Для трудящихся здесь возможна лишь формальная свобода, на деле сводящаяся к свободе продавать свою рабочую силу капиталу. Это, конечно, отнюдь не означает, что для пролетариата буржуазная ограниченная свобода не имеет значения. Наоборот, пролетариат использует буржуазные свободы и, в частности, буржуазную свободу слова, собраний и т. п. в борьбе против капитала, для просвещения, организации и сплочения трудящихся масс в целях свержения буржуазии.

Равноправие как принцип, согласно которому граждане государства пользуются одинаковыми правами независимо от социального происхождения и положения, имущественного состояния, вероисповедной принадлежности, образовательного уровня и т. п., было провозглашено французской буржуазной революцией.

Идея равноправия является результатом длительного исторического развития. Рабовладельческому государству эта идея в смысле равенства прав всех людей была совершенно несвойственна, ибо здесь небольшому сравнительно числу свободных противостояла огромная масса рабов, лишенных всяких прав. «У греков и римлян, — замечает Энгельс в «Анти-Дюринге», — неравенства людей играли гораздо большую роль, чем какое бы то ни было равенство. Древним показалось бы безумием мысль о том, что греки и варвары, свободные и рабы, граждане и клиенты, римские граж-

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 144.

дане и римские подданные (употребляя последнее слово в широком смысле) могут претендовать на одинаковое политическое значение» [1].

Феодальному государству идея равноправия была также чужда. Здесь огромная масса населения состояла из закрепощенных или полусвободных; свободные резко различались по сословиям, цехам и корпорациям; феодальное право есть право-привилегия. Права и повинности распределялись крайне неравномерно; неравенство перед законом и судом было общим явлением.

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин показали, как французская буржуазная революция конца XVIII века, выражая требования развивающегося капиталистического производства, разбила все сословия, корпорации, цехи и привилегии феодального общества. И если политическим выражением средневекового способа производства являлись привилегии, то политическим выражением капиталистического способа производства, для развития которого расчищала путь французская буржуазная революция, является «...просто п р а в о, р а в н о е п р а в о...» [2].

В «Людвиге Фейербахе» Энгельс писал, что «...буржуазия, борясь против феодализма и расчищая поле для капиталистического производства, вынуждена была уничтожить все сословные, т. е. личные, привилегии и ввести равенство сперва в области частного, а затем и в области государственного права» [3].

Декларация прав человека и гражданина 1789 г. провозглашает равноправие как государственный закон. Она утверждает, что закон как выражение всеобщей воли должен быть равным для всех, оказывает ли он покровительство или карает. Следовательно, под равенством здесь понимается лишь формальное равенство или равенство всех перед законом.

Равенство, как и свобода, в буржуазном обществе есть равенство товаровладельцев.

Марксизм вскрывает материальные корни абстрактного равенства и свободы и показывает принципиальное отличие пролетарского требования равенства (уничтожение классов) от буржуазного равноправия (формальное равноправие независимо от классовой принадлежности гражданина). Под равенством марксизм понимает не формальное равенство перед законом и не уравниловку в личных потребностях и в быте, а уничтожение классов. «...Маркс и Энгельс, — указывает Ленин, — говорили: Равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов» [4].

Равноправие как политический принцип, провозглашенный французскими буржуазными конституциями и декларациями, есть выражение равенства и равного значения всех общественно-необходимых человеческих работ при системе товарного производства. Равенство при капитализме — это, во-первых, выражение равенства товаровладельцев, капитала, а во-вторых, формальное равенство,

---

[1] М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XIV, стр. 103.
[2] М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. IV, стр 309
[3] М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XIV, стр. 659.
[4] Л е н и н, т. XXIV, стр. 294.

означающее на деле наемное рабство формально свободных и равноправных рабочих, гнет капитала над трудом.

Сущность равенства изменяется в зависимости от развития революции, от смены классового господства. Ленин писал:

«Революция в своем ходе свергает один эксплуататорский класс за другим. Она сбросила сначала монархию и понимала под равенством только то, чтобы была выборная власть, чтобы была республика. Она, перейдя дальше, сбросила помещиков, и вы знаете, что вся борьба против средневековых порядков, против феодализма шла под лозунгом «равенства». Все равны, независимо от сословий, все равны, в том числе миллионер и голяк, — так говорили, так думали, так искренне считали величайшие революционеры того периода, который в историю вошел, как период Великой Французской революции... Революция пошла дальше. Она говорит, что ...равенство есть обман, если оно противоречит освобождению труда от гнета капитала. Это мы говорим, и это совершенная правда. Мы говорим, что демократическая республика с современным равенством — это ложь, обман, что равенство там не соблюдается и его там быть не может, и то, что мешает пользоваться этим равенством — это есть собственность на средства производства, на деньги, на капитал» [1].

Равноправие — принцип, провозглашаемый почти всеми французскими декларациями и конституциями. Признание формального равенства в области правовых отношений и возрастание фактического общественного неравенства — таково одно из многочисленных противоречий капитализма вообще и французского в частности. Догматико-юридический метод, который применяется большинством буржуазных правоведов Франции да и всех других капиталистических стран, используется буржуазными учеными для того, чтобы скрывать и затушевывать это противоречие. Относя вопрос о социальном неравенстве к области социологии, буржуазные правоведы не считают необходимым рассматривать его как предмет своих юридических исследований.

Наряду с провозглашением равенства и свободы, так же широковещательно буржуазия в период французской революции провозглашала и принцип так называемого б р а т с т в а. Под братством теоретиками идущей к власти буржуазии вначале понималось такое состояние общества, при котором никто не может считать себя счастливым, если есть хотя бы один несчастный человек. «Братства нет в феодальном обществе», — говорили наиболее радикальные из этих теоретиков. Лозунг братства, как и лозунги равенства и свободы, был направлен против феодалов. Буржуазия говорила, что крестьянин — брат помещику и что крепостное право, противоречащее братству, должно быть отменено.

Буржуазия пришла к власти. Стало совершенно очевидным, что буржуазное общество отнюдь не означает всеобщего счастья, что при капитализме миллионы несчастных людей обрекаются на голод, безработицу, что в этом обществе происходит относительное и абсолютное обнищание рабочего класса.

[1] Л е н и н, т. XXIV, стр. 293.

После революционных бурь, революционного натиска «братство» очень скоро исчезло из конституций и деклараций. «Братство» было изъято из обращения в области права и сохранялось только лишь в области рассуждений о нравственности. Под «братством» здесь понимались уже не равноценность всех людей и их одинаковое право на счастье, а такое отношение человека к людям, которое определяется правилом: «окажи помощь нищему, помоги безработному, если ты богат». «Братство» превратилось в буржуазную благотворительность, в благочестивую филантропию. Практически «братство» стало прикрытием для жесточайшей формы эксплоатации. Оно служило средством затушевывания того противоречия между богатством и нищетой, которым характеризуется буржуазное общество. Лозунг братства теперь остался лишь высеченным на стенах французских тюрем и в учебниках буржуазной морали.

В заключение необходимо отметить, что право на сопротивление угнетению, как «естественное» право также очень скоро исчезло из буржуазных деклараций и конституций. Когда буржуазия боролась против феодализма, против абсолютной монархии, она говорила, что человек имеет право сопротивляться угнетению, что он имеет право даже на восстание, имеет право сбросить правительство угнетения и создать новое, угодное ему. Право на сопротивление угнетению являлось революционным требованием выступавшей против феодализма и шедшей к власти буржуазии.

С того времени, когда буржуазия прочно стала у власти, она это право полностью отрицает. Буржуазия не хочет рассматривать буржуазное общество как общество, основанное на угнетении. Она исходит из идеи, что в буржуазном обществе господствует якобы всеобщая воля, что здесь солнце одинаково обогревает всех, что законы в одинаковой мере относятся ко всем и что, следовательно, здесь нет почвы для права сопротивления угнетению.

Буржуазные законодатели понимают, что признание в условиях капитализма права сопротивления угнетению означало бы правовое оправдание борьбы рабочего класса против капиталистического гнета. Буржуазия очень скоро увидела, что право сопротивления угнетению направляется против ее господства, и она тотчас же это право выбросила из своих лозунгов, заменив его требованием безопасности как высшего принципа буржуазии.

«Безопасность, — пишет Маркс,—есть высшее социальное понятие гражданского общества, понятие полицейское, что все общество существует лишь для того, чтобы обеспечить каждому его члену неприкосновенность его личности, его прав и его собственности. В этом смысле Гегель называет гражданское общество «государством нужды и рассудка». При помощи понятия безопасности гражданское общество не возвышается над своим эгоизмом. Безопасность есть, скорее, гарантия его эгоизма» [1].

Под безопасностью понимается личная и имущественная безопасность капиталиста. Капиталист в понятие безопасности вклады-

[1] Маркс и Энгельс, Соч. т. I, стр. 387.

вает вполне земное содержание. Буржуазное государство — политическая организация, охраняющая имущественную и личную безопасность капиталистов. И именно это буржуа ставит превыше всего.

Таковы буржуазные свобода, равенство, братство и т. д., провозглашенные французскими конституциями и декларациями.

* *
*

Маркс в своих работах и особенно в «Капитале» не раз издевался над велеречивостью, с которой возвещались буржуазно-демократические хартии свобод и прав, над фразерством о свободе, равенстве, братстве.

Маркс и Энгельс вскрыли классовую сущность тех требований и преобразований, которые буржуазия прикрывала пышными, высокопарными фразами о «народе», «справедливости», «праве». Они показали, что либеральные фразы о правах человека и гражданина «..являются идеалистическим выражением реальных интересов буржуазии...» [1].

В первом томе «Капитала» мы читаем следующие гениальные слова: «Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которых осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, напр. рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воли находят свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о самом себе» [2].

В докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов СССР товарищ Сталин отметил, что «буржуазные конституции обычно ограничиваются фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления. Говорят о равенстве граждан, но забывают, что не может быть действительного равенства между хозяином и рабочим, между помещиком и крестьянином, если у первых имеется богатство и политический вес в обществе, а вторые лишены и того и другого, если первые являются эксплоататорами, а вторые эксплоатируемыми. Или еще: говорят о свободе слова, собраний и печати, но забывают, что все эти свободы могут превратиться для рабочего класса в звук пустой, если он лишен возможности иметь в своем распоряжении подходящие помещения для

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 178.
[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 95.

собраний, хорошие типографии, достаточное количество печатной бумаги и т. д.»[1].

Вот почему писал Ленин «...из всех буржуазных революций Европы рабочий класс вышел с разочарованием...»[2]. Только противопоставив себя буржуазии, осознав себя и противоположность своих классовых интересов интересам буржуазии, пролетариат может в непримиримой борьбе против капитализма завоевать и осуществить подлинную свободу, равенство и братство трудящихся.

Порвав с мелкобуржуазными иллюзиями, сплотившись вокруг великой партии Ленина — Сталина, рабочий класс нашей страны вошел в социалистическую революцию со своей программой и победил. Великая Октябрьская социалистическая революция принесла рабочему классу не разочарование, а самое полное осуществление его надежд, его чаяний и требований. Она дала трудящимся политические свободы и материальные блага в таком объеме, в каком капитализм вообще не мог никогда дать их трудящимся.

IV

Французская революция 1789 — 1794 гг. вошла в историю как великая буржуазная революция. Она является великой потому, что, с одной стороны, в корне подорвала феодальные общественно-политические отношения, а с другой — установила такие основы экономической жизни буржуазного общества и такие принципы буржуазной демократии, которые были восприняты всеми передовыми буржуазно-демократическими государствами конца XVIII и всего XIX века. «Для своего класса... для буржуазии, она сделала так много, — говорит Ленин, — что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции»[3].

Основным результатом этой революции является то, что она освободила народ от цепей феодализма и абсолютной монархии. Но, освободив от этих цепей народ, она наложила на него вместе с тем новые цепи — цепи капитализма и буржуазной демократии. Ограниченность французской буржуазной революции состоит в том, что она, упразднив один вид эксплоатации и классового господства, закрепила другой вид эксплоатации и классового господства.

Эта ограниченность характерна и для конституций французской революции. Они закрепляли основы буржуазной государственности, исторически являвшиеся прогрессивными, поскольку они шли на смену старому феодальному государству. Эти основы закрепляли создание нового централизованного национального государства. Но вместе с этим конституции оформляли и закрепляли режим буржуазного господства, выгодный и угодный буржуазии, закре-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 517.
[2] „Пролетарская революция", 1939, № 1, стр. 28.
[3] Ленин, т. XXIV, стр. 304.

пляли создание буржуазного государства, осуществлявшего диктатуру буржуазии и обеспечивавшего эксплоатацию пролетариата[1].

Несмотря на историческую и классовую ограниченность, декларации прав и конституции эпохи французской революции являются фактом большого исторического значения, сыгравшим определенную роль в прогрессивном движении человеческого общества.

Маркс, Энгельс и Ленин придавали огромное значение истории французской революции; великий Сталин уделял и уделяет истории Франции конца XVIII, XIX и XX веков большое внимание, подчеркивая различие между французской революцией 1789 г. как революцией однобокой и революцией социалистической, победившей в нашей стране, как революцией полнокровной, уничтожившей старую форму труда, основанную на эксплоатации и создавшей социалистическую систему хозяйства и подлинную демократию для народа.

---

[1] Французская революция укрепила унитарное, централизованное буржуазное государство, полезное для буржуазии и в высшей степени необходимое для рабочего класса, ибо такое государство позволяет рабочему классу вести фронт классовой борьбы не на расчлененной территории государства.

Энгельс писал, что „с конца средних веков история ведет к созданию (Konstituierung) в Европе больших национальных государств. Только такие государства и представляют нормальную политическую организацию (Verfassung) господствующей европейской буржуазии и служат вместе с тем необходимой предпосылкой для создания гармонического интернационального сотрудничества народов, без которого господство пролетариата не может существовать (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI. ч. I, стр. 453).

ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789—1794 гг. (до 9 термидора)

М. РЕЙХЕЛЬ

I

Докладывая 9 августа 1793 г. Национальному конвенту первый проект Гражданского кодекса, Камбасерес говорил:

«Конституция — блестящая заря, предвещающая хороший день. Ваши работы не кончились. После долгого хождения по руинам необходимо воздвигнуть великое здание гражданского законодательства: здание простое, но величественное в своих пропорциях; величественное самой простотой и тем более прочное, что оно будет воздвигнуто не на зыбком песке систем, а на твердой земле законов природы и на девственной почве республики». И дальше: «Повелительный голос разума дает себя слышать».— «Системы? Мы ее не имеем совсем, убежденные в том, что все науки имеют свою химеру. Природа единственный оракул, который нам надо вопрошать. Блажен, сто раз блажен возврат к этой общей матери» [1].

Цивилисты того времени говорили языком эпохи.

Ожидания, связанные у идеологов буржуазии с установлением «царства разума», точно и красочно сформулированы Энгельсом в «Анти-Дюринге»: «Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и с этих пор суеверие и несправедливость, привилегии и угнетение уступят место вечной истине, вечной справедливости, естественному равенству и неотъемлемым правам человека» [2].

Излагая Конвенту принципы второго проекта Гражданского кодекса 9 сентября 1794 г., тот же Камбасерес утверждал, что «наши законы будут только кодексом природы, санкционированным разумом и гарантированным свободой... Осуществление политических прав — основа свободы. Осуществление гражданских прав — основа общественного счастья и оплот публичной морали».

Можно сомневаться, чтобы Камбасерес, будущий второй консул Франции и герцог Пармский, особенно верил в то царство разума, законов природы, а главное — общественного счастья, которые так велеречиво предвещал. Крупная и средняя буржуазия, по крайней мере в лице своих более проницательных представителей, очень быстро осознала противоположность своих классовых инте-

[1] Fenet, Recueil complet des travaux préparatoires du Code civil, t. I, pp. 2,5 et 10.

[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 17.

ресов интересам неимущего и эксплоатируемого плебса и сознательно вела линию на скорейшее «завершение» революции и установление не царства разума, а царства капитала, не законов природы, а законов капиталистической эксплоатации, не общественного счастья, а счастья буржуазии.

Но волны революции вздымались еще высоко, после каждого спада можно было опасаться их нового и еще более высокого подъема. За торжествующим капиталистом неотступно следовал, как зловещая тень, пролетарий. Открытое, обнаженное господство было невозможно. Нужны были маскировка, прикрасы, обман, демагогическая фразеология. И тому, что вдохновенно провозглашали великие провозвестники французской революции, тому, во что искренно верили и чему служили мелкобуржуазные революционеры,— тому лицемерно и фальшиво подпевали представители крупной и средней буржуазии, таскавшие каштаны из революционного огня руками «плебса» и «низов».

Фразеологией революции XVIII века французская буржуазия, как известно, вынуждена была пользоваться и впоследствии. И даже сейчас на фронтонах всех правительственных зданий Франции, не исключая и тюрем, красуется лозунг революции «Liberté, égalité, fraternité» (свобода, равенство, братство).

Но за внешне единой фразеологией, за гордо-вдохновенными, нередко высокопарными речами депутатов национальных собраний революции, за риторическими украшениями и частыми ссылками на образцы республиканских доблестей Греции и Рима скрывалась самая ожесточенная классовая борьба. Сталкивались непримиримые интересы феодалов и буржуазии, непримиримые интересы имущих и неимущих, кипели страсти, неугомонная и необузданная улица бесцеремонно врывалась в «Храм Свободы» [1] и грубо, по-плебейски толкала законодателей влево. Основные вопросы революции решались огнем пожаров, оружием и гильотиной.

Естественно, что полем такой борьбы было и гражданское законодательство революции. Да и как могло быть иначе? Ведь именно здесь, в области гражданского законодательства, преобразовывались старые либо юридически закреплялись новые, стихийно складывавшиеся экономические и личные (не политические) отношения людей. Именно здесь формулировались законом основы нового строя, закреплялся его экономический фундамент. Формы капиталистического уклада, вызревавшие в недрах феодального общества, получали в нем свое завершение и полное господство. Новое гражданское общество, созданное революцией, требовало и нового гражданского права. И то и другое рождалось в борьбе.

II

В предреволюционной Франции не было единой системы гражданского права.

Та область общественных отношений, которая находит свое выражение в гражданском праве буржуазного государства,— именно

[1] Так часто назывались законодательные собрания революции.

область экономических и личных отношений людей,— в предреволюционной Франции была отражена в целой группе разнородных и плохо увязанных между собой ответвлений права.

Так, область земельных отношений, а также личных привилегий «благородного» сословия регулировалась в основном феодальным правом, вопросы гражданского состояния и брака — в основном каноническим правом, вопросы обязательственного права — в основном римским правом. Остальные вопросы гражданского права регулировались в одних провинциях римским правом, в других — «кутюмами», т. е. обычным правом. Кроме того, по всем перечисленным предметам было издано значительное количество королевских ордонансов. Сами «кутюмы» помимо этого отличались большим разнообразием — провинции, города и иногда даже деревни пользовались своим местным обычным правом.

Вся территория королевства в отношении правовых норм разделялась на две большие части. Южная, несколько меньшая часть была страной так называемого писаного права (pays de droit écrit). В ней применялось «римское право Юстиниана, а иногда и Кодекс Феодосия, измененный под влиянием обычного права и частных статутов»[1]. Северная, несколько бо́льшая часть была страной обычного права (pays de coutumes). Граница между этими частями проходила извилистой линией южнее реки Луары, начинаясь от реки Шаранты в области Сегат и кончаясь областью Жекс, обходя с юга почти весь Овернь и с севера Форез, Лионнэ, Маконнэ и Бресс. К странам писаного права относился также Эльзас.

Но это деление было не единственным. Обе названные части распадались, кроме того, как было указано, на большое количество провинций и отдельных местностей, имевших свои собственные «кутюмы». Одним из наиболее существенных отличий в их содержании было то, что в северной Франции, в стране обычного права, господствовала презумпция «nulle terre sans seigneur», т. е. все земли считались сеньоральными, если не было доказано обратное; в южной же части, стране писаного права, действовала обратная презумпция — «nul seigneur sans titre», т. е. земли считались сеньоральными только в том случае, если сеньор мог доказать свои права на них.

Королевские ордонансы, хотя и играли в общем объединяющую роль, но также далеко не всегда распространялись на все королевство. Часто они касались только отдельных провинций или местностей. Но некоторые ордонансы не только имели силу во всем королевстве, но и преследовали цели частичной кодификации. Такими ордонансами были, например, Ordonnance de commerce 1673 г. и Ordonnance de la marine 1689 г.

Если к сказанному прибавить, что в дореволюционной Франции не было и не могло быть единой и устойчивой судебной практики, то можно себе представить, какая пестрота и путаница царили там в гражданских правоотношениях. «Ничего устойчивого, никакой связи,— пишет Саньяк.— Это хаос, в котором юрист теряется.

---

[1] Саньяк, Гражданское законодательство французской революции, стр. 10.

В результате разнообразия и путаницы жители одного и того же королевства делаются до некоторой степени чуждыми друг другу»[1].

Пестрота и путаница в гражданских отношениях были, естественно, одним из серьезных тормозов для развития экономики страны. Пышно расцветала в этих условиях только профессия юристов, которые пользовались во Франции значительным весом и заняли впоследствии выдающееся место в законодательных собраниях революционной Франции.

Деление территории Франции на две области писаного и неписаного права было бы неправильно понимать в том смысле, что «кутюмы» не были зафиксированы на письме. Первоначально так и было, но в дальнейшем стали составляться сначала частные сборники «кутюмов», а с XV века и официальные. В XVI веке большая часть «кутюмов» была кодифицирована. Но таких кодексов было перед революцией, по крайней мере, 360. Некоторые из них были ведущими, в особенности по практике их применения, например кодекс парижских «кутюмов» и практика Парижского парламента. Но цифра кодексов все же достаточно красноречива. Кроме того, кодексы «кутюмов» охватывали лишь часть материала, относящегося к гражданскому праву, и действительными кодексами отнюдь не являлись. Эсмен сообщает, что их содержанием из области гражданского права в буржуазном понимании были: гражданское состояние, поземельные отношения, права супругов, дарение, наследование и завещание, а также способы имущественных взысканий. При этом чаще всего и из этих вопросов регулировались лишь наиболее важные[2].

Вся область обязательственных отношений даже в северной Франции регулировалась, как указано было выше, в основном римским правом. Торговля страны находила в нем свою объединяющую опору. Кроме того, римским правом пользовались для восполнения пробелов в «кутюмах» если не как jus scriptum, то во всяком случае как ratio scripta.

По этому вопросу между юристами не было согласия.

Ясно, что при таком состоянии гражданского права и его источников революция должна была очень скоро поставить вопрос не только о его ломке или изменении в соответствии с потребностями буржуазного общества, но и о его объединении. Невзирая на сопротивление ряда депутатов, цепко державшихся за правовые особенности своих провинций, Учредительное собрание 16 августа 1790 г. постановило: «Гражданские законы будут пересмотрены и преобразованы законодательными органами, и будет создан общий кодекс законов простых, ясных и согласованных с конституцией». Это постановление было подтверждено конституцией 1791 г.: «Будет издан кодекс гражданских законов, общих для всего королевства».

Кодекс этот, как известно, был издан только в период консульства, при Наполеоне. Конвентом до переворота 9 термидора II года (27 июля 1794 г.) был рассмотрен и в основном принят

[1] Саньяк, Гражданское законодательство французской революции, стр. 11.
[2] A. Esmein, Cours élémentaire de l'histoire du droit français, éd. 4, pp. 751—752.

только первый проект Гражданского кодекса, не получивший, однако, силы. Но основная работа по преобразованию гражданского права Франции была проделана до переворота 9 термидора путем издания отдельных декретов, заложивших основы единого гражданского права новой, буржуазной Франции. Последующее законодательство в общем лишь отсекало «крайности» законодательного творчества народной революции, неприемлемые для крупной буржуазии, и довело до конца кодификацию, начатую и значительно подвинутую вперед еще Конвентом. Правительство Наполеона, задушившее французскую революцию, «...сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии»[1].

Но если уже внешнее состояние «гражданского права» дореволюционной Франции должно было тормозить развитие экономики страны, то тем более это относится к его содержанию.

Вместе со всей политической надстройкой того времени «гражданское право» в общем сковывало производительные силы страны, а в области сельского хозяйства вело ее даже к экономической деградации.

III

Каково было содержание дореволюционного «гражданского права»?

Как определялось этим правом правовое положение личности? Имела ли личность хотя бы элементарную, с точки зрения буржуазии, свободу деятельности? Можно ли было сказать, что старый строй хотя бы приближенно признавал принцип равенства гражданской правоспособности, столь необходимый для организации хозяйства на началах свободной конкуренции и для развязывания частной инициативы?

Безусловно, нет. Старый строй был построен на совершенно иных принципах. Общество было феодально-сословным, оно характеризовалось резким неравенством сословий. Классовая эксплоатация и это неравенство закреплялись огромными привилегиями господствующих и правопоражением, бесправным положением угнетенных. Правоспособность определялась принадлежностью к тому или иному сословию или группе населения.

В некоторых провинциях существовало еще настоящее крепостное право, хотя и в смягченном виде. Что касается пережитков крепостного права, и очень серьезных, то они господствовали повсеместно. Сельское население было опутано бесконечным количеством личных, натуральных и денежных повинностей в пользу сеньоров.

Крестьяне за землю, принадлежавшую им на праве собственности, хотя и неполном, должны были платить сеньору в зависимости от местности денежные платежи — ценз (чинш) или земельную ренту, натуральные платежи — шампар или терраж. Кроме

[1] Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, Партиздат, 1937, стр. 10.

того, крестьяне почти повсеместно были обязаны уплачивать сеньору особые пошлины при переходе земель в другие руки, хотя бы по наследству (lods et ventes), отбывать барщину (обычно несколько дней в году) и нести целый ряд других повинностей и поборов, иногда по совершенно нелепым основаниям.

Жорес характеризует эти поборы такими словами: «В сельской жизни не существовало такого действия, которое не обязывало бы крестьян к уплате какого-нибудь побора. Я ограничусь тем, что без дальнейших комментариев упомяну о налоге на животных, используемых для пахоты, о паромном сборе, о налоге, взимаемом с товаров, привозимых на ярмарки или рынки (droit de leide), о праве сеньоральной полиции на проселочных дорогах, о сборе за право рыбной ловли в речках, о мостовых сборах, о том, что без соизволения сеньора, за которое взимался сбор, нельзя было устраивать фонтаны и пруды, о праве устраивать кроличьи садки, причем лишь дворяне могли держать хорьков, о праве иметь голубятни, обрекавшем мужицкие хлеба в жертву господским голубям, о подымном сборе с печей и труб, являвшемся как бы налогом на строения, падавшем на все деревенские жилища, о поборе, который взимался за то, что стада, направлявшиеся из Прованса в Оверньские горы или на Лангедокские суконные фабрики, подымали пыль на дорогах (droit de pulverage), о праве клеймения мер, о пошлине с хлеба, продаваемого на рынке, и, наконец, о ненавистнейшей из всех привилегий — «об исключительном праве охоты»[1].

В некоторых местностях были и такие повинности, как обязанность мешать по ночам лягушкам квакать близ замка сеньора, дабы не потревожить сна его и его семьи, сохранился унизительный обычай целовать сеньору руку, целовать дверную задвижку в замке и т. п.

Сеньору принадлежал также ряд монополий, так называемых «баналитетов», на перемол зерна, на выпечку хлеба, на прессы для давления винограда, на продажу вина и пр. Тот, кто не хотел пользоваться мельницами и другим монопольным оборудованием сеньора, облагался особым сбором, тот, кто пользовался ими, должен был платить за пользование.

Сверх повинностей и поборов в пользу сеньора население должно было уплачивать тяжелые налоги королю и так называемые «десятины» церкви (обычно десятую часть урожая).

Но сеньор был не только эксплоататором населения своего поместья,— он был в то же время и его политическим господином, хотя и с ограниченными правами. Ему принадлежало право суда (уголовного и гражданского) над населением поместья, право обложения налогами и право наложения штрафов. Правда, ко времени революции сеньор уже сам не занимался судебными делами, но он назначал местных судей, вернее, сдавал эти должности на откуп. Как удостоверяет Эсмен, привилегия эта обычно уже не приносила дохода, нередко была связана даже с расходами, но она все же имела для сеньоров большое экономическое значение, так

[1] Жорес, История Великой французской революции, Госиздат, М., 1920, стр. 17.

как давала им возможность выколачивать с населения через своих судей сеньоральные платежи[1]. Кроме того, эта привилегия, естественно, подымала вес и авторитет сеньора в глазах населения и питала сохранившиеся до революции рабские формы выражения покорности сеньору. Как символ судебной власти сеньоров, во дворах более знатных из них и имевших ранее широкую судебную компетенцию стояла виселица.

Что касается городского населения, то оно было еще крепко опутано пережитками цехового строя. Попытка Тюрго в 1776 г. провести постепенную ликвидацию цехов потерпела неудачу. Сопротивление сторонников старого режима было слишком велико. Цехи были ликвидированы только в Париже, но и там через несколько месяцев их восстановили, правда, в несколько преобразованном виде. Профессии в цехах были организованы на началах известного самоуправления. Привилегированную верхушку составляли мастера, эксплоатировавшие подвластных им подмастерьев и учеников. Городскими делами заправляли по выборам или по назначению короля нотабли — городская аристократия. Должности нотаблей по назначению обычно покупались. Как дробно было расчленение цехов, видно, например, из того, что в Париже после отмены декрета 1776 г., когда некоторые цехи были упразднены, а другие слиты, все же осталось 6 корпораций купцов и 44 ремесленных цеха[2].

Свободы промысла в цеховых условиях, естественно, не было. Иметь мастерскую и заниматься ремеслом за свой счет вправе были только мастера, но и то лишь в пределах своей узкой специальности. Подмастерье, чтобы стать мастером, должен был пройти большой стаж, сдать экзамен, который был тем придирчивее, чем труднее была конъюнктура для сбыта продукции, и уплатить, кроме того, высокую пошлину. Производство и сбыт мелочно регламентировались. Разумеется, все это не помешало проникновению в цехи капиталистических отношений. Цеховой строй перед революцией был ими уже глубоко расшатан. Значительная часть мастеров превратилась в работников на дому, работающих на крупных капиталистов скупщиков или же находилась от них в экономической зависимости в других формах.

Вне городов и рядом с ними развились довольно крупные мануфактуры и домашняя промышленность, не связанные правилами цехового строя. Но и здесь не было буржуазной свободы промысла. Сколько-нибудь крупные предприятия могли открываться только на основании королевских разрешений или концессий (lettres patentes du roi) с предоставлением концессионеру монопольного права производства в данном районе. Производство в таких предприятиях обычно также мелочно регламентировалось. Для контроля за исполнением правил регламентации назначались королевские инспектора.

---

[1] Esmein, Précis élémentaire de l'histoire du droit français de 1789 à 1804, p. 58.

[2] Esmein, Cours élémentaire de l'histoire du droit français, pp. 588—595 et 666—667.

Привилегии и монополии проникали весь феодальный строй. Наряду с этим были резко ограничены в гражданской правоспособности иностранцы, протестанты и евреи.

Но и привилегии в некоторых случаях имели свою обратную сторону. Духовенство, например, пользовавшееся громадными привилегиями, было в то же время ограничено в ряде гражданских прав: духовные лица не наследовали после родителей или по завещанию, не вправе были завещать, вступать в брак и т. д. Дворянам под страхом лишения или «приостановления» дворянства запрещалось заниматься ручным трудом, ремеслами (исключение делалось только для профессии стекольщика) и торговлей, за исключением морской. Дворянин не мог занимать и такие вспомогательные должности по юстиции, как должность сержанта (судебного пристава) и прокурора (поверенного казны) [1].

Из сказанного видно, что той собственности, какая была необходима и выгодна для буржуазии, свободной частной собственности в то время не существовало. Право собственности было связано и ограничено в ряде существенных пунктов различного рода феодальными привилегиями и монополиями.

Право земельной собственности,— а это был основной вид собственности в дореволюционной Франции,— расщеплялось между сеньором и ее непосредственным владельцем. По юридической теории того времени, первый имел «domaine direct», второй — «domaine utile». Презумировалось, что «domaine utile» был предметом уступки со стороны сеньора своему вассалу. Именно эта уступка, наряду с сохранением за сеньором «domaine direct» рассматривались как правовое основание для платежей и повинностей, которые ложились на владельца земли в пользу сеньора. Из этих оснований выводилось также право сеньора на взимание особого сбора при отчуждении земли в другие руки или при переходе ее по наследству (lods et ventes). Иногда для такого отчуждения или перехода требовалось прямое согласие владельца. Такие земли назывались землями «мертвой руки» (main mortables). Отсюда же выводилось право сеньора на выкуп земли при ее отчуждении владельцем (le retrait). Срок для этого выкупа определялся «кутюмами» в пределах до одного года.

Наконец, с этим же связывались право сеньора охотиться на землях своих вассалов и право регулировать ведение ими своего сельского хозяйства.

Сеньоральные права на землю, а также пережитки общинного землевладения, признававшие за бедными право сбора колосьев и соломы после уборки урожая и за всеми жителями общины, право выпаса скота на убранных полях связывали хозяйственную инициативу землевладельцев. Огораживать участки запрещалось. Только в некоторых провинциях запрет этот был снят королевским эдиктом в последние годы перед революцией.

Но крестьяне и другие вассальные землевладельцы были опутаны не только перечисленными повинностями, поборами и ограничениями. Сеньоры и королевские чиновники вмешивались в их хо-

[1] Esmein, Cours élémentaire de l'histoire du droit français, p. 655.

зяйственную деятельность, запрещали или требовали развития тех или иных культур, устанавливали время уборки и способы снятия урожая и т. д. Нередко власти регулировали и порядок реализации продукции.

Еще более стеснительной и мелочной была регламентация промышленного производства, и не только городского, цехового, но и внегородского — фабричного и мануфактурного.

Товарный оборот переживал жесточайшие стеснения из-за внутренних таможен, облагавших товары пошлинами при переброске их из провинции в провинцию, из-за городских таможен, взимавших пошлины при ввозе товаров в город, из-за дорожных сборов и пр. Кроме того, торговля ограничивалась и самой ее организацией на началах цехов и монополий.

Обязательственное право, как это указывалось выше, было в основном римское право. Последнее, как известно, отлично приспособлялось буржуазией к своим потребностям. Это имело место и во Франции. Больших изменений в этой области от революции не требовалось. Но кредит был стеснен заимствованным из канонического права запрещением взимать проценты. Это запрещение, правда, часто обходилось разного рода притворными сделками — договорами товарищества, земельных рент, включением в капитальную сумму процентов и т. д. Но все эти обходные способы были связаны с риском и представляли ряд неудобств. Не было также рациональных ипотечных форм, построенных на принципах гласности и специальности.

Не было единой системы мер и весов, что также очень осложняло торговый оборот.

Наконец, все население, кроме привилегированной верхушки, изнемогало под бременем произвола власти и все увеличивающихся государственных налогов. Королевский двор, сеньоры, огромная армия королевских чиновников, значительная часть которых покупала или получала свои должности на откуп, множество попов и монахов всех рангов и толков высасывали из страны ее соки. Сельское хозяйство деградировало, развитие промышленности грубо тормозилось.

Отношения феодального общества сковывали развитие новых производительных сил. Революционный взрыв был неизбежен, и он произошел.

IV

Основным вопросом гражданского права, который в революции должен был получить свое разрешение, был, конечно, вопрос о собственности.

Расщепленная, иерархически построенная, опутанная сетью разнообразнейших ограничений феодальная собственность уступила место собственности буржуазной, сконцентрированной, свободной, четкой, ничем почти не ограниченной.

26 августа 1789 г. принимается знаменитая Декларация прав человека и гражданина. Собственность объявляется священной и не-

прикосновенной. Она — ненарушимое неотчуждаемое естественное право. Никто не может быть ее лишен, кроме случаев очевидной общественной необходимости и под условием справедливого и предварительного вознаграждения.

Это — новая собственность, собственность буржуазная. Об этом не пишут, но это понимает каждый, кто чувствует дух времени. Острие Декларации направлено против феодализма и против его отношений собственности. Оппортунистическое Учредительное собрание пытается трактовать новую собственность общее, абстрактнее, подводит под нее и собственность феодальную, не основанную «на узурпации».

Оно стремится перебросить мостик от собственности феодальной к собственности буржуазной, хочет лишь преобразовать феодальную собственность и требует выкупа феодальных прав, из нее вытекающих. Тщетная попытка компромисса! Основные вопросы революции решаются не парламентом. В конце концов он должен закрепить лишь то, что уже сделал революционный народ.

Естественно, что главное поле борьбы двух форм собственности в деревне. Там основная база феодализма, там господствует его собственность, полная на земли непосредственного владения, неполная — «domaine direct» — на земли подвластных. Там около замков феодалов группируется многочисленная армия их чиновных и нечиновных слуг и агентов, под гнетом которых находится все сельское население. Там очень много еще патриархальной косности и огромно влияние церкви. Именно там удается организовать самое серьезное, длительное, отличавшееся фанатизмом участников восстание против нового строя (Вандея).

Но здание феодализма прогнило не только в городе, но и в деревне.

Во многих провинциях замки феодалов запылали в огне крестьянских восстаний, феодальные документы сжигались, повинности перестали выполняться, сеньоры бежали в города и за границу.

Учредительное собрание и даже Законодательное собрание лавируют, пытаются путем выкупа сохранить в обновленном на буржуазный лад виде значительную часть феодальной собственности. Важнейший вопрос революции хотят разрешить реформистским путем. Проводят тонкие различия между feodalité contractante» и «feodalité dominante», между «законными» феодальными правами и правами «узурпированными», между правами «реальными» и «личными». Первые признаются подлежащими выкупу, вторые отменяются безвозмездно. Хитрят с методами установления того или иного права, крючкотворски распределяют «onus probandi» между феодалами и владельцами земель сначала в пользу феодалов (декреты 15 марта и 3 мая 1790 г.), затем в пользу владельцев земель (декреты 18 июля и 25 августа 1792 г.). Тщательно отделяют в повинностях населения элементы феодальные и буржуазные.

Но революция идет вперед. Возмущение и негодование масс против дворянства, ставшего на путь прямой измены отечеству, нарастают все более и более. Королевская власть висит на волоске и, наконец, 10 августа 1792 г. рушится.

С нарастанием революционной волны Законодательное собрание становится левее и решительнее. Декрет от 25 августа 1792 г. уже не ограничивается перечислением отдельных категорий повинностей, как это делали предыдущие декреты, а устанавливает общее положение: «Все сеньоральные права, как феодальные, так и цензуальные, каковы бы ни были их характер и название, даже те, которые могли быть опущены в прежних законах или в настоящем декрете, ...уничтожаются безвозмездно, если не будет доказано основание, оправдывающее их и заключающееся в изначальной уступке земли; причем это основание может быть установлено только путем предъявления подлинного акта о пожаловании поместья, акта об уступке земли за ценз или цензуального договора» (ст. 5).

«Всякая земельная собственность считается независимой и свободной от каких-либо предъявленных на нее прав» (ст. 2).

При трудности представлять по вековым отношениям изначальные подлинные акты такое решение влекло за собой в очень многих случаях уничтожение и таких обязательств, в основе которых, с точки зрения законодателя, лежал вполне законный договор, подлежавший сохранению. Законодательное собрание облегчает также выкуп повинностей: отменяет по этому выкупу солидарную ответственность землевладельцев, раньше связанных круговой порукой, допускает раздельный выкуп периодических и единовременных повинностей и сокращает с 30 лет до пяти давность по взысканию недоимок.

Но для революции неприемлемо и такое решение вопроса, и Национальный конвент после утверждения диктатуры якобинцев, опиравшихся на «низы», вбивает, наконец, осиновый кол в могилу феодальных земельных прав. Вопрос решается без юридических тонкостей, по-плебейски.

«Все бывшие сеньоральные платежи, чиншевые и феодальные права, как постоянные, так и случайные, даже те, которые сохранены в силе декретом 25 августа прошлого года, отменяются без всякого вознаграждения»,— гласит ст. 1 декрета от 17 июля 1793 г.

Правда, ст. 2 «из постановления предыдущей статьи изымаются ренты и повинности чисто земельного характера, не вытекающие из феодальных прав». Но Конвент проводит ст. 1 своего декрета, толкуя ее самым жестким для феодалов образом, в результате чего ренты, носящие хотя бы малейшие следы сеньоральности, например установленные под условием получения хотя бы незначительной пошлины при продаже или связанные с цензом, подводятся под декрет, даже если они выговорены были не в пользу сеньора, а в пользу обыкновенного смертного. Декрет 18 мая 1794 г. подтверждает, что все ренты, «запятнанные хотя бы малейшими следами феодализма», отменяются без вознаграждения.

«Несправедливость была вопиющая! — восклицает Саньяк.— За то, что они (обыкновенные смертные) желали поиграть в сеньоров или просто следовали обычаю, они лишаются своей собственности» [1].

---

[1] Саньяк, Гражданское законодательство французской революции, стр. 128.

Саньяку, конечно, не по сердцу «деспотическое вторжение» плебса в буржуазную собственность, но еще Энгельс отмечал, что для того, чтобы пожать те плоды победы буржуазии, которые вполне созрели для жатвы, революции нужно было зайти значительно дальше цели. «Повидимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества» [1].

Приведенное выше «вторжение» и переход за границы непосредственных буржуазных задач революции были, как известно, далеко не единственными.

Тот же «плебейский» декрет от 17 июля 1793 г. в ст. 6 предписывал сожжение документов, устанавливавших феодальные права. «То, что в 1789 году считалось бунтом, стало законом в 1793 году» [2]. Правда, применение декрета в этой части вскоре было отсрочено, ибо те же документы зачастую удостоверяли и права новых свободных землевладельцев (декрет 27 января 1794 г., ст. 3). Но дело ликвидации феодальных земельных прав и отношений было проведено основательно.

Конвент последователен и во второстепенных вопросах. Сеньоральная терминология изгоняется из нотариальных актов (тот же декрет, ст. 4), всякие ходатайства относительно сеньоральных прав прекращаются (декрет от 30 октября 1793 г.).

Безвозмездное освобождение земель от феодальных повинностей и ограничений вместе с распродажей национальных земель (бывших королевских, церковных и конфискованных у эмигрантов), значительная часть которых попала в руки крестьян,— правда, более зажиточных,— а также раздел общинных земель по декрету от 14 августа 1792 г., создают прочную опору новому буржуазному обществу в лице миллионных масс земельных собственников.

В дальнейшем ни одно правительство, как бы реакционно оно ни было, не посмело посягнуть на установленный революцией новый земельный порядок.

Но французская революция не пошла на полную экспроприацию земельной собственности дворян. Были конфискованы земли только эмигрантов и тех из не эмигрировавших дворян, которые были осуждены за измену государству. Часть дворян сохранила свои замки и земли, находившиеся в их непосредственном пользовании (пустоши, леса и пр.). Эти сохранившиеся дворянские гнезда вместе с церковью были очагами реакции в деревне и опорными пунктами при последующих королевских реставрациях.

Ограниченный, буржуазный характер революции ярко проявился также в том, что новые земли были предоставлены крестьянам не безвозмездно, а малоземельным и безземельным крестьянам при распродаже национальных земель почти ничего не было дано даже и за деньги.

Не уничтожила французская революция и такого характерного экономического пережитка крепостнических отношений в деревне, как половничество. Эта форма эксплоатации земледельца оказалась

[1] Маркс, Избранные произведения, Партиздат, 1940, т. I, стр. 369.

[2] Саньяк, Гражданское законодательство французской революции, стр. 129.

настолько живучей во Франции, что Ж. Лефевр нашел возможным в своей книге «Аграрный вопрос в эпоху террора» отметить: «В 1913 году в палате депутатов оказалось возможным описать положение половников и изложить их жалобы в тех же выражениях, которые сто с лишним лет тому назад употреблялись санкюлотами».

Одновременно с раскрепощением земельной собственности шла ликвидация цехового строя и других ограничений промышленного производства и товарооборота. Борьба со старым порядком и ограничениями в этой области не встречала того упорного сопротивления, как это имело место в области земельных отношений, поэтому законодательство здесь было гораздо решительнее.

Цеховой строй был уже глубоко подорван развивающимся капитализмом и разъедался внутренними противоречиями. Свобода промысла, производства и товарооборота была жизненной необходимостью для буржуазии, альфой и омегой ее политико-экономических воззрений того времени. Силы сторонников старого порядка в этой области были относительно невелики. Буржуазные формы собственности и ее обращения здесь победили очень скоро.

Декрет от 2—12 октября 1789 г. разрешает ссуды под проценты.

31 октября 1790 г. уничтожаются внутренние таможни и 19 февраля 1791 г. — городские (octroi).

2—17 марта 1791 г. окончательно ликвидируется цеховой строй и провозглашается свобода торговли, труда и промышленности. Для занятия промышленной или торговой деятельностью требуется лишь выборка фискальных патентов, выдаваемых всем желающим. Статья 7 закона объявляет: «С 1 числа ближайшего апреля каждый вправе будет производить торговлю, осуществлять профессию, искусство или ремесло, какие он пожелает, но он должен предварительно выбрать патент». Регламентация была сохранена только для таких профессий, как аптекари и ювелиры.

1 августа и 22 октября 1793 г. Конвент декретирует единую систему мер и весов и устанавливает метрическую систему.

Декрет от 5—12 июня 1791 г. ст.ст. 1 и 2 предоставляет землевладельцам свободу распоряжения и пользования своею собственностью с соблюдением, однако, «общих интересов». Они вправе свободно отчуждать свою землю, обрабатывать ее по своему усмотрению, выбирать культуры по своему желанию, работать на земле, когда и как хотят, заводить сколько угодно скота, реализовать урожай, как им заблагорассудится. Власти в их хозяйничанье вмешиваться не должны.

Все это создавало прочную основу и для юридического сконструирования буржуазного права собственности. Классическое построение права частной собственности было дано еще римским правом, отражавшим отношения общества простых товаропроизводителей. Поэтому не было надобности сочинять что-либо новое. Достаточно было приспособления этого права к нуждам и потребностям буржуазии. Абстрактная, резко очерченная и в то же время полнокровная частная собственность римского права охватывала в своем определении как трудовую, так и капиталистическую собственность. Она предоставляла широкие возможности затушевывать классовые

противоречия буржуазного общества, выступать буржуазным законодателям в качестве защитника интересов всех. В то же время она через «свободный договор и свободную игру экономических сил» давала буржуазии возможность свободно осуществлять эксплоатацию равных перед законом, но лишенных средств и орудий производства пролетариев, проводить пролетаризацию и разорение крестьянства. С этой стороны собственность римского права была для буржуазии очень удобна.

«Собственность на имущество — это право того, кому оно принадлежит, пользоваться и распоряжаться своим имуществом»,— гласит статья 2 раздела 2 книги II первого проекта Гражданского кодекса, одобренного Конвентом осенью 1793 г., но переданного им в комиссию для упрощения.

Собственность не расчленима: «Le domaine direct» не может быть отделена от «domaine utile» (там же, ст. 3).

Декларация прав 1793 г. дала собственности еще более широкое определение: «Право собственности — это принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла» (ст. 16).

Земельный собственник вправе огораживать свои земли. Это право признано за ним еще Учредительным собранием. «Право огораживать и разгораживать свою недвижимость вытекает из права собственности и не может быть оспариваемо в отношении какого бы то ни было собственника» (декрет 28 сентября 1791 г.).

Огораживание вместе с разделом общинных земель нанесло смертельный удар пережиткам общинного строя. Процесс этот сопровождался классовой борьбой внутри деревни, но индивидуально-собственнические тенденции одержали полную победу. «Свободная» крестьянская парцелла получила свое правовое завершение. Однако очень скоро «...место феодала занял городской ростовщик, место тяготевших на земле феодальных повинностей заняли ипотеки, место аристократической земельной собственности занял буржуазный капитал» [1].

Но в период революции и непосредственно после нее парцелла переживала свою юность и была полна энергии. Ее владельцы составили оплот нового строя и покрыли славой знамена революционных армий.

Тот же декрет от 28 сентября 1791 г. устанавливал наказание за нарушение пограничных знаков и за потравы чужих полей.

Конвент в защите собственности пошел «так далеко, что 18 марта 1793 года издал в редакции монтаньяра Левассера декрет, грозивший смертной казнью за одно предложение «аграрного закона» (передела земель) или чего-либо, нарушающего принцип собственности. Вот его текст: «Национальный конвент назначает смертную казнь всякому, кто предложит аграрный или какой-либо другой закон, подрывающий земельную, торговую или про-

[1] Маркс, 18 брюмера Луи Бонапарта, Партиздат, 1932, стр. 101.

мышленную собственность». Декрет был принят «единодушно, при восторженных восклицаниях»[1].

Сверх отмены права сеньорального выкупа земель при отчуждении их владельцем было отменено также право «родового» выкупа земель родственниками продавца (декрет от 19—23 июня 1790 г.).

Первый проект Гражданского кодекса запрещал даже выговаривать право выкупа в договоре между продавцом и покупателем, независимо от характера вещи (движимость или недвижимость). Нельзя было требовать возврата проданной вещи и в случае неплатежа покупной суммы, но на этот случай допускалась обратная оговорка в договоре (кн. III, разд. 2, ст.ст. 11 и 12) «Священное право собственности» — дело серьезное. Переход его должен быть ясен, четок и бесповоротен.

Такая же стабильность требовалась для договоров вообще. Действовавшее в дореволюционной Франции старое римское правило, допускавшее расторжение договора купли-продажи по причине его явной убыточности, было отмечено. «Закон не допускает иска о реституции только на основании убыточности цены вещи, хотя бы недвижимой» (проект Гражданского кодекса кн. III, разд. I, ст. 15, декрет от 30 августа 1795 г.).

В условиях резкого падения стоимости ассигнаций такое правило было особенно жестким. Поскольку речь шла об интересах землевладельцев, сам Конвент не выдерживает его применительно ко всем договорам. Когда начался спад революционной волны, декрет от 2 термидора III года (20 июля 1795 г.) обязал арендаторов земель половину арендной платы, выговоренной в деньгах, вносить натурой по ценам 1790 г. Мелкие арендаторы, получавшие от землевладельцев скот и обязанные по договору вернуть его в натуре или уплатить его стоимость по договорной расценке, были лишены права выбирать форму исполнения обязательства еще за год до этого постановлением Комитета общественного спасения (июнь 1794 г.). Комитет обязал их возвращать скот в натуре.

Интересы арендаторов приносятся в жертву и в других случаях. Финансовая необходимость распродать национальные имущества с максимальной выгодой для государства и недоверие к прежним арендаторам сеньоральных имений вызывают пестрое и запутанное законодательство о предоставлении покупателю национального имущества права расторгать договоры, заключенные прежними владельцами. Но это мера чрезвычайного порядка. На будущее проект Гражданского кодекса такого права за покупателями земли не признает.

Статья 15 раздела 4 книги III проекта предусматривала освобождение арендатора от арендной платы в неурожайные годы при условии гибели не менее $^2/_3$ урожая от града, мороза, наводнения и вообще не по его вине. Проект торжественно объявлял, что в этом случае налицо «общность несчастья», от участия в котором собственник не может отказаться. Но, как удостоверяет Саньяк, такой лимит агрономы того времени считали слишком неблагоприят-

[1] А. Олар, Политическая история французской революции, стр. 548.

ным для арендатора и сельского хозяйства. Проект предлагал также, вопреки прежней практике, отменить молчаливое продление аренды; срок договора должен быть твердо соблюдаем, напоминания не нужны.

Одновременно были приняты меры против нового возникновения феодальных или подобных им отношений путем заключения договоров. Но буржуазно-классовая природа законодателя, естественно, очень сузила его подход к этому вопросу. Все свое внимание он сосредоточил на вечных договорах. Декрет от 18—29 декабря 1790 г. разрешал заключать договоры аренды на срок не более 99 лет. Проект Гражданского кодекса допускал договоры о вечной ренте, но он предоставлял арендатору право, во-первых, в любой момент односторонне отказаться от аренды и, во-вторых, выкупить ренту через 20 лет со дня заключения договора. Заключение договора о такой ренте для землевладельца интереса, конечно, не представляло.

В то же время, как было указано выше, национальные собрания революции не провели ни одного постановления, которое было бы направлено к защите половников от полукрепостнической кабалы.

В эпоху, когда так много говорилось об общем благе, общественном счастье и общих интересах, когда эти лозунги провозглашались не только идеологами революции, но и были выражением чаяний, надежд и революционного порыва миллионов, можно было ожидать серьезных ограничений права «священной» частной собственности в интересах общественных.

В период революционной ломки старых отношений, войны, всеобщего возбуждения, бешеной спекуляции и катастрофического обесценения бумажных денег подобного рода идеи, естественно, носились в воздухе. Но несмотря на это в законодательстве революции мы не находим каких-либо ограничений или отступлений от свободы частной собственности, если не считать чрезвычайных временных мер. Если первые, неизбежно незрелые попытки пролетариата осуществить непосредственно свои собственные классовые интересы (заговор Бабефа) были направлены к отмене частной собственности и замене ее коллективистической с установлением всеобщего аскетизма и грубой уравнительности, то мелкобуржуазные революционеры искали способов уничтожения голода, нищеты и социального угнетения на базе частной собственности. Простейший, хотя и очень наивный способ решения этой задачи представлялся в виде уравнительного передела имущества, но единодушное принятие Конвентом декрета от 18 марта 1793 г. о смертной казни за одно лишь предложение подобного рода показывает, какое возмущение оно вызывало в правящих кругах революционной Франции.

Другой, более сложный, но менее одиозный путь — это ограничение частной собственности, срезание ее наиболее острых углов. Этого требовали гебертисты, на этом грозно настаивали «бешеные», отражая настроение «низов».

«Я не требую раздела земель,— писал «Père Duchesne» в № 198, в декабре 1792 г.,— но я хочу, чорт возьми, чтобы заставили раскошелиться всех этих богачей, насыщенных кровью бедняков, чтобы

заставили финансистов вернуть все то, что они награбили у нации, чтобы остригли когти всем этим зверям».

«В течение всех четырех лет нашей революции — мы вам это смело говорим — свобода остается лишь пустым призраком. ...Неужели вы и дальше будете терпеть, чтобы жены и дети наших храбрых волонтеров стонали и издыхали под ударами аристократии богатства?... Нет равенства там, где один класс людей может безнаказанно морить голодом и предавать другой»,— говорилось в петиции парижской секции Гравилье от 8 марта 1793 г. Петиция Парижского департамента от 18 апреля 1793 г., выдвигавшая ряд требований для борьбы со спекуляцией, в частности установление максимальной цены на хлеб, была составлена в тех же тонах: «Право собственности не может быть правом морить голодом своих граждан. Плоды земли, как и воздух, принадлежат всем людям».

Под нажимом «низов» Конвент пошел на чрезвычайные меры по борьбе с продовольственным кризисом — установление максимальных цен на хлеб, а затем и на другие предметы первой необходимости, жесткие кары спекулянтам, требование об обсеменении полей, реквизиции излишков хлеба в провинциях и т. д., но все эти мероприятия рассматривались как временные и чрезвычайные. Делались радикальные вторжения в частную собственность по линии финансовой (принудительный заем, резко прогрессивный налог и др.), но и они были вызваны чрезвычайными обстоятельствами и носили временный характер.

Правда, в конце апреля 1793 г. Робеспьер провел сначала через Якобинский клуб, а затем 24 апреля пытался провести через Конвент несколько принципиальных положений, которые по его замыслу примирили бы собственность с нравственностью и установили бы границы ее свободы, исключающие нарушение прав и интересов других граждан. Робеспьер как будто придавал своим предложениям большую важность и даже предлагал включить их в новую Декларацию прав человека и гражданина. Но когда в июне 1793 г., т. е. уже после разгрома жирондистов, принимался текст Декларации, Робеспьер своих предложений даже не возобновил.

Формулировка предложений Робеспьера была, впрочем, такова, что в них при желании можно было вложить все, что угодно. Они гласили:

«1. Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и располагать по своему усмотрению той частью имущества, которая ему гарантируется законом.

2. Право собственности ограничивается, как все другие права, обязанностью уважать права других.

3. Оно не должно угрожать безопасности, свободе, существованию и собственности нам подобных.

4. Всякое владение, всякая торговля, нарушающие этот принцип, непозволительны и безнравственны».

Характерно, что в той же речи Робеспьер отмежевывался от «аграрного закона» и заявил, что «равенство имуществ есть только химера».

Наиболее энергично на «стрижке когтей» спекулянтской собственности настаивали представители крайней левой, прозванные жирондистами «бешеными». Но и они если не сбивались в сторону «аграрного закона», то не шли дальше предложения чрезвычайных мер против разгула спекулянтов.

25 июня 1793 г., на другой день после принятия новой конституции, один из самых страстных вождей этой крайней левой Жан Ру огласил в Конвенте петицию от имени секций Гравилье и Бон-Нувель, составленную им и напечатанную перед этим отдельной брошюрой. Эта петиция обвиняла Конвент в том, что он до сих пор не выполнил своего обещания «уничтожить пьявок народа»: «Скоро будет представлен на утверждение суверена конституционный акт,— запретили ли вы в нем ажиотаж? Нет! Объявили ли вы смертную казнь барышникам? Нет! Определили ли вы, в чем состоит свобода торговли? Нет! Вот почему мы заявляем, что вы ничего не сделали для счастья народа». Дальше Ру предлагал отличать разбой негоциантов от торговли. Последней, как и частной собственности, он вовсе не угрожает. В эпиграфе к своей брошюре Ру писал: «Народ! Я не боюсь смерти, чтобы поддерживать твои права; докажи мне свою признательность уважением к лицам и их собственности».

Политико-экономический смысл всех подобных предложений сводился к мелкобуржуазной заповеди — «наживайся, но наживайся умеренно!». В обществе, построенном на частной собственности, классовой эксплоатации, анархии производства и конкуренции, такая заповедь отрицалась самой действительностью. Вытекавшие из нее органические законодательные постановления в то время не могли быть сколько-нибудь глубокими и рассчитанными на длительное применение. Это связывало бы развитие производительных сил страны.

Законы экономического развития требовали установления свободы частной собственности, и они делали свое дело основательно. Если отвлечься от временных чрезвычайных мероприятий, сыгравших безусловно громадную положительную роль в защите страны от внешнего врага и контрреволюции, в законодательстве революции мы не найдем почти никаких ограничений права собственности.

Соседские сервитуты, как они сконструированы в проекте Гражданского кодекса, не представляли в этом отношении исключения. Свобода эксплоатации труда капиталом не была стеснена ничем. Даже принимавшиеся в этот период чрезвычайные меры по установлению максимальных цен приводили нередко не к ослаблению, а к усилению эксплоатации, так как максимумом таксировалась и заработная плата. При этом в ряде случаев проводилась так называемая реквизиция труда, т. е. принудительная трудовая повинность с предоставлением рабочей силы для нужных государству частных предприятий.

Как мало были ограждены права мелких арендаторов и в частности половников, было указано выше.

Чтобы обеспечить взыскание квартирной платы, первый проект Гражданского кодекса включил в интересах домовладельцев пра-

вило, обязывавшее квартиранта омеблировать по требованию хозяина снятую квартиру.

Лимитирование размера процентов, содержавшееся в первом проекте Гражданского кодекса (лимит был установлен в 5% годовых), не было проведено Конвентом в жизнь. Оно получило силу для гражданских сделок только в 1807 г., уже при Наполеоне. Для торговых сделок был установлен лимит в 6%. Но эти лимиты, как известно, легко обходились и обходятся в буржуазных странах.

Предложения Сен-Жюста о бесплатном наделении «нуждающихся» за счет имуществ «подозрительных» были очень радикальны, но они клонились лишь к созданию новых мелких собственников и природы собственности также не меняли. Конвентом, как известно, эти предложения осуществлены не были.

Можно поэтому с полным основанием утверждать, что определение собственности, данное Кодексом Наполеона, является вполне естественным завершением законодательства революции о праве собственности. «Собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом с тем, чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентами» (ст. 544 Кодекса).

Но дальнейшее уточнение права собственности на недвижимость путем включения в него права на то, что находится «над поверхностью» и «под поверхностью» земли (воздушное пространство и недра), поддержки у законодателей французской революции не встретило. Практически стоял, конечно, только вопрос о недрах. Революция сохраняет здесь традицию французского права и объявляет недра состоящими в распоряжении нации. Такое решение вопроса, было, конечно, явно невыгодно для землевладельцев; оно объяснялось разгромом крупных земельных собственников в лице феодалов и не окрепшим еще положением нового крупного буржуазного землевладения.

Промышленной буржуазии режим государственной собственности на недра, разумеется, был выгоден. Он освобождал ее от необходимости уступать значительную часть прибыли от горного промысла землевладельцу: надо было оплатить ему только занятую часть поверхности. После горячих прений в Учредительном собрании интересы промышленной буржуазии взяли верх: декрет от 12—28 июля 1791 г. решил вопрос в ее пользу. Разработка недр предоставлялась государством на концессионных началах. За землевладельцами сохранялось право мелких разработок.

В 1810 г. порядок разработки недр был уточнен. В концессию сдавались разработки месторождений угольных и рудных; ископаемые второстепенного значения были признаны принадлежностью собственников земли.

Революция, в которой огромную роль играла интеллигенция, установила также новые виды собственности: 31 декабря 1790 г. было установлено право собственности изобретателей на их изобретения, а 19—24 июля 1793 г.— право собственности литературной и артистической. «Авторам сочинений, художникам и рисовальщикам, гра-

вирующим свои картины или рисунки, предоставляется пользование в течение всей их жизни исключительным правом продавать, предоставлять продажу и распространять свои произведения на всей территории республики и уступать собственность на них полностью или частями» (ст. 1 декрета 19—24 июля 1793 г.). Такое же право предоставлялось их наследникам и правоприобретателям в течение 10 лет после смерти авторов (ст. 2 декрета). До этого такие права могли предоставляться лишь в порядке королевских привилегий.

Тридцатилетнюю давность революция наметила сократить до двадцатилетней (первый проект Гражданского кодекса, кн. II, разд. 3, ст. 5), но это сокращение осуществлено не было и Кодексом Наполеона не воспроизведено.

Конвентом была сделана также попытка ввести очень смелый порядок залога недвижимых имуществ на принципах гласности с установлением так называемой «седулярной системы», дающей собственнику право выбирать на себя ипотечные обязательства не более чем на $^3/_4$ стоимости имущества и пускать их в обращение на подобие векселей. Такой порядок, несомненно, облегчал привлечение капиталов в земледелие, но грозил очень скоро подчинить все землевладение финансовым воротилам и ростовщикам. «Ипотечный кодекс» был принят Конвентом уже после падения якобинской диктатуры — 27 июля 1795 г., но ввиду возникших опасений обнародован не был.

V

Лица, их гражданская правоспособность, равенство? Задача, стоявшая перед революцией в этой области, была как будто гораздо легче, чем аграрная проблема.

Равенство всех граждан перед законом в области личных и общественно-экономических отношений было одним из основных лозунгов буржуазии. Равенство в области политической — равенство избирательных прав — могло угрожать ее политическому господству, но формально свободный договор «равного с равным» в области экономики, свободная конкуренция, свободная продажа и покупка рабочей силы были тем раем для буржуазии, который открывал ей простор для капиталистической эксплоатации и свободного накопления.

Остатки крепостничества, «серваж», прикрепляющий население к земле, стесняли свободу его передвижения. Они привязывали к ногам «отходника» тяжелый груз оброка и других повинностей в пользу феодала, затрудняли для буржуазии получение необходимой рабочей силы и тормозили развитие внутреннего рынка.

Привилегии дворянства вызывали всеобщую ненависть. Крепостное право подлежало немедленной отмене, и оно пало в знаменитую ночь с 4 на 5 августа 1789 г. Впрочем, зарево пожаров феодальных замков не оставляло Национальному собранию выбора. Но дальше дело идет со скрипом.

Освободили крепостных, а как быть с рабами? Ведь в колониях царит самое откровенное, жестокое, варварское рабство. Господ-

ствующие сословия и крупная буржуазия Франции обогащаются не только за счет эксплоатации и грабежа колоний, но и за счет прямой торговли рабами. Особенно активно ведут эту торговлю негоцианты Бордо и Нанта.

Учредительное собрание в этом вопросе, как и в других случаях, лавирует. Принимается компромиссное решение: «Каждое лицо свободно, как только оно является во Францию. Каждый человек, какого бы цвета он ни был, пользуется во Франции всеми правами гражданства, если он обладает качествами, установленными конституцией для пользования ими» (декрет от 28 сентября — 16 октября 1791 г.). Но в колониях рабство сохраняется.

Только Конвент доводит дело до конца и декретом от 4 февраля 1794 г. отменяет рабство в колониях и предоставляет освобожденным права французских граждан. Однако при консулате декретом от 19 мая 1801 г. рабство в колониях вновь восстанавливается.

Что касается равенства остальных категорий французских подданных, которые до революции были ограничены в гражданской правоспособности, в частности по мотивам религиозным и расовым, то и их уравнение в гражданских правах проходит также не без трудностей.

Декларация прав человека и гражданина 1789 г. объявляла, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», что «закон должен быть равным для всех» и что «всем гражданам ввиду их равенства перед законом открыт в равной мере доступ ко всем общественным должностям, местам и службам сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме обусловливаемых их добродетелями и способностями».

Но это только принципиальные положения, которые, по мнению законодателей того времени, должны были получить законодательное оформление в соответствующих декретах.

Декретом от 24 декабря 1789 г. Учредительное собрание проводит это оформление уравнения в правах в отношении протестантов. 10—16 июля 1790 г. оно идет дальше и постановляет о возврате протестантам всего конфискованного у них с 1685 г. имущества, если это имущество остается еще в руках откупщиков управления протестантскими имуществами. Потомкам протестантов, бежавших за границу, предоставляется право вернуться и получить французское гражданство и конфискованное имущество их наследодателей.

Трехмиллионное протестантское население Франции, подвергавшееся жестокому угнетению со стороны старого режима и вплоть до самой революции не имевшее в большинстве провинций «гражданского состояния», превратилось в полноправных французских граждан.

Положение евреев в ряде провинций было не лучше положения протестантов. Испанские, португальские и авиньонские евреи, проживавшие на юге, пользовались терпимостью, но в других местах, особенно в Париже и Эльзасе, евреи подвергались тяжелым и стеснительным правоограничениям. В Эльзасе евреям запрещалось всту-

нать в брак без разрешения короля, им запрещалось приобретать недвижимое имущество. Как и парижские евреи, они были обложены тяжелыми и унизительными поборами. При входе в город они обязаны были уплачивать за себя сбор, как за скотину, вносить дорожные пошлины, уплачивать сборы за прием, за покровительство и пр.

Накануне революции декретом 1784 г. сборы, связанные с передвижением, были отменены в Эльзасе, но этот декрет не применялся. Евреи не считались французскими подданными, за исключением тех, которые получали от короля грамоты о натурализации, и в любой момент могли быть изгнаны из королевства.

После ряда промежуточных актов, колебаний и отсрочек 27 сентября 1791 г. евреям предоставляется равноправие и французское гражданство.

Довольно либерально законодательство революции по отношению к иностранцам. В области гражданского права иностранцам была предоставлена полная правоспособность. До революции имущество умершего иностранца поступало обычно в казну. 6 августа 1790 г. Учредительное собрание признает за иностранцами право передавать свое имущество по наследству. Конституция 1791 г. в разделе об отношении французской нации к иностранным нациям устанавливает общую правоспособность иностранцев: «Конституция не допускает права казны на наследства иностранцев (droit d'aubaine). Иностранцы, водворившиеся во Франции или не водворившиеся, наследуют своим родственникам иностранцам и французам. Они могут вступать в договоры, приобретать имущество, находящееся во Франции, вступать во владение им, а также распоряжаться им наравне со всеми прочими французскими гражданами всеми дозволенными законом способами».

При этом не требовалось, чтобы другие государства признали такие же права за французскими гражданами.

С отменой сословных привилегий в августе 1789 г. отпадают и связанные с этими привилегиями некоторые гражданские правоограничения дворян и духовенства. Бывшие дворяне получают доступ ко всем профессиям, феодальное наследственное право отменяется. Монахи получают право оставить свой сан, покинуть монастырь и вступить в брак. Конвент предоставляет им право наследовать и завещать (декреты 25 октября 1793 г. и 7 января 1794 г.). Безбрачие священников отменяется.

Падают, наконец, гражданские ограничения дееспособности и правоспособности женщины, хотя это дело и не доводится до конца. Раньше женщина не имела права выступать в качестве свидетеля в актах гражданского состояния, а в провинциях писаного права она не имела также права обязываться в чужом интересе. При наследовании женщина часто получала меньше, чем мужчина, в браке была подчинена мужу. Все эти ограничения отменяются. Подробнее правовое положение женщины в семье излагается ниже.

Но политических прав революция женщине не дала. Избирательными правами она не пользуется.

Эмансипация замужней женщины в области гражданского права была, однако, эфемерной. Кодекс Наполеона восстановил и укрепил власть мужа.

Очень тяжело проходил вопрос о секуляризации актов гражданского состояния. Это мероприятие вызвало сопротивление духовенства, бешено отстаивавшего свои прерогативы, свое право авторитарно вмешиваться в семейную жизнь населения, оформлять такие важные для граждан акты, как брак, развод, рождение и смерть. Монопольное ведение церковью актов гражданского состояния подводило под проповедническую деятельность духовенства твердую базу принудительной власти и давало ему крупные материальные выгоды. Духовенство и связанные с ним контрреволюционные депутаты яростно протестовали против секуляризации актов гражданского состояния. Не довольствуясь доводами богословского характера, они апеллировали к отсталым слоям населения, угрожали народными волнениями.

Учредительное собрание отступило перед натиском реакционеров и дважды — 31 декабря 1790 г. и 19 июля 1791 г. — откладывало решение вопроса. Конституция 1791 г. провозгласила, что брак должен рассматриваться как гражданский договор. Тем не менее акты гражданского состояния продолжали оставаться в руках духовенства. Так как некоторая часть населения под влиянием контрреволюционной агитации отказывалась обращаться к присягнувшим новому строю священникам (вести акты гражданского состояния вправе были только они), а другая часть вовсе не хотела обращаться к попам, требуя гражданской регистрации, то во многих случаях легальные акты гражданского состояния вовсе не составлялись.

Падение королевской власти 10 августа 1792 г. устранило, наконец, колебания. Законодательное собрание перед тем, как разойтись, 20—25 сентября 1792 г. издало декрет о секуляризации брака и актов гражданского состояния. Составление актов и ведение актовых книг поручались муниципалитетам. Составление светских актов гражданского состояния было признано обязательным. Для заявления о рождении и смерти Конвент назначил жесткий срок — три дня. За уклонение от составления светских актов в течение указанного срока назначалось тюремное заключение до двух месяцев, а при рецидиве — до шести месяцев. Были изданы правила, обеспечивавшие надлежащее ведение актов гражданского состояния, их сохранность и контроль. При составлении актов о рождении и смерти должны были присутствовать 2 или 4 свидетеля, в числе которых разрешалось быть и женщинам.

Секуляризация актов гражданского состояния сохранилась и при реакции и даже при реставрациях. Об этом институте Эсмен с гордостью говорит: «Это было не только логическим следствием из принципа отделения церкви от государства, но, как показали факты, и лучшим средством обеспечить свободу совести в этой области. Институт, который создала революция, был одним из тех, которые совершают шествие по миру; постепенно с тех пор иностранные государства принимают французскую систему».

Но, радикально разрешая вопрос о формальном равенстве в области гражданских правоотношений, французская революция, если отвлечься от временных чрезвычайных декретов, о которых речь шла выше, почти ничего не сделала для ограждения реальных интересов граждан в гражданском обороте. Все было предоставлено свободной игре экономических сил. По вопросу об убыточных сделках она заняла самую жесткую позицию сохранения силы договора во что бы то ни стало.

Законодательство революции было жестко и в отношении формы доказательств.

По первому проекту Гражданского кодекса, свидетельские показания не допускаются в опровержение актов и в дополнение к ним. По письменным обязательствам исполнение должно быть доказано также на письме. Во всех случаях, когда допускаются свидетели, необходимо одинаковое показание двух свидетелей. Незаконченные письменные доказательства (commencements de preuve par écrit) отвергаются.

Жесткость формы, конечно, выгоднее для имущих, более искушенных в юридических тонкостях, нежели для неимущих, легко попадающих в ловушку.

Но революция сделала значительный шаг вперед в области ответственности должника. Декретом от 9—12 марта 1793 г. личное задержание за долги отменялось. Было запрещено даже обусловливать его в договоре. Исключение сделано только для ответчиков государства. Однако отмена эта долго не удерживается. 14 марта 1797 г. Директория, а затем Кодекс Наполеона восстановили личное задержание должников (Contrainte par corps en matière civile. разд. 13, кн. III).

С вопросом о правах личности теснейшим образом связан вопрос об условиях и охране труда. В этом отношении законодательство французской революции ярко отражает стяжательские, классово-эксплоататорские цели молодой французской буржуазии.

Пролетариат был еще слишком слаб, чтобы сформулировать и организованно отстаивать свои требования.

О причинах возникновения фабричных законов в Англии Маркс в I томе «Капитала» говорит: «Не говоря уже о нарастающем рабочем движении, с каждым днем все более грозном, ограничение фабричного труда было продиктовано тою же самою необходимостью, которая заставила выливать гуано на английские поля. То же слепое хищничество, которое в одном случае истощало землю, в другом случае в корне подрывало жизненную силу нации. Периодически повторявшиеся эпидемии говорили здесь так же вразумительно, как уменьшение роста солдата в Германии и во Франции» [1].

Но французская буржуазия, только-что освободившаяся от цеховой и мануфактурной регламентации, вступила как раз в полосу хищничества, не ограниченного ничем, кроме экономической конъюнктуры. Свобода договора и в этой области была ее евангелием.

Любопытно, как это отразилось в первом проекте Гражданского кодекса. Договор трудового найма здесь в самостоятельный раздел

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 262.

даже не выделяется. Это такой же договор, как и договор найма имущества. «Наем вообще — это договор, при посредстве которого одно лицо уступает другому пользование вещью или своим трудом в течение назначенного времени за определенную цену» (кн. III, разд. 4, ст. 4).

Последствия неисполнения договора трудового найма те же, что и при имущественном найме: «Кто сдал в наем свое время, свой труд и свои услуги на определенное время или для определенной вещи, обязан их предоставить. В противном случае он обязан возместить убытки. Если неисполнение или просрочка вызваны действиями нанимателя, обязанность возмещения падает на последнего» (ст. 5).

Не уточнялось даже, можно ли отнести к нарушению договора, дающему право требовать возмещения убытков, невыплату заработной платы. Совершенно не предусматривалась возможность досрочного отказа нанявшегося от исполнения договора.

Единственное ограничение, которое проект Кодекса счел необходимым внести в «свободу» трудового договора, сводился к указанию на недопустимость договора, не ограниченного сроком. «Никто не может обязаться услугами навсегда. Это обязательство, противное естественной свободе людей, совершенно не признается законом». В остальном — дело свободного соглашения сторон. «Laissez faire, laissez passer».

Нельзя было заключать договор «навсегда», но длительность его срока не ограничивалась. Ничем не был ограничен и рабочий день. Впервые рабочий день в промышленности ограничен во Франции лишь законом от 2 марта 1848 г., которым его продолжительность устанавливалась в 12 часов. Но для этого понадобилась новая революция.

Однако в первом проекте Гражданского кодекса не было той махрово-эксплоататорской статьи, которую ввел Кодекс Наполеона и которая отдавала нанявшегося на полный произвол нанимателя. «Хозяину верят в отношении его утверждения: о размере жалования, об уплате вознаграждения за истекший год и о платежах, произведенных в счет вознаграждения за текущий год» (ст. 1781). Здесь в угоду классовым эгоистическим интересам буржуазии открыто приносятся в жертву провозглашенные ею принципы, и равенство всех перед законом бесцеремонно отбрасывается.

Не менее ярко классовый характер законодательства эпохи французской революции проявляется также в декретах о запрещении рабочих собраний, стачек и профессиональных союзов. Хотя право граждан образовывать общества, признанное Учредительным собранием еще декретом от 13—19 ноября 1790 г., широко осуществлялось в форме политических клубов и было затем подтверждено конституцией 1793 г., но для рабочих действовал специальный декрет Ле-Шапелье от 14 июня 1791 г. Под излюбленным буржуазией предлогом защиты свободы труда и промыслов Учредительное собрание, лицемерно ссылаясь на опасность возрождения цехового строя, запретило не только профессиональные союзы и стачки, но даже представление рабочими коллективных петиций муниципальным

и административным органам с изложением своих требований. Чтобы прикрыть свою грубо-эксплоататорскую сущность, декрет формально распространял это запрещение и на предпринимателей. Декрет оставался в силе и при Конвенте.

Даже якобинская диктатура не встала на путь хотя бы самых скромных мер для ограждения интересов рабочего класса. «Весьма характерно для Робеспьера,— писал Маркс,— что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания п р о т и в рабочих продолжали сохранять свою силу»[1].

Чрезвычайное законодательство Конвента с жестким проведением совершенно недостаточного «максимума» заработной платы и распространением реквизиций и на рабочую силу трудящихся, которых обязывали работать у частных предпринимателей за голодный «максимум» заработной платы, несомненно способствовало сужению социальной базы якобинской диктатуры слева.

Но, усматривая в объединениях рабочих нарушение свободы труда и промыслов, опасность возрождения цехового строя, законодательные собрания революционной Франции не видели ничего предосудительного в объединении капиталистов для осуществления их промысловой деятельности в целях извлечения прибыли.

Правда, и законодательство об акционерных обществах было неустойчиво. Учредительное собрание декретом от 2—17 марта 1791 г. предоставило им свободу действий, но Конвент, очень настороженно относившийся к гражданским юридическим лицам и опасавшийся восстановления дореволюционных организаций, постановлениями от 24 августа 1793 г. и 15 апреля 1794 г. их воспретил. Однако простые товарищества капиталистов продолжали действовать беспрепятственно.

Первый проект Гражданского кодекса при всей своей краткости отвел товариществам отдельный раздел, состоящий из 31 статьи.

VI

Серьезные изменения наметила и частично осуществила революция в области семьи и брака. Однако в этих начинаниях далеко не было той последовательности, с которой революционеры утверждали свободную буржуазную собственность и свободу договора.

Частная собственность, конечно, не обусловливает уравнения женщины в правах с мужчиной, сведения родительской власти к родительским обязанностям и ликвидации бесправного и унизительного положения внебрачных детей. Совсем наоборот. Только «низы», трудовые слои народа, где женщина по условиям своего труда приближается к мужчине, либо заменяет его при отходничестве, либо имеет самостоятельный заработок, являются в буржуазном обществе носителями передовых взглядов, и в этих вопросах, требуя более радикального их разрешения. Единственным

[1] М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XXIII, стр. 234.

классом, который призван окончательно разрешить проблему освобождения женщины и семьи, является пролетариат.

«Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами» [1].

Эта форма в своем последовательно завершенном виде реализуется пролетарской революцией. «На самом деле, именно большевистская революция,— писал Ленин,— является единственной последовательно-демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей» [2].

Социально-экономические условия французской революции, лишь открывшей широкий простор для развития промышленного капитализма, а стало быть и для создания крупно-промышленного пролетариата, неизбежно обусловливали непоследовательность и колебания в решении проблемы. И все же некоторые вопросы семьи и брака были поставлены, а частью и разрешены, смело и радикально.

Вопрос о секуляризации актов гражданского состояния, в том числе и брака, освещен в предыдущем разделе. Но секуляризация брака — решение только части вопроса. Браки уже совершались путем регистрации их в гражданских органах, но оставались еще в силе стеснительные условия для вступления в брак, установленные каноническим правом. Так, запрещались браки между родственниками в отдаленных степенях родства вплоть до четвероюродных братьев и сестер (4-я степень родства), запрещались браки между свойственниками в тех же степенях, препятствием для вступления в брак являлось обручение с другим лицом и т. д.

Оставались также в силе суровые правила королевских ордонансов, которые требовали согласия родителей на брак для мужчины до 30 лет и для женщины до 25 лет. Нарушение этих правил грозило лишением наследства, аннулированием брака и жестокими наказаниями, вплоть до смертной казни. Запрещались браки между католиками и некатоликами и т. д. Добиваться разрешения на отступление от тех или иных запретов было очень нелегко,— это требовало затрат и связей и было доступно только лицам высших классов. Революция смела большую часть этих ограничений. Не допускались браки только между родственниками и свойственниками по прямой линии, братьями и сестрами, усыновленными и усыновителями. Согласие родителей на брак стало требоваться только для несовершеннолетних, т. е. для не достигших 21 года. Брачный возраст для мужчины устанавливался в 15 лет, для женщины — в 14 лет. С объявлением свободы культов религиозные различия потеряли свое значение. Были разрешены браки священников.

Процедура оглашений была облегчена, осталось только одно оглашение за неделю до брака.

---

[1] Маркс, Капитал, т. I. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 537.
[2] Ленин, Соч., т XXVII, стр. 189.

Особенно строго было дореволюционное право Франции в отношении развода. Еще до Тридентского собора католическая церковь запретила разводы; вообще она разрешала, и то в исключительных случаях, только «разлучение от стола и ложа» без расторжения брака. Нужно ли говорить, как усугубляла нерасторжимость брака и без того угнетенное положение женщины, какие она создавала семейные драмы и как коверкала жизнь людей?

С того времени, как Декларация прав человека и гражданина 1789 г. провозгласила индивидуальную свободу, а конституция 1791 г. признала брак гражданским договором, были созданы условия для ликвидации этих средневековых пережитков. Религиозный покров «таинства брака», давно отброшенный передовыми людьми того времени, быстро терял свой ореол и в глазах широких масс, вовлеченных в революционное движение. В петициях, статьях и брошюрах революционный народ Франции требовал от законодательных собраний широкой свободы разводов. Как и во многих других случаях, жизнь опережала здесь законодателя. Революция не любит ждать. Браки широко стали расторгаться фактически. Это должен был признать во вводной части и декрет от 20 сентября 1792 г., установивший условия и порядок развода. Запоздание с изданием декрета объясняется энергичным сопротивлением церкви и других сторонников старого порядка, умеренностью и оппортунизмом большинства депутатов первых двух собраний.

Декрет от 20 сентября 1792 г. был довольно сложен. Он устанавливал три рода причин для развода: 1) законные поводы, 2) взаимное согласие супругов и 3) требование одного из супругов о разводе по несоответствию характеров. Законными поводами признавались: а) безумие или помешательство одного из супругов, б) присуждение к телесному или порочащему наказанию одного из супругов, в) преступление, жестокое обращение или серьезное оскорбление супруга, г) явное уклонение от норм нравственности, д) оставление мужем жены или женой мужа, е) безвестное отсутствие одного из супругов в течение пяти лет, ж) эмиграция одного из супругов.

Для борьбы с легкомысленными разводами декрет устанавливал довольно стеснительный порядок оформления разводов. Вопрос о разводе, кроме случаев установления законных поводов к разводу по суду, должен был предварительно рассматриваться собранием родителей или друзей. Последнее проверяло основания к разводу, если речь шла о законных поводах, не установленных судом, и во всех случаях принимало меры к примирению супругов. Если на разводе настаивал только один из супругов, требовалось несколько последовательных собраний через определенные промежутки времени, и развод не мог быть получен раньше чем через год после заявления требования. Когда развода требовали оба супруга, было достаточно одного собрания родственников и друзей, но самый развод мог быть получен только через два месяца, если у супругов не было детей, и только через четыре месяца, если у них были дети.

Если развод производился по законному поводу, дети распределялись между родителями семейным собранием, если же по взаимному соглашению супругов или по требованию одного из них и супруги не могли договориться о детях, то девочки передавались матери, мальчики старше семи лет — отцу.

Разведенные супруги были вправе вступать в брак, однако не ранее года после развода. Срок этот был установлен для жен, чтобы не вносить неясности в происхождение детей, которые могли родиться после развода, а для мужей — по принципу равенства полов.

Конвент пошел дальше и отменил законные поводы как излишние при свободе развода и ведущие иногда к скандальным разбирательствам. Но это постановление было связано с Гражданским кодексом и не вошло поэтому в силу. По проекту Гражданского кодекса очень упрощалась самая процедура развода. При разводе по одностороннему заявлению достаточно было двух собраний в течение одного лишь месяца. Для жены срок для вступления в новый брак сокращался до 10 месяцев, для мужа он отменялся вовсе.

Не ожидая введения в действие Гражданского кодекса, Конвент декретом от 28 апреля 1794 г. установил как законный повод для развода отсутствие одного из супругов в течение шести месяцев и санкционировал разводы, произведенные до издания декрета от 20 сентября 1792 г. в силу признания брака гражданским договором.

Декреты о разводах были широко использованы в крупных городах в особенности в Париже. По данным, приводимым Martin [1], в Париже в 1793 г. соотношение разводов и браков было как 1 : 3; в дальнейшем это соотношение снизилось до 1 : 5, а затем в X году поднялось опять до 1 : 3. В других крупных городах это соотношение было ниже 1 : 10, в окрестностях Парижа ниже 1 : 20, а в глубине Франции разводы являлись совершенно единичными.

Характерно, что к разводу прибегали значительно чаще женщины, чем мужчины. Martin считает, что примерно $^2/_3$ разводов производилось по требованию женщин. Преобладание разводов по требованию жен объясняется, конечно, их угнетенным положением в семье. Разводы по «несоответствию характеров», т. е. односторонние разводы, составляли около $^1/_7$ всех разводов.

Радикальное для того времени законодательство революции о разводах полностью, как известно, не удержалось. Кодекс Наполеона отменил развод «по несоответствию характеров». Развод по взаимному согласию был сохранен, но сильно ограничен и обставлен очень сложными формальностями.

Королевская реставрация в 1816 г. отменила право развода, и оно было восстановлено только в «третьей республике» в 1884 г., и то в очень урезанном виде. Развод по взаимному согласию, а тем более по одностороннему заявлению, допущен не был.

Имущественные отношения супругов регулировались на территории дореволюционной Франции различными нормами, нормы же,

[1] „La crise du marlage dans la législation intermédiaire 1789—1804", p. 158.

регулировавшие личные отношения супругов, были во всей стране единообразны. Как в провинциях писаного права, так и в провинциях обычного права жена была подчинена мужу. В провинциях писаного права Кодекс Юстиниана как будто на ее стороне, он не знает уже брака «cum manu mariti», но это только внешнее различие, фасад. Римское право юстиниановой эпохи вовсе не придерживается принципа равноправия супругов. Жена подчинена мужу, нравы и обычаи в этом отношении только дополняют «писаное право», мужу принадлежит личная власть над женой вплоть до права наказания. На севере, в провинциях обычного права, власть мужа устанавливалась непосредственно «кутюмами». Замужняя женщина без разрешения мужа была не вправе принимать на себя обязательства. Она была лишена дееспособности.

Иное положение с имущественными отношениями супругов. На юге и частично в Нормандии применялся режим неотчуждаемого приданого, поступающего в пользование и управление мужа и обеспеченного ипотекой в пользу жены на собственное имущество мужа. В остальных частях Франции принцип раздельности имущества сочетался с общим его владением или с общностью имущества, приобретенного после брака. Кроме того, повсеместно, за исключением Нормандии, допускалось свободное установление имущественного режима в брачном договоре.

С точки зрения основных идей революции — равенства и свободы — проблемы, стоявшие перед революционными законодателями в области семьи и брака, как будто не должны были представлять затруднений. Достаточно было установить равноправие супругов, полную дееспособность жены, свободу брачных договоров по установлению имущественного режима и тот или иной режим раздельности, общности или комбинации их на случай отсутствия брачного договора. В этом направлении и работала революционная правотворческая мысль.

В первом проекте Гражданского кодекса, представленном Законодательным комитетом Конвенту, так вопрос в основном и решался. Муж и жена равноправны. Обязанность жены следовать за мужем не устанавливается. «Муж и жена пользуются одинаковыми правами по управлению их имуществами» (кн. 1, разд. 3, § 2, ст. 11). Имущественный режим устанавливается соглашением сторон, но это соглашение не может изменять положений, особо перечисленных в законе. При отсутствии соглашения устанавливается раздельность права на имущества недвижимые, а также движимые, принадлежавшие супругам до брака, и общность права на движимые имущества, приобретенные во время брака. «Плоды (доходы) от их (супругов) занятия, от их недвижимостей, а также движимое наследство, которое они получают во время брака, становятся их общим имуществом» (ст. 10). При разводе восстанавливается добрачное имущественное положение супругов, а общее имущество делится поровну (ст. ст. 16—19). При разводе нуждающийся супруг имеет право на алименты от другого супруга, если последний в состоянии их платить (разд. 6, ст. 18). По проекту, супругу в случае смерти другого супруга предоставлялось право пользоваться

имуществом последнего, но Конвент заменил это алиментами по назначению семейного совета. Конвент также не согласился с предложением проекта отменить ипотеку в обеспечение приданого и сохранил ее.

Родительская власть отменялась и была заменена попечением над детьми. Это попечение возлагалось и на отца и на мать, без преимущества одного перед другим.

В общем проект для того времени был громадным шагом вперед и довольно близко подходил к последовательно-демократическому разрешению вопроса о семейных отношениях.

Но дело не было доведено до конца уже в стадии первого обсуждения проекта в Конвенте. Социально-экономический строй буржуазного общества, преклонение перед «священной» частной собственностью и вековые навыки мужского господства стали на пути даже формального раскрепощения женщины. Один из основных пунктов проекта — о равных правах супругов по управлению имуществом — встретил горячие возражения части Конвента. Резкую оппозицию у правой части собрания вызывала вся «геометрическая» попытка решить вопрос на основе простого, но последовательного применения принципов равенства и свободы. Однако время для критики проекта с этой стороны еще не настало. Революция была на подъеме. Ухватились поэтому за статью о порядке управления имуществом супругов и дали бой на ней. Женщина, мол, неспособна управлять имуществом, мужчина имеет естественное преимущество перед ней, общее управление породит только беспорядки и несогласия и поведет к нравственному порабощению и разложению мужчин, вызовет недоверие иностранцев к французам при заключении договоров. Так резюмирует Саньяк возражения оппонентов [1]. Конвент заколебался и отложил обсуждение спорной статьи на три дня. Но с обсуждением статьи не спешили, и до 9 термидора так к ней и не возвратились. Вообще с разрешением вопроса о раскрепощении женщины не торопились.

Последующая реакция не оставила, как известно, камня на камне от передовых начинаний Конвента. Кодекс Наполеона надолго закрепил власть мужа и почти бесправное положение замужней французской женщины. И сейчас среди демократических буржуазных стран мира Франция в этом отношении занимает одно из самых последних мест.

Родители и дети? Деспотизму феодально-абсолютистского строя соответствовал и деспотический строй семьи. В провинциях писаного права господствовала «patria potestas» римского права времен Юстиниана. Сын освобождается от нее только при эмансипации, данной отцом, дочь — при выходе замуж. Гражданская правоспособность неэмансипированного сына, даже взрослого, была резко ограничена. Он мог распоряжаться лишь тем имуществом, которое приобретал личным трудом. Он не имел права завещать, совершать займы и принимать обязательства по имуществу, которое он приобрел не личным путем, а, например, по наследству. Даже дети его находились под властью его отца. Еще больше увеличивали

[1] Саньяк, Гражданское законодательство французской революции, стр. 219

власть отца принадлежавшие ему широкие права по распоряжению своим имуществом на случай смерти.

В провинциях северной Франции «кутюмы», сохранившие гораздо больше пережитков родового быта, чем торговый юг, устанавливали значительно более мягкий режим в семье. Родительская власть прекращалась с достижением детьми совершеннолетия (20—25 лет). Власть эта принадлежала обоим родителям — отцу и матери и рассматривалась скорее как опека. Родители не имели права на имущество детей и пр. Но королевские ордонансы унифицировали положение, по крайней мере в отношении личной зависимости детей от родителей. Последним, в особенности в Париже, была дана очень широкая дисциплинарная власть, вплоть до права заключать непокорных детей до 25-летнего возраста в тюрьму. «Естественное почтение детей к своим родителям связано с законным повиновением подданных своему суверену»,—провозглашала королевская декларация от 26 ноября 1639 г.[1]. Практика расширила дисциплинарную власть родителей еще более. Очень суровые кары налагались за вступление детей в брак без согласия родителей.

Разумеется для революции такой порядок был неприемлем. Речь шла не только о проведении принципа индивидуальной свободы и уничтожении деспотизма в первичной общественной ячейке-семье, но и о необходимости защитить революционно настроенную молодежь от реакционного влияния отцов. Можно ли было сохранить порядок, при котором отец, сторонник старого режима, был вправе бесконтрольно сажать в государственную тюрьму сына, вся вина которого заключалась в том, что он активно поддерживал революцию?

Первый удар, который был нанесен старой семье революционным законодательством, касался именно дисциплинарной власти отца. Она сокращалась и ставилась под контроль. По декрету от 16—20 августа 1790 г., дисциплинарные меры могли применяться только семейным советом, составленным из шести или восьми ближайших родственников или соседей. По ходатайству родителей (отца или матери) семейный совет мог принимать постановления о заключении непокорного или беспутного сына или дочери в тюрьму на срок не более года, но такие меры могли приниматься лишь в отношении лиц не старше 20 лет и требовали утверждения председателя окружного суда.

Декретами от 28 августа и 20 сентября 1792 г. совершеннолетие было установлено в 21 год. С момента наступления совершеннолетия родительская власть прекращалась, если не была прекращена до того вступлением детей в брак.

Конвент пошел дальше.

Декрет от 20 сентября 1792 г., требуя родительского согласия на брак несовершеннолетнего, говорил только об отце, но не о матери. Первый проект Гражданского кодекса во всех случаях, когда шла речь о правах родителей, говорил об отце и матери. Супруги в семье равноправны. Конвент не остановился на ограничении родительской власти только сроком, — он по-революционному поста-

[1] Саньяк, Гражданское законодательство французской революции, стр. 251.

вил вопрос об отмене самого института «родительской власти». Камбасерес, докладывая проект, восклицал: «Повелительный голос разума дает себя слышать; он говорит: нет больше родительской власти. Установить свои права путем принуждения значит обманывать природу. Забота и защита — вот право родителей, кормить и воспитывать, выращивать своих детей — вот их обязанность». В соответствии с этим проект, вместо установления и определения родительской власти, содержал статью: «Несовершеннолетний ребенок поставлен природой и законом под заботу (попечение) и защиту своего отца и своей матери» (кн. I, разд. 5, ст. 1).

Характерна для просветительных устремлений Конвента, установившего декретом от 19 декабря 1793 г. бесплатное обязательное обучение в начальной школе, ст. 2 того же раздела проекта Гражданского кодекса: «Главная обязанность отцов и матерей после прокормления и воспитания детей заключается в том, чтобы научить их профессии сельскохозяйственной или механической. Те, кто пренебрежет этой обязанностью, должны будут доставлять алименты своим детям в течение всей их жизни». На родителей проект возлагал также обязанность алиментирования больных или находящихся в невозможности добыть себе средства к жизни детей, а также внуков (ст. 3). Статья эта была передана для дополнительного обсуждения в комитет просвещения.

Обратная обязанность алиментирования не имеющих возможности прокормить себя родителей и других родственников по восходящей линии возложена на детей и их нисходящих (ст. 5).

Подростку, начиная с 16 лет, предоставляется дееспособность, если он имеет самостоятельное занятие (ст. 9). Если самостоятельного занятия подросток не имеет, он управляет своим имуществом при участии попечителя (разд. 8, ст. 6).

В случае смерти одного из родителей родительские обязанности осуществляет другой. В случае смерти обоих родителей место их заступает семейный совет и опекун. При жизни родители и другие родственники по восходящей линии признаются естественными опекунами детей. В Конвенте было сделано также предложение об обязательном общественном воспитании детей с отобранием их от родителей, но оно, конечно, принято не было, хотя и поддерживалось Робеспьером. Конвент ограничился декретированием обязательного обучения с шести-восьмилетнего возраста.

Дисциплинарные полномочия родителей и семейного совета, предоставленные им декретом от 16—24 августа 1790 г., в проекте Гражданского кодекса воспроизведены не были. При ликвидации самого института «родительской власти» иное решение было бы и непоследовательным.

Последующая реакция, как известно, круто повернула назад. Кодекс Наполеона восстановил отцовскую власть в весьма сконцентрированном виде, вплоть до права отца подвергать несовершеннолетнего сына или дочь аресту через председателя Трибунала на срок до шести месяцев, если им исполнилось 16 лет, и на срок до одного месяца, если им было менее 16 лет (ст.ст. 376 и 377).

Лишь декретом от 30 октября 1935 г. права, предоставленные отцу этими статьями, были несколько изменены.

Но если в отношении регулирования семьи в целом французская революция близко подходила к последовательно-демократическому разрешению вопроса, то того же нельзя сказать о регулировании положения внебрачных детей. Вопрос о последних был своего рода камнем преткновения для законодателей революции.

Ни Учредительное, ни Законодательное собрания не сделали ничего для разрешения этого вопроса. Занялся им всерьез только Конвент, кипучая энергия которого нашла время и для его разрешения. Но, провозглашая уравнение в правах внебрачных детей с детьми, рожденными в браке, Конвент в то же время делает две оговорки, которые по существу сводят все решение почти на-нет.

По дореволюционному праву, внебрачные дети находились в исключительно тяжелом положении. Они были вне семьи отца и матери. Они не наследовали ни тому, ни другому, а тем более родственникам. Запрещалось даже завещать им или оставлять легаты. Они не могли сами передавать по наследству свое имущество никому, кроме своих нисходящих. Имущество после смерти внебрачного переходило при его бездетности к сеньору или королю. В быту внебрачные обычно считались как бы отверженными. Однако родители были обязаны их содержать. Отыскание отцовства в этих ограниченных алиментных целях допускалось. Присуждали алименты сравнительно легко. Указанию об отце, сделанному матерью, не занимавшейся проституцией, суды обычно верили.

Камбасерес, обосновывая в Конвенте предложение проекта Гражданского кодекса, касающееся внебрачных детей, говорил: «Мы должны были обратить наши взоры на одну группу несчастных, являющихся с давних пор жертвами самого жестокого предрассудка. «Незаконнорожденность» имеет свое происхождение в религиозных заблуждениях и феодальных институтах. Нужно изгнать ее из законодательства сообразно с природой. Все люди равны перед ней. Можно ли сохранить различие между теми, положение которых должно быть одинаково?» Эти положения как будто входили в символ веры последовательных революционеров того времени. Однако при обсуждении проекта в Конвенте были приняты две поправки к нему. Было оговорено, во-первых, что уравнение в правах не распространяется на детей, происшедших от прелюбодеяния и кровосмешения, и во-вторых, что оно распространяется только на детей, признанных родителями. При этом отыскание отцовства было воспрещено.

Первая оговорка, — в отношении детей, происшедших от «прелюбодеяния», — не была безусловной. Эти дети могли быть узаконены браком отца и матери, но проект требовал, чтобы брак предшествовал рождению ребенка. Что касается признания отцом, то оно требовалось безусловно.

Мотивами недопущения исков об отцовстве были ссылки на трудность его установления при отсутствии признания, на обманы, которые возможны в таких делах, на скандалы и неприятности, с ними связанные. Проект предлагал включить мотивировку даже в

самую статью закона в такой формулировке: «Общественный интерес не допускает расследования факта, на который природа набросила непроницаемое покрывало».

Формула не лишена, быть может, литературного «изящества», но вот к чему привел на деле запрет отыскания отцовства. По данным, приводимым Martin[1], в Париже в VIII году республики родились 16 021 ребенок в браке и 4 690 детей вне брака, признаны отцами только 165; в первые шесть месяцев IX года были рождены в браке 7 212 детей, вне брака 2 301 ребенок, признаны отцами 106. Фактически внебрачные дети были лишены отцов и материальной помощи от них. В целом их положение на деле было не улучшено сравнительно с дореволюционным временем, а ухудшено. Вместе с тем было ухудшено и положение матерей, на которых пала вся тяжесть содержания внебрачных детей. Установленное законом «безотцовство» должно было на деле содействовать не изживанию, а укреплению старых предрассудков. Огромная смертность внебрачных детей в капиталистических странах общеизвестна. Интересы кошелька и домашнего спокойствия оказались в данном случае сильнее республиканских принципов равенства даже в Конвенте.

Хотя проект Кодекса и не получил силы, но установленный им запрет отыскивать отцовство был подхвачен наступившей вскоре реакцией и составил снискавшую себе позорную известность ст. 340 Кодекса Наполеона: «Отыскивание отцовства запрещается». Исключение было сделано только для случаев похищения женщины, повлекшего за собой зачатие ребенка. Статья эта с некоторыми смягчениями действует во Франции и сейчас.

Ввиду задержки издания Гражданского кодекса декрет о внебрачных детях был издан Конвентом самостоятельно 2 ноября 1793 г., но он урегулировал вопрос только о тех внебрачных детях, отцы и матери которых умерли между 14 июля 1789 г. и 2 ноября 1793 г. (дата издания декрета). Этим детям было предоставлено право наследовать после своих родителей, без права, однако, требовать пересмотра произведенных уже разделов наследства. Боковые наследники, получившие уже наследство, обязаны были вернуть внебрачным детям $^5/_6$ наследственного имущества. Устанавливать свое происхождение внебрачные этой категории могли официальными и частными документами отца о признании, а также фактом непрерывного нахождения на его содержании и воспитании как отца. Процессы об отыскании отцовства, начатые до издания декрета, подлежали завершению по законам, действовавшим до издания декрета. Наследственных прав по отношению к родственникам по восходящей линии, кроме родителей, внебрачные дети, однако, не получили. Что касается тех внебрачных детей, родители которых были живы к моменту издания декрета 2 ноября 1793 г., то урегулирование их судьбы отсылалось к Гражданскому кодексу. Последний, однако, был издан, как известно, только в 1804 г., причем он запрещал отыскание отцовства, а признан-

[1] „La crise du mariage dans la législation intermédiaire 1789—1804", p. 159.

ным внебрачным предоставлял очень урезанные наследственные права.

Довольно большой интерес проявили законодательные собрания революции к вопросу об усыновлении. Здесь сказывалась не только забота об устройстве сирот и вообще нуждающихся детей. Дроблением наследств путем усыновления хотели содействовать возможно большему имущественному равенству граждан. Для бездетных усыновителей усыновление должно было, по мысли законодателя, явиться суррогатом семьи и утешением; оно заслуживает поощрения, ибо воспитывает в нации добрые чувства.

Конвент подал пример гражданам и по образцу Греции и Рима, не ожидая закона об усыновлении, сам декретировал усыновление нескольких лиц от имени республики.

В принципе усыновление было принято еще 18 января 1792 г. Законодательным собранием. Статьи о нем включаются в первый проект Гражданского кодекса. Предлагалось разрешить усыновление только несовершеннолетних. Усыновитель должен был быть старше усыновляемого не меньше чем на 15 лет, а усыновительница — не меньше чем на 18 лет. Бездетность усыновителя не требовалась, но Конвент это условие ввел. Чтобы усыновление не могло служить передаче крупных наследств, было постановлено, что усыновленный может получить по наследству имущество, доход с которого не превышает 300 квинталов пшеницы в год. Усыновленный должен был пользоваться правами ребенка усыновителя, но не мог считаться родственником членов семьи и потомства усыновителя. Алиментные обязанности усыновленного по отношению к кровным родителям сохранялись. Имена усыновителей должны были заноситься на доску почета в муниципалитетах (разд. 7, кн. 1 проекта).

По одному частному случаю Конвент 6 декабря 1795 г. подтвердил, что усыновленные наследуют после усыновителей, но общего закона об усыновлении до Кодекса Наполеона так и не было издано. Кодекс Наполеона усыновление допустил, но в очень узких рамках.

VII

Выдающееся место в законодательстве революции в области гражданского права занимал вопрос о наследовании. Речь шла не только о том, чтобы вытравить наслоения феодализма и устранить пестроту правовых норм по этому предмету. Вопросу придавалось гораздо более широкое значение. Мелкобуржуазные революционеры рассчитывали путем законов о наследовании предупредить сосредоточение богатств в руках отдельных лиц, ослабить имущественное неравенство между гражданами и этим хотя бы в некоторой степени сгладить разрыв между провозглашавшимся равенством всех перед законом и фактическим экономическим неравенством.

Равенство имущества Робеспьер и его сторонники объявили «химерой», «аграрный закон» решительно отвергали, но они стре-

мились, как видно из вантозовских предложений Сен-Жюста, образовать новые слои собственников, обязанных всем революции, и обеспечить нуждающихся за счет врагов революции. Эти предложения были чрезвычайной мерой, мерой, вносившейся при чрезвычайных обстоятельствах и проводившейся нерешительно и непоследовательно. Пиэтет к неприкосновенности священной частной собственности не позволял авторам этих предложений производить более глубокие вторжения в ее заповедную область «inter vivos», хотя собственность и рассматривалась ими как общественное установление. Здесь нельзя итти так далеко, чтобы отменить самое право наследования, — это было бы безвозмездной конфискацией собственности, это противоречило бы основному принципу конституции, — но можно и нужно сделать все, чтобы наследование не закрепляло, а ослабляло имущественное неравенство, чтобы оно вело к образованию возможно большего числа собственников; можно и нужно отсечь или, по крайней мере, свести к минимуму то, что Маркс впоследствии назвал «...произвольным и суеверным преувеличением даже самого принципа частной собственности» [1] — свободу завещательных распоряжений. Отмена свободы этих распоряжений нужна не только для того, чтобы лишить собственника возможности обходить уравнительные наследственные законы, но и для того, чтобы служить делу эмансипации революционной молодежи от деспотизма реакционных стариков.

Мысленным взорам Национального конвента, если судить по докладу Камбасереса при внесении проекта Гражданского кодекса, представлялось «редкое зрелище земледельческого народа, богатого без чрезмерного изобилия, довольного без крупного состояния, великого своим трудом». Известный французский юрист Эсмен характеризует законодательство Конвента о наследовании двумя основными идеями законодателя: «Это был прежде всего переход имуществ, согласно порядка, указанного природой, и предполагаемых чувств покойного наследодателя, и желание поддержать равенство между наследниками. Это была затем воля разделить насколько возможно собственность и имущество, чтобы прийти к той умеренности состояний, которая была идеалом революции» [2].

Состояние наследственного права дореволюционной Франции было не менее пестрым, чем остальных отраслей гражданского права. В провинциях писаного права, на юге, применялось римское право с его унификацией имущества в единую и однородную наследственную массу, широкой завещательной свободой, равенством долей наследников по закону и закреплением за ними обязательных долей. На севере, в провинциях обычного права, унификации имущества в отношении наследования не было, различались имущества родовые, недвижимые и движимые. Для каждого из этих видов имущества существовали особые правила наследования. Свобода завещательных распоряжений была очень ограничена. Равенство долей при наследовании по закону в ряде местностей отсут-

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 338.

[2] Esmein, „Précis élémentaire de l'histoire du droit français de 1789 á 1804", p. 239.

ствовало, сыновья получали больше, чем дочери. Наряду с этим на всей территории Франции для владельцев «благородных» земель действовала система феодального наследственного права с установлением права первородства, т. е. права передачи всего или подавляющей части родового имущества старшему наследнику, и с исключением из наследования дочерей. Эти нормы в свое время были связаны с несением феодалами военных повинностей, объем которых находился в зависимости от размеров владений и количества населения, подвластного феодалу. Повинности эти исчезли, а нормы сохранились, выполняя другую функцию — поддержание блеска и пышности благородных феодальных фамилий. Свобода завещательных распоряжений в связи с указанными правилами была резко ограничена, но допускалась субституция, т. е. назначение наследника к наследнику и договоры о наследовании. Феодальное наследственное право постепенно распространилось и на крупную буржуазию и высшее чиновничество.

Первый удар революции был, естественно, направлен против феодального наследственного права. Декретом от 15 марта 1790 г., Учредительное собрание отменило систему феодального наследственного права. Отмена эта была уже предрешена постановлениями ночного заседания 4 августа 1789 г. об уничтожении феодальных привилегий, но как и все, что делало в этой области крупнобуржуазное Учредительное собрание, она была проведена с оговорками. Были сохранены в силе соглашения о феодальном наследовании, содержавшиеся в брачных договорах. Вопрос о завещательных распоряжениях декрет оставил открытым.

Однако ряд «кутюмов» допускал при наследовании по мужской линии право старшинства и для непривилегированных. Декретом от 8—15 апреля 1791 г. были отменены право старшинства и неравенство долей при наследовании по закону. Статья декрета гласила: «Всякое неравенство между наследниками, проистекающее по закону из оснований старшинства, различия полов или вследствие основанных на обычае исключений из наследования, будь то по линии прямой или боковой, отменяется. Все наследники в одинаковой степени будут наследовать одинаковые доли в имуществах, которые к ним поступят по закону».

Но вопрос о завещательных распоряжениях не был урегулирован и этим декретом. По поводу свободы завещательных распоряжений развернулись горячие прения. Приводились доводы философские и практические. Какова природа завещательного права? Является ли оно естественным правом, существовавшим до общественного договора и образования общества, или оно порождено обществом? В последнем случае общество, очевидно, может его отменить, либо ограничить, как найдет целесообразным. С практической стороны одни указывали на полезность завещаний: завещания индивидуализируют наследование применительно к особенностям каждого случая; право завещания подымает авторитет отца и укрепляет чувство почтения к нему детей; неравенство в наследовании, могущее возникнуть вследствие завещаний, часто очень полезно, так как оно предотвращает чрезмерное деление земель,

вредное для сельского хозяйства, и развивает дух предприимчивости у обойденных наследников. Им возражали, что неравенство наследования гибельно для конституции и государства, так как противоречит принципам политического равенства и разрушает его при имущественном цензе. Завещательный произвол главы семьи ведет к разложению последней, а не к ее укреплению. Старшие поколения нередко привержены старому порядку, право завещания в их руках может быть использовано и используется против революционной молодежи [1].

Философский и юридический спор, по существу, прикрывал либо непосредственно выражал борьбу классов. Свобода завещаний выгодна крупной буржуазии. Она расширяет содержание частной собственности, способствует ее концентрации и усиливает авторитет крупных собственников в семье путем экономического давления; в земледелии она противодействует вредному для него чрезмерному дроблению хозяйства и толкает избыточную рабочую силу из деревни в промышленность. Для мелкой буржуазии, собственность которой очень ограничена и обычно, в особенности у крестьян, является результатом коллективного труда всей семьи, свобода завещательных распоряжений либо неприемлема, поскольку она не соответствует семейно-трудовому быту значительной ее части, либо представляет мало интереса, поскольку объекты завещания зачастую ничтожны. Для неимущих, которым завещать нечего, свобода завещания не нужна вовсе; она только подчеркивает их безрадостное и бедственное положение. Поскольку свобода завещаний выгодна для их угнетателей, отношение к ней «низов» в период обостренной классовой борьбы могло быть только отрицательным.

Крупнобуржуазное учредительное собрание, не взирая на ряд предложений, обошло вопрос об отмене или ограничении завещательных распоряжений. Только после падения королевской власти Законодательное собрание декретировало в принципе запрещение субституций, являвшихся по существу пережитком феодального наследственного права.

Картина резко меняется с созывом Конвента. 24 октября 1792 г. Конвент отменяет гипертрофированную форму завещательного распоряжения — субституции. Запрещалось не только вновь устанавливать субституции, но были аннулированы и субституции уже установленные, но еще не реализованные. Были отменены также допущенные декретами от 15 марта 1790 г. и 8—15 апреля 1791 г. исключения для условий о наследовании, предусмотренных в брачных договорах. Тем самым феодальное наследственное право было ликвидировано полностью.

7 марта 1793 г. отменяется право наследодателя завещать наследникам по прямой линии. Наследодатель лишился возможности нарушать равенство наследственных долей своих прямых наследников. Но реформа еще не завершена. Наследодатель вправе завещать другим родственникам и посторонним, он вправе дарить «in-

[1] См. Саньяк, Гражданское законодательство французской революции, стр. 188—189.

ter vivos». Этими путями он может лишить наследства своих прямых наследников (кроме законной доли, где она установлена) или обойти закон о равенстве их долей. Необходим дальнейший шаг, который урегулировал бы вопрос о дарении наследодателей и установил бы пределы распоряжения наследодателем своим имуществом по завещанию. С последовательностью, свойственной Конвенту, вскоре был сделан и этот шаг.

Первый проект Гражданского кодекса предлагал ограничить право завещания $^1/_{10}$ имущества наследодателя, если у него было потомство по прямой линии, и $^1/_6$, если такого потомства не было. Что касается дарений «inter vivos» (дарение и завещание проект излагал в одном разделе), то, во-первых, проект воспрещал дарить наследникам, а подарки по случаю брака предлагал засчитывать в наследственную долю. Этим обеспечивались наследственные права наследников, установленные законом. Во-вторых, проект предусматривал правила, которые исключали возможность обогащения за счет дарений. Размер дарений лимитировался абсолютной суммой. «Дарение есть акт благотворительности», — провозглашал проект (кн. II, разд. 3, ст. 21). Можно дарить только имущество, годовой доход которого не превышает 1000 квинталов пшеницы (декрет от 6 января 1794 г. определил лимит в 10 000 ливров капитальной суммы). Одаряемый в свою очередь не мог, по проекту, иметь больше указанной суммы, а если он холост, никого не усыновил, не кормит отца или матери и притом имел годовой доход свыше 50 квинталов пшеницы, то он терял право принимать дарение. Дарение не должно создавать новых богачей. Декрет от 6 января 1794 г. правила о холостяках, однако, не воспроизвел.

Наконец, для сокращения дарений проект объявлял их безотзывными и требовал для них нотариальной формы.

Что касается порядка наследования, то проект требовал прежде всего единого порядка наследования для всех видов имущества. Деление имуществ на родовые, недвижимые и движимые при наследовании отпадает. Все идет в единую наследственную массу. Очередность призыва наследников устанавливается, по проекту, следующим образом. В первую очередь идут дети, а в случае их смерти — их нисходящие по праву представления. При отсутствии прямых потомков наследство расщепляется: одна половина идет нисходящим отца, другая — нисходящим матери, т. е. братьям и сестрам наследодателя и их нисходящим по праву представления. Полнородные братья и сестры наследуют, естественно, дважды, в обеих половинах наследства. Если братьев, сестер и их нисходящих нет, то наследуют отец и мать, каждый свою половину. Более молодым дается, таким образом, преимущество перед стариками. Если нет также отца и матери, то происходит новое расщепление наследства; одна половина половины наследства, т. е. одна четверть, идет нисходящим деда, другая — нисходящим бабки по отцу; то же самое соответственно делается и с другой половиной наследства, которую могла бы получить мать: половина ее, т. е. четверть наследства, идет нисходящим деда наследодателя по матери, другая четверть — нисходящим бабки по матери. Если нисхо-

дящих нет, наследуют деды и бабки. Если последних также нет, то наследуют нисходящие прадедов и прабабок с новым расщеплением наследства, и так далее до бесконечности, — система, близкая к так называемой парантельной.

Наследство между детьми делится поровну. Между боковыми раздел производится поколенно. При последовательных расщеплениях и праве представления до бесконечности дробление наследств в боковых линиях часто должно было быть громадным, но это как раз то, к чему стремился законодатель.

Если, не взирая на призыв наследников по крови до бесконечности, их все же не оказывается, то к наследованию призывается переживший супруг. Шансы на такой призыв, как видно из сказанного, были совершенно ничтожны. Обращает на себя внимание то, что революция уничтожила право пережившей жены на вдовью долю или прибавку к приданому. Возможно, что это было связано с установлением общности нажитого супругами имущества, если брачный договор не оговорил другого режима. В общем же имуществе пережившему супругу принадлежала половина. Кроме того, за ним в случае нуждаемости признавалось право на алименты из наследственного имущества. Если не оставалось и пережившего супруга, то имущество становилось выморочным и переходило к государству.

Так как окончательное принятие Гражданского кодекса задерживалось, то часть его, касающаяся наследования и дарений, была опубликована с небольшими изменениями в качестве самостоятельного закона 25 октября и 2 ноября 1793 г. При этом Конвент, как и в некоторых других случаях, придал декрету обратную силу с 14 июля 1789 г. Принципы, положенные в основу законодательства революции о наследовании и направленные к осуществлению равенства, нивелированию богатств и защите сыновей-патриотов от реакционных отцов, должны были быть осуществлены с начала революции.

Поскольку полный пересмотр осуществленных с начала революции наследований в некоторых случаях должен был привести к несправедливости, были приняты специальные постановления. Так, при сведении универсальных дарений до установленных для завещателей $^1/_{10}$ или $^1/_6$ имущества одаренным, имеющим детей, было предоставлено право удержать дополнительно по $^1/_4$ указанных долей на каждого ребенка. Были оставлены в силе дарения пенсий и завещания в пользу малосостоятельных слуг, составленные после 14 июля 1789 г. Сделаны были также изъятия для некоторых других случаев подобного рода.

О наследственных правах внебрачных детей сказано было выше.

Естественно, что наследственные законы Конвента и в особенности придание им обратной силы встретили энергичнейшее сопротивление со стороны имущих классов и лиц, которым приходилось возвращать полученное. Начавшаяся реакция превратила это сопротивление в наступление. Декретами от 26 августа и 25 сентября 1795 г. послетермидорианский Конвент отменил обратную силу законов о наследовании. Последующее законодательство внесло в

них ряд изменений по существу, а Кодекс Наполеона переработал их весьма основательно. Характерно, однако, что два основных принципа законов революции о наследовании — равенство долей наследников по закону независимо от пола и ограничение свободы завещательных распоряжений — сохранились, хотя второй принцип Кодексом Наполеона был значительно смягчен. Законы Конвента, как было указано, разрешали завещать лишь $^1/_{10}$ имущества при наличии нисходящих и $^1/_6$ при их отсутствии. Кодекс Наполеона разрешает завещать при наличии нисходящих наследников от $^1/_4$ до $^1/_2$ имущества, в зависимости от числа детей.

Гражданское законодательство французской буржуазной революции юридически оформило и закрепило отношения нового общества, созданного революцией.

Феодальная собственность была заменена собственностью буржуазной. Привилегии и правоограничения уступили место формальному равенству гражданской правоспособности. Монополии, мелочная регламентация и другие стеснения в области хозяйственной деятельности сменились буржуазной свободой промысла, торговли и труда. Хозяином положения стал капитал. Огороженные участки окрепшего крестьянского землевладения, освобожденного от пут феодализма, стали прочным оплотом против восстановления последнего.

В этих пределах гражданский правопорядок, созданный революцией, выдержал все удары последующей реакции и королевских реставраций и в основном остался непоколебленным. Основные положения гражданского законодательства революции в этой области перешли в Кодекс Наполеона и вместе с ним совершили победное шествие по Европе.

Менее благоприятной была судьба революционного законодательства в области семейных отношений. Законодательство революции, направленное к замене деспотического строя семьи демократическим, было в большей части разрушено последовавшей реакцией и в особенности королевскими реставрациями. Но влияние его на законодательство «демократических» стран было значительным, а в отдельных случаях живо и сейчас.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА 1789 ГОДА И ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Б. УТЕВСКИЙ

I

11 июля 1789 г. маркиз Лафайет, «вождь национальной гвардии, кумир буржуазии, человек, пользовавшийся даже симпатиями рабочего класса...» (Энгельс)[1], внес в Учредительное собрание предложение о провозглашении Декларации прав человека и гражданина. 26 августа Декларация была уже принята.

Величайшим энтузиазмом встретила революционная Франция Декларацию.

«Если бы от всей конституции 1791 года не оставалось ничего, кроме Декларации, и этого одного достаточно было бы для ее бессмертия», — восклицал депутат Рабо-Сент-Этьен[2].

Депутаты Национального собрания придавали Декларации общечеловеческое, универсальное значение. «Наша задача не ограничивается одной Францией, — говорил депутат Петион, — мы должны объявить, какие права составляют общее достояние всех людей и всех времен»[3].

Пламенные участники революции — философы, писатели, государственные деятели — по-своему верно отражали общечеловеческое значение Декларации 1789 г. Маркс и Энгельс не раз подчеркивали, что революция 1789 г. и английская революция 1648 г. не были только революциями Франции или Англии. Обе эти революции, по словам Маркса, «...представляли не победу одного определенного класса общества над старым политическим строем; они провозглашали политический строй нового европейского общества»[4].

Маркс в краткой, предельно четкой формуле вскрыл социальную значимость тех прав, которые в столь торжественной форме провозгласила Декларация 1789 г. «В 1789 г., — сказал Маркс, — политический вопрос о правах человека заключал в себе социальный вопрос о свободной конкуренции»[5].

---

1 Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 34.

2 Цит. по М. Ковалевскому. Происхождение современной демократии, т. II, стр. 64.

3 Там же, стр. 64.

4 Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, стр. 54—55.

5 Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 262.

Но это действительное социальное содержание Декларации 1789 г. отнюдь не умаляет ее огромного исторического значения. Не умаляет ее значения и то обстоятельство, что Декларация не представляла собой продукта самобытного творчества французской нации, а воспроизводила идеи, которые более чем за сто лет до того были впервые брошены в свет во время английской революции XVII века. В Англии эти идеи высказывались тогда в политических памфлетах и различных конституционных документах, были систематизированы и философски обоснованы в трактатах великого английского философа Локка и юридически разработаны крупнейшим английским юристом Блэкстоном.

Преемственность между политическими идеями, рожденными во время буржуазной английской революции XVII века, и идеями французской революции XVIII века обусловливается тем, что «английская революция XVII века представляет,—по словам Энгельса,— точный прообраз французской революции 1789 года»[1].

Эта историческая преемственность равно относится как к общеполитическим идеям французской буржуазии XVIII века, так, в частности, и к ее идеям в области уголовно-правовой.

Пресвитериане, индепенденты и левеллеры, эти религиозные течения в английской реформации, представляли собою и различные политические течения в английской революции. Энгельс, останавливаясь на взаимоотношении английской революции XVII века и французской революции XVIII века, говорил, что Жиронде, Горе и эбертистам с бабувистами соответствуют в Англии пресвитериане, индепенденты и левеллеры.

Левеллеры (уравнители) по праву называются родоначальниками английского радикализма. Именно они создали основу тех политических взглядов, которым суждено было более чем через сто лет в новой форме стать господствующей системой политических взглядов американской и европейской буржуазии.

В памфлете Лилльборна «Основные законы и вольности Англии» провозглашается идея народного суверенитета. «Нация — начало, середина и конец всякой власти», — говорится здесь. Более чем за сто лет до появления работы Монтескье «О духе законов» левеллеры установили уже принцип разделения властей. «Законодатели, — говорили левеллеры, — не должны быть одновременно и исполнителями закона; строгое разграничение должно быть установлено между этими властями, чтобы в противном случае не пострадала народная свобода». В памфлетах Лилльборна сформулирован и принцип формального равенства всех перед законом. «Все граждане равны перед законом и одинаково подлежат ответственности перед ним», — читаем мы у Лилльборна. От левеллеров ведет свое начало и теория неотчуждаемых прав человека, признание которых обязательно, по их мнению, для государства. Как увидим дальше, и важнейшие программные требования Декларации прав 1789 г. в области уголовного права были впервые выдвинуты левеллерами.

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 351.

Но левеллеры выдвигали свои требования в условиях непосредственной политической борьбы. Их политические требования были требованиями боевыми. Джон Лилльборн был политическим борцом, а не теоретиком. Систематизировать и теоретически разработать демократические идеи, выдвинутые впервые левеллерами, выпало на долю Локка, которого Энгельс относил к великим именам Англии [1].

Влияние философии Локка на ход развития политических идей французской революции было огромно. По справедливости он должен быть признан первым, кто философски разработал идеи, блестящее изложение которых столетием позже прославило имена Вольтера, Монтескье и Руссо. Локк еще задолго до французских мыслителей XVIII века обосновал доктрину неотчуждаемых прав человека, развил договорную теорию происхождения государства и учение о свободе и равенстве как врожденных правах человека. Он, — как мы это увидим далее, — теоретически развил основные положения идущей к власти буржуазии и в области уголовного права. Можно поэтому полностью присоединиться к мнению М. Ковалевского, что «ни один писатель XVII века не оказал в течение двух последних столетий такого решительного влияния на европейскую мысль, как Локк, и что было бы излишне доказывать, сколько заимствований сделали из него Вольтер, Кондильяк, Кант и другие континентальные философы, не говоря уже об его единоплеменниках» [2].

Через Локка на политическую мысль Франции XVIII века влияли и уголовно-правовые идеи левеллеров. В воззрениях левеллеров, в трудах Локка и Блэкстона надо искать источник идей и положений американских деклараций, служивших прообразом для французской Декларации 1789 г.

Первая Декларация прав человека была провозглашена в Америке. Как известно, 15 мая 1776 г. в Филадельфии конгресс представителей колоний, решивших отложиться от Англии, предложил отдельным штатам издать для себя конституции. 12 июня 1776 г. Виргиния первой приняла «Bill of Rights» — Декларацию прав — как введение к конституции. За Виргинией последовало большинство остальных штатов. Через три недели после принятия Виргинией Декларации прав, 4 июля 1776 г., конгресс Соединенных Штатов провозгласил Декларацию независимости.

Даже беглое ознакомление с декларациями прав американских штатов показывает, насколько широко их составители пользовались английскими источниками. Так, английские колонисты в Америке в свои декларации включали соответствующим образом истолкованные положения из английской Великой хартии вольностей, а также и различные положения из английских конституционных актов XVII века. Еллинек, настаивая на исключительном влиянии американских деклараций на французскую, пытался показать разницу между американскими декларациями и английскими консти-

[1] См. Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 368.
[2] М. Ковалевский, От прямого народоправства, т. III, стр. 34.

туционными актами [1]. Однако попытки эти мало убедительны, так как основаны на формальных моментах различия, а самый факт непосредственного заимствования американцами из английских источников бесспорен.

Столь же бесспорно, что радикальные идеи левеллеров, отразившиеся и на английском «Билле о правах» 1689 г., широко воспринимались американскими декларациями или непосредственно, или из трактатов Локка. Известно, какое большое значение имела для образования американских деклараций появившаяся в 1764 г. в Бостоне работа Джемса Отиса о правах английских колоний. Отис устанавливает и перечисляет права, которые ни одно собрание, включая парламент, не может уничтожить, т. е. те неотчуждаемые права, о которых говорили левеллеры и философское обоснование которых мы находим у Локка, а юридическое — у Блэкстона. Перечисляя эти права, Отис прямо ссылается на английское право и на Локка. В 1722 г. собрание граждан Бостона приняло проект декларации прав поселенцев. Эта декларация содержит ссылку на Локка [2]. Мабли, говоря об американской Декларации независимости, отмечал, что «ее составители усвоили себе справедливые и мудрые принципы Локка о естественной природе человека и природе правительства» [3]. Еллинек признает, что учение Локка составило эпоху в развитии теоретических воззрений англичан и американцев [4]. Наконец, столь крупный французский исследователь, как Олар, подобно Еллинеку видящий источник французской Декларации 1789 г. в американских декларациях, констатирует, что американские учреждения «несомненно явились продуктом английской мысли, вели свое начало от Локка и республиканцев 1648 года».

Таким образом, если отдельные авторы французской Декларации 1789 г. и имели перед собой американские декларации прав и даже заимствовали оттуда те или иные идеи, то это был не первоисточник, это был только один из каналов, через которые во Францию проникали идеи левеллеров.

Но имелись и иные каналы. Это были труды Монтескье, Вольтера, Руссо, Мабли, трактат Беккариа.

Франция переживала в XVIII веке подлинную философскую революцию, служившую, по словам Энгельса, введением к политическому перевороту [5].

Влияние философии на французскую революцию было велико. Говоря о перекочевавшем из Англии во Францию материализме, Энгельс писал: «...Влияние его было так велико, что во время великой революции это учение, рожденное на свет английскими роялистами, доставило французским республиканцам и террористам теоретическое знамя и дало текст для «Декларации прав человека» [6].

---

1 Еллинек. Декларация прав человека и гражданина, стр. 36 и сл.

2 См. Там же, стр. 69.

3 Цит. по М. Ковалевскому, Происхождение современной демократии, т. II, стр. 577.

4 М. Еллинек, Декларация прав человека и гражданина, стр. 61.

5 См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 635.

6 Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1938, стр. 328.

В этом отношении огромную, ни с чем не сравнимую роль сыграла замечательная работа Локка «О гражданском правительстве», — работа, из которой широко черпали свои политические идеи Вольтер, Монтескье, Руссо, Мабли, государственные деятели французской революции, американские и французские авторы деклараций прав.

Мабли в одном из своих трактатов писал: «Я желал бы, чтобы каждый с величайшим вниманием прочел, и несколько раз прочел, трактат Локка о гражданском правительстве. Надо сделать из него свое достояние и настолько проникнуться его принципами, чтобы иметь возможность отнестись критически к тем ошибкам, которых сам автор не избежал благодаря тому громадному уважению, каким англичане окружают свое правительство. Внимательное изучение Локка предостережет читателя от многих заблуждений, в какие может ввести его чтение Гроция или Пуффендорфа».

Учение великого английского философа явилось прообразом идей французских просветителей XVIII века, подобно тому как английская революция в целом явилась прообразом французской революции. Нельзя не согласиться поэтому с той оценкой, которую дал Локку, основываясь на работах М. Ковалевского, дореволюционный русский юрист Новгородцев, писавший о Локке: «Завершая собою развитие политической мысли XVII века, он стал великим прообразом для XVIII столетия. Французские писатели позднейшего времени затмили его блеском своей славы, и в особенности для континентальной публики; наряду с громкими именами Монтескье, Руссо и Вольтера, имя Джона Локка звучит как-то скромно и неслышно. Только специалисты знают, насколько великие французы обязаны своему английскому предшественнику. Когда мы ищем крупного и видного представителя, подготовившего основные политические идеи XVIII столетия, мы всякий раз останавливаемся на Локке, который является несомненно самым видным политическим писателем XVII века» [1].

Таким образом, можно считать установленным, что основные политические идеи французской революции, нашедшие свое выражение во французской Декларации прав 1789 г., имеют свой прообраз в идеях, созданных английской революцией, в частности в писаниях и выступлениях левеллеров. Эти идеи через труды Локка разными каналами проникали во Францию XVIII века; французские государственные деятели знакомились с этими идеями через американские декларации, через сочинения Беккариа, Вольтера, Монтескье, Руссо, Мабли и непосредственно из трактата Локка «О гражданском правительстве», переведенного на французский язык вскоре же после его появления на английском языке.

Нашей непосредственной задачей является показать, что точно таков был преемственный ход развития и уголовно-правовых идей, сформулированных в Декларации прав 1789 г.

---

[1] Новгородцев, Лекции по истории философии права, 1918, стр. 97–98.

II

Уголовно-правовые требования и идеи французской буржуазии были важнейшей составной частью тех политических требований и идей, которые она выставляла в борьбе против феодализма за создание нового буржуазного общества. Они призваны были установить новую буржуазную законность, обосновать и объявить священной правовую систему, долженствовавшую гарантировать «...беспрепятственное развитие буржуазного общества, свободное движение частных интересов и т. д.» [1]. Уголовно-правовые требования идущей к власти буржуазии рождались и развивались вместе с самой буржуазией, вместе со всей буржуазной философией. Они создавались как неразрывная часть политической программы буржуазии и проделывали вместе с ней один и тот же путь развития. На примере отдельных уголовно-правовых требований можно в этом убедиться.

Прежде всего—о принципе свободы, возвещенном Декларацией прав 1789 г. «Люди рождаются и остаются свободными и равноправными», — говорит ст. 1 Декларации. Свобода, согласно ст. 2, является одним из естественных неотчуждаемых прав человека. В ст. 4 дается конкретное содержание понимания свободы авторами Декларации: «Свобода состоит в возможности делать все то, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Эти границы могут быть определены только законом».

Эта свобода, как и все гарантии личности Декларации 1789 г. и всех буржуазных конституций, — свобода формальная. «...Не позволяйте обманывать себя, — писал Маркс, — абстрактным словом с в о б о д а! Чья свобода? Это слово не означает свободы одной личности по отношению к другой. Оно означает свободу, которою капитал пользуется для угнетения рабочего» [2].

Выражением в уголовном праве формальной свободы и формального равенства явился прежде всего принцип «нет преступления без указания о том в законе», — принцип, выраженный в ст. 7 Декларации и сформулированный позже в лозунге «nullum crimen sine lege».

Первое исторически формальное выражение принципа „nullum crimen sine lege" некоторые исследователи видели в известной ст. 39 английской Великой хартии вольностей 1215 года, которую английские авторы называют „the keystone of English liberty" (ключ к английской свободе). Текст этой статьи заслуживает быть приведенным в подлиннике, так как ей суждено было более чем через пять столетий почти дословно возродиться в другой части света—Америке. Статья 39 говорит: „Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut dissaisiatur, aut utlagetur, aut exuletur, aut aliquo modo destruatur, nec super eum ibimus, nec

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 152.
[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 459.

super eum mittemus, nisi per legale judicium parium suorum vel per legem terrae", т. е.: „Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или об'явлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе как по законному приговору равных ему и по закону страны".

Если и придавать ст. 39 Великой хартии вольностей материально-правовой характер (некоторые авторы считают ее содержание процессуальной нормой) [1], то надо иметь в виду, что Великая хартия была чисто феодальным документом, что она имела целью установление и закрепление феодальных отношений, что она распространялась только на «свободных людей» и оставляла вне своего действия широкие массы бесправных вилланов. Принцип же «nullum crimen sine lege» — принцип буржуазно-демократический. Он является выражением в области уголовного права буржуазно-демократических требований гарантии защиты личности, и как таковой он появляется и развивается вместе с буржуазией, служит задачам борьбы с теми самыми феодальными отношениями, которые закрепляла Великая хартия. Видеть в ст. 39 Великой хартии прообраз принципа «nullum crimen sine lege» — значит совершенно игнорировать ее феодальный характер и не понимать значения указанного принципа как буржуазно-демократического требования.

В 1628 г., в период напряженной борьбы между буржуазной оппозицией и королем Карлом I, в так называемой «Петиции о праве», излагавшей требования буржуазии к короне и значительно ограничивавшей королевскую власть, ст. 39 Великой хартии вольностей была дословно повторена. Карл I вынужден был принять петицию и тем самым сделал ее содержание законом. Однако и здесь ст. 39 Великой хартии вольностей выступает не в виде материальной уголовно-правовой нормы, а как обоснование требований Habeas corpus.

Отчетливую форму принцип «nullum crimen sine lege» получает впервые в памфлетах вождя левеллеров Джона Лилльборна. Радикальные левеллеры со всей остротой ставили свои политические требования, в том числе требование свободы личности,— свободы, не подлежащей ограничению со стороны судебной власти и даже со стороны народного представительства. В памфлетах Лилльборна среди других требований гарантии свободы мы встречаем положение: никто не может быть судим иначе, как на основании закона, существующего в момент совершения данного действия.

Свое философское обоснование это требование получает у Локка. Исходя из теории врожденных прав и признания договорного происхождения человеческого общества, Локк писал: «Какова бы ни была форма государства, исполнительная власть должна управлять при наличии объявленных и принятых законов, а не при помощи неожиданных распоряжений и неопределенных ука-

---

1 О споре по поводу характера ст. 39 Великой хартии вольностей см. Schottländer, Die geschichtliche Entwicklung des Satzes: Nulla poena sine lege, 1911, S. 28 ff.

заний. Люди были бы в гораздо худшем положении, чем в естественном состоянии, если бы они вооружили одного или нескольких человек властью, принадлежащей множеству людей, чтобы принуждать по своему усмотрению людей повиноваться выходящим за всякие пределы их неограниченным и внезапным распоряжениям или их необузданной и до данного момента неизвестной воле при отсутствии каких-либо мер, установленных для того, чтобы руководить их действиями. Власть правительства, существующая только для блага общества, не может быть произвольной и покоящейся на усмотрении, а должна осуществляться при помощи установленных и обнародованных законов, чтобы народ мог знать свои обязанности и был в рамках закона обеспечен и спокоен, а также, чтобы правители держались в должных границах и не вводились в искушение властью, которой они обладают» [1].

Локк дал философское, теоретическое обоснование принципа «nullum crimen sine lege». Оно было переведено на юридический язык известным английским юристом Блэкстоном, труды которого получили распространение в Англии и Америке. В Америке теории Локка и Блэкстона о свободе как об одном из врожденных и неотчуждаемых прав нашли себе благодарную почву. Американские колонисты вели борьбу за религиозную свободу, за свою независимость от метрополии, за политическое освобождение от власти английских королей. В трактате Локка, а также в упоминавшейся уже нами книге Джемса Отиса, посвященной правам английских колонистов и воспроизводившей идеи Локка, они нашли обоснование тех врожденных прав человека, за которые они сражались и которые, по словам Отиса, «ни один человек и ни одно собрание не могут уничтожить законным и справедливым образом и на основании своих полномочий» [2].

В ряде деклараций прав американских штатов идеи левеллеров, теоретические положения Локка, его последователя Блэкстона и их американского популяризатора Отиса претворяются в жизнь. При этом английское происхождение принципа «nullum crimen sine lege» еще раз подтверждается тем, что формулировка его почти дословно заимствуется большинством деклараций из английской «Петиции о праве» 1628 г.

Дореволюционная Франция не только не знала принципа «nullum crimen sine lege», но больше всего страдала от неполноты и неопределенности уголовных законов, от произвола и неограниченного усмотрения судебных властей при определении преступлений и наказаний. Страна неограниченной монархии, Франция оставалась до самой революции страной самого откровенного феодального бесправия. Она не имела уголовного кодекса, и только отдельные преступления регулировались законами, к тому же плохо соблюдавшимися. Снискавшие себе столь печальную известность lettres de cachet, угрожавшие каждому жителю Франции заключением или изгнанием в административном порядке за любое вызвавшее недовольство кого-либо из власть имущих действие, хотя бы

[1] Locke, Two treatises of civil government, 1884, p. 264

[2] Цит. по Еллинеку, Декларация прав человека и гражданина, стр. 17.

оно не было предусмотрено никаким законом, были лишь одним из многих проявлений полнейшего произвола при определении преступлений и наказаний. В 1735 г. на основании lettres de cachet была заключена в тюрьму артистка мадемуазель де Лавейн за то, что осмелилась в письме к герцогу Жесевр именовать его не герцогом, а только «Monsieur» [1]. Аналогичных примеров можно было бы привести множество.

Неудивительно, что бесправие и произвол феодальной юстиции во Франции вызывали острое негодование и возмущение населения. Еще в XVI веке Мишель де-Монтень восклицал: «Сколько я вижу приговоров более преступных, чем преступление!» [2]. Ланге, автор вышедшего в 1755 г. учебника уголовного права, писал, что во Франции любое преступление не имеет определенного наказания и что «наказания в этой стране назначаются по усмотрению суда» [3].

Философы и юристы, писатели и адвокаты, буржуа и ремесленники возмущались неправосудными приговорами, поражавшими явно невиновных людей, и полной безнаказанностью аристократов, учинявших самые гнусные преступления.

Вольтер отдает много энергии и сил делу Каласа, обвиненного в убийстве своего сына. Дюпати, Кондорсе и др. подымают огромный шум по делу о трех колесованных из Шамони; Дюпати пишет свою записку «О трех колесованных». Дела Сирвена, Монбольи, Гоэцмана и др. вызывают возмущение всего общественного мнения Франции. Скандальное банкротство принца Гюмене и дело Дю-Коллье становятся крупными событиями. Глубокое возбуждение вызывают наглые выходки и безнаказанность офицеров, оскорбляющих и ранящих буржуа. Герцог Рекиньи убивает столяра, потребовавшего деньги за сделанную работу, и печать волнуется, так как «хотят смазать это дело». Титулованный представитель знати, поджигающий дом, похищающий и насилующий девушку, остается безнаказанным. Маркиз де-Сад режет на куски перочинным ножом тело молодой девушки, и власти дают ему возможность скрыться. Президент д'Энтрекаст убивает свою жену и точно также беспрепятственно скрывается. В провинции, в Бове, офицеры безнаказанно убивают и тяжело ранят нескольких жителей. Если раньше печать в таких случаях молчала, то теперь она громко протестует и требует наказания виновных.

Литература по вопросам уголовного права пользуется огромным спросом. Трактат Беккариа «О преступлениях и наказаниях» вызывает исключительный интерес. Морелле переводит его на французский язык. Сам Вольтер составляет «Комментарий» к нему [4]. За полгода выходит семь изданий трактата.

Появляется обильная литература по уголовному праву. Буше д'Арнии пишет книгу „Наблюдения над французскими уголовными законами" („Observations sur les lois criminelles de France", 1781), Бриссо—„Философские изыскания о праве собственности

---

[1] Desjardins, Les cahiers des Etats généraux, p. 381.
[2] Du-Bois, Histoire du droit criminel de la France, II, p. 113.
[3] Там же, стр. 15.
[4] См. М. Исаев, Чезаре Беккариа, „Проблемы социалистического права", 1938, сборник 3, стр. 130.

и краже, рассматриваемых в естественном состоянии" („Recherches philosophiques sur le droit de propriété et sur le vol considérés dans l'état de nature"). Черутти — „Реформа уголовного кодекса" („La Réforme du Code criminel", 1787), Бриссо – Средства к смягчению жестокости уголовных законов во Франции" („Les moyens d'adoucir la rigueur des lois pénales en France", 1781), Серван – „Апология Бастилии" („Apologie de la Bastille", 1784), и „Речи об отправлении уголовной юстиции" („Discours sur l'administration criminelle", 1766) и т. д.

Глубокое возмущение феодальным судом и бесправием охватывает все слои населения. Наказы всех сословий депутатам Генеральных штатов отводят важнейшее место вопросам правосудия.

«Желание одно у всех, выражение этого желания почти одинаково,— пишет Дежарден.— Мало имеется влиятельных наказов, в которых не встречались бы требования реформы гражданского и уголовного кодекса» [1]. Даже наказы дворянства нередко выставляют такие же требования. «Еще бо́льшую печаль, — пишет в своем наказе дворянство Буа,— вызывают в глазах дворянства наши уголовные законы, созданные в эпоху невежества и варварства; они разделяют жестокость правов того времени» [2]. Наказы требуют замены варварских законов другими, которые «могут гарантировать честь, жизнь и собственность каждому гражданину и предупредить роковое действие ошибок и бесправие» [3].

Наказы обрушиваются прежде всего на произвол и усмотрение при определении преступлений и наказаний и требуют введения принципа «nullum crimen sine lege».

Самое возмутительное проявление усмотрения и отсутствия у граждан гарантии личной свободы — lettres de cachet — вызывает особенно резкие нападки составителей наказов.

Наказ Отана требует объявить, что «никакой акт усмотрения власти не может лишить гражданина его свободы ни путем заключения, ни путем изгнания» [4].

Дворянство и третье сословие Монтарнисса, Ока, Гвиены, Кверси, Мелена, Лилля, Вермандуа, Понт-а-Муссона, Нижнего Лимузена, Бове единодушно требуют, чтобы лицо, виновное в произвольном аресте, исполняющее не судебный приговор, а приказ административного органа о задержании (lettres de cachet), возмещало причиненные этим арестом убытки и подвергалось телесному наказанию [5].

Наказ Фонтеней де-Лувр требует, чтобы лица, испрашивающие lettres de cachef, и министры, подписывающие приказы об аресте, приговаривались к штрафу в 30 000 ливров, солидарно уплачиваемых в национальную кассу, и к уплате такой же суммы в пользу подвергшегося заключению, и чтобы те, кто приведет эти lettres

---

[1] Desjardins, op. cit, p. 3.
[2] Jbid, p. 4.
[3] Jbid, p. 4.
[4] Jbid, p. 405.
[5] См. Desjardins, op. cit., p. 405.

de cachet в исполнение, были приговариваемы к 25 годам тюрьмы без права на помилование или сокращение срока.

Но наказы идут дальше,— они требуют от законодателя осуществления принципа «nullum crimen sine lege».

Наказ Артуа говорит: «Французская нация — свободный народ... одни только законы могут лишить гражданина свободы его личности» [1]. Наказ Бассиньи требует точного определения, что́ является преступлением, проступком, какие наказания влекут за собой преступления и проступки, дабы каждый знал свои обязанности и был осведомлен о том, что ему грозит в случае их нарушения [2]. Третье сословие Отано требовало, «чтобы все было предусмотрено и чтобы ничто не было оставлено на усмотрение судей» [3].

Перед депутатами Учредительного собрания, принимавшего Декларацию прав человека и гражданина, требование «nullum crimen sine lege» вставало и в декларациях отдельных штатов Америки, и в трудах Беккариа, и в трактатах Локка о гражданском правительстве, и в наказах избирателей. Но все эти источники, как мы видели, вели в конечном счете к одному — к прообразу французской революции XVIII века, к английской революции XVII века.

Так исторически подготовлялась и создавалась ст. 7 Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: «Никто не может подвергнуться обвинению, задержанию или заключению иначе как в случаях, предусмотренных законом, и при соблюдении форм, предписанных законом».

Принцип «nullum crimen sine lege» тесно связан с недопущением обратной силы уголовного закона.

Требование недопущения обратной силы уголовного закона имеет свою историю, и его корни уходят в английскую революцию XVII века, в памфлеты Лилльборна, в учение Локка.

В Англии исключение отдельных дел из действия общего закона, когда это было выгодно королевской власти в ее борьбе с врагами феодализма, достигалось путем издания специальных парламентских биллей (Bills of attainder). При помощи этих биллей совершенное кем-либо действие, не являвшееся к моменту его совершения преступным, объявлялось преступлением, и совершивший его подвергался наказанию. Bills of attainder были чрезвычайно сильным и опасным орудием феодализма в его борьбе с революционной буржуазией, и борьба с этими биллями заняла немалое место в английской революции. Неудивительно поэтому, что и в памфлете Лилльборна «Основные права и вольности Англии» выставляется требование: «Никто не может быть судим иначе, как на основании закона, существующего в момент совершения судимого действия». Другими словами, Лилльборн требует запрещения обратной силы закона.

Это требование мы находим и в относящемся к 1647 г. документе — декларации, составленной и обнародованной армией Кром-

---

[1] М. Ковалевский, Происхождение современной демократии, т. II, стр. 71.

[2] См. Desjardins, op. cit, 78.

[3] Desjardins, op. cit., 23.

веля. В этой декларации, влияние на которую левеллеров бесспорно, имеется требование, прямо имеющее в виду Bills of attainder и говорящее о том, что закон, а не парламент, должен впредь определять наказания за всякого рода действия, признаваемые преступными [1].

Осуществление этого требования мы находим в билле о правах 1689 г., отменившем тот порядок «изъятия из законов и постановлений королевским повелением», который вел на практике к объявлению преступлениями тех или иных действий, не являвшихся в момент совершения их преступными, т. е. к приданию закону обратной силы.

У Локка мы находим теоретическое обоснование запрета придавать обратную силу закону. Так, говоря о соображениях, побуждающих людей, находящихся в естественном состоянии, соединиться в общество, Локк в числе этих соображений указывает на потребность людей в «установленном, определенном, известном законе, принятом и допущенном общим согласием быть мерилом правильного и дурного» [2]. Даже законодательная власть, по мнению Локка, связана необходимостью управлять при помощи «установленных, постоянных законов, опубликованных и известных народу, а не при помощи импровизированных распоряжений» [3].

Для того чтобы избежать неудобств, связанных с пребыванием в естественном состоянии, люди соединяются в общество и хотят иметь постоянные правила, благодаря которым «каждый может знать, что полагается ему» [4].

Требование запрещения обратной силы закона явилось, по справедливому замечанию М. Ковалевского, источником теории отделения судебной власти от законодательной [5]. Если судебная власть будет соединена с законодательной, то жизнь и свобода граждан, говорит Монтескье, окажутся во власти произвола [6]. Возможность придания закону обратной силы в отношении конкретного дела создавала бы возможность произвола со стороны законодателя при разрешении этого дела. А этот произвол означал бы нарушение свободы, неизбежное, по мнению Монтескье, если судебная власть не будет отделена от законодательной.

Американские декларации, в соответствии с учением Локка и Монтескье, считали придание закону обратной силы несовместимым со свободой и ввели в свой текст запрещение обратной силы. Так, в Декларации прав штата Мериланд говорится: «Обратное действие закона, наказывающего за деяния, совершенные до издания этого закона и им впервые признанные преступными, стеснительно, несправедливо и несовместимо со свободою, поэтому никакой закон не должен издаваться post factum».

---

[1] См. М. Ковалевский, От прямого народоправства к представительному, т. II, стр. 199.

[2] Locke, op. cit., p. 258.

[3] Locke, op. cit, p. 258—259.

[4] Locke. op. cit., p. 263.

[5] См. М. Ковалевский, Происхождение современной демократии, т. II, стр. 81.

[6] См. Монтескье, О духе законов, 1900, стр. 156.

Учение Локка о недопустимости придания обратной силы закону как об одной из гарантий личной свободы, шло навстречу потребности французской буржуазии и народных масс в борьбе с произволом феодальной юстиции. Придание уголовному закону обратной силы было типичным проявлением произвола и бесправия французской монархии, и требование покончить с ним было одним из популярнейших требований накануне французской революции. Наказы депутатов отразили это требование. Так, в наказе Монта можно прочесть: «Мы предписываем ему (своему депутату) объявить, ...что никто не может быть присужден к какому-либо наказанию, кроме как за тяжелое нарушение прав другого человека или общества и только если это нарушение было установлено ранее точным и правомерно обнародованным законом».

Самый язык, которым изложено это требование, напоминает формулировку такого же требования у Локка.

Декларация прав человека и гражданина 1789 г. точно отразила это основное требование французской революции в области уголовного права и в ст. 8 установила, что «никто не может быть наказан иначе, как на основании закона, изданного и обнародованного до совершения проступка и примененного в установленном порядке».

Но для обеспечения свободы человека недостаточно того, что, не совершив преступления или проступка, он не может подвергнуться наказанию. Принцип личной свободы требует, чтобы в случае совершения преступления наказание не было произвольным, а соответствовало тяжести преступления.

В учениях левеллеров требование соответствия наказания преступлению было высказано с исключительной ясностью и последовательностью. В памфлете Лилльборна «Основные законы и вольности Англии» говорилось: «наказания должны быть сообразны с преступлениями», «око за око, зуб за зуб».

В одном из двух своих трактатов о гражданском правительстве Локк дает теоретическое обоснование этому положению левеллеров. Он говорит: «В естественном состоянии один человек обретает власть над другим человеком, но не абсолютную или произвольную власть поступить с преступником, если он захватит его в свои руки, в порыве горячности или по неограниченному капризу своей воли, но лишь чтобы воздать ему, как это диктует спокойный рассудок, пропорционально его проступку, поскольку это может служить возмещению и предупреждению. Ибо эти два соображения являются единственными, по которым можно законно причинить другому вред, представляющий собою то, что мы называем наказанием» [1].

Говоря далее о «великом законе природы», гласящем: «кто прольет кровь человека, того кровь должна быть пролита от руки человека», Локк продолжает: «На этом же основании,— возможно, спросят меня,— может ли человек в естественном состоянии быть наказан смертью в силу того же закона за меньшие нарушения? Я отвечаю: каждое преступление может быть наказано в такой сте-

[1] Locke, op. cit., p. 194—195.

пени и с такой суровостью, которой достаточно, чтобы причинить зло преступнику, дать ему повод для раскаяния и удержать страхом других от совершения таких же поступков. Каждое преступление, которое может быть совершено в естественном состоянии, может быть в естественном состоянии точно так же наказано равным, как и в государстве» [1].

Американские декларации прав провозгласили принцип соответствия наказания преступлению. Так, Декларация прав Нью-Гампшира говорила: «Все наказания должны соответствовать характеру проступка».

Взгляды левеллеров на необходимость соответствия наказания тяжести преступления, отражение этих взглядов в американских декларациях и мысли Локка по этому вопросу нашли благодарную почву во Франции.

Феодальная юстиция Франции отличалась отсутствием соответствия между наказанием и преступлением. Серван, один из судебных деятелей эпохи кануна французской революции, писал в 1766 г.: «Установили ли мы наказания лучше, чем преступления? Нет, без сомнения, и первый порок повлек за собою второй. Истиной является, что наказания в этом королевстве произвольны. Это тяжелая и позорная истина» [2].

Монтескье в своем трактате «О духе законов» посвятил главу VI вопросу о точном соответствии между наказанием и преступлением. Он исходил из того, что такого соответствия требует свобода личности. «Свобода торжествует,— пишет Монтескье,— когда кары, налагаемые уголовными законами, извлекаются ими из особенной природы преступления. Здесь нет места произволу. Наказание зависит уже не от каприза законодателя, но от существа дела и оно перестает быть насилием человека над человеком» [3].

Эти мысли, которые высказывал и Беккариа в своем знаменитом трактате, отвечали тем требованиям гарантии личной свободы, которые выставляла буржуазия, страдавшая от произвола феодальной юстиции. Эти мысли формулировали возмущение произволом судов при назначении наказания, охватившее все слои населения Франции. И наказы избирателей пестрят поэтому требованиями, чтобы наказания соответствовали преступлениям. Третье сословие Драгиньона требовало, чтобы наказания «были в особенности определены таким образом, чтобы судья был связан и чтобы сам закон осуждал». Третье сословие Брие считало необходимым «издание уголовного кодекса, который точно распределял бы преступления и наказания в справедливой пропорции». Наказы Этена настаивали на пропорциональности преступлений и наказаний [4]. Аналогичные требования предъявляли наказы Бордо, Канн, Кастр, Шалон-сюр-Саан, Шартр, Форкалье, Ла-Рошель, Монт и др.

Декларация прав человека и гражданина 1789 г. не сумела ясно выразить это требование народа. Формулировка этого требо-

---

[1] Locke, op. cit., p. 197.
[2] Цит. по Desjardins, op. cit, p. 22.
[3] Монтескье, О духе законов, 1900, стр. 95.
[4] См. Desjardins, op. cit., p. 20—25.

вания в ст. 8 Декларации не отличается той четкостью, которая свойственна другим статьям Декларации. Вместо того, чтобы прямо сказать о соответствии между наказаниями и преступлениями, Декларация формулирует это требование следующим образом: «Закон может устанавливать наказания лишь строго и бесспорно необходимые».

Однако и эта формулировка отразила требование соответствия наказаний преступлениям, которое в области уголовно-правовой выражало буржуазно-демократический принцип формальной свободы.

Так обстояло дело с осуществлением в области уголовно-правовой принципа личной свободы. Нетрудно показать, что из тех же источников исходил и тот же путь развития проделал и другой важнейший принцип буржуазной демократии — принцип равенства всех перед законом, в том числе и перед уголовным законом.

Правда, идея равенства — идея старая, не раз выдвигавшаяся угнетенными классами еще в древнем Риме и Греции. Но «должны были пройти — и действительно прошли — тысячелетия,— говорит Энгельс,— прежде чем из этого первоначального представления об относительном равенстве мог быть сделан вывод о равноправии в обществе и государстве...», и только в результате величайших исторических процессов «...была подготовлена почва, на которой только и могла в позднейшее время возникнуть речь о человеческом равенстве и человеческих правах» [1]. Маркс и Энгельс показали, что буржуазное представление о равенстве было продуктом экономических условий буржуазного общества, требовавшего для своего развития уничтожения цеховых пут и системы сословных привилегий, отмены изъятия дворянства от податей и других повинностей. Так в результате длительного исторического процесса развивается буржуазное представление о равенстве, которое, однако, ограничилось равенством граждан перед законом.

Основоположники марксизма-ленинизма постоянно боролись с иллюзиями буржуазной демократии, в том числе с иллюзией «...формального признания формального равенства буржуазии и пролетариата...» [2], — формального равенства, бесконечно далекого от истинного социального равенства.

Разоблачая ложь и лицемерие формального равенства, мы должны, однако, признать революционное значение принципа равенства, служившего одним из тех лозунгов, под которыми шла борьба с феодализмом. Ленин не раз подчеркивал, что «идея равенства — самая революционная идея в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупно-поместным землевладением в особенности... И плох был бы тот марксист, который, критикуя фальшь социалистического прикрытия буржуазных лозунгов, не сумел бы оценить исторически-прогрессивного значения их, как самых решительных буржуазных лозунгов в борьбе против крепостничества» [3].

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 103—104.
[2] Ленин, т. XXII, стр. 372.
[3] Ленин, т. XI, стр. 347.

Революционная идея равенства была в английской революции выдвинута левеллерами. Партия левеллеров была партией мелкобуржуазных элементов города и деревни, партией, лишь частично связанной с беднейшими слоями крестьянства и городского предпролетариата. Эта радикальная партия не шла дальше требования формального равенства и активно выступала против уравнения состояний. В представленной парламенту в сентябре 1648 г. петиции левеллеры прямо заявляли: «Парламент обязуется за себя и за будущие парламенты воздерживаться от уничтожения собственности, уравнения состояния или введения коммунизма» [1]. Но идею формального равенства левеллеры защищали со всей последовательностью и настойчивостью.

Известному памфлету Лилльборна «Основные законы и вольности Англии» принадлежит заслуга впервые бросить революционный для того времени лозунг: «Все граждане равны перед законом и одинаково подлежат ответственности перед ним» [2].

Джон Лилльборн начал свою агитацию в 1637 г. Его идеи имели особый успех в армии, где они питались разочарованием в достигнутых революцией результатах. В мае 1647 г. в армии образуются солдатские советы. В образовавшемся позднее общеармейском совете из депутатов от солдат и офицеров большинство захватили умеренные элементы из среды офицерства. 28 октября в совет армии был представлен проект «Народного соглашения», который тем не менее может быть назван программным документом левеллеров. В этом документе мы также находим выставлявшееся левеллерами требование равенства всех перед законом:

«4. Чтобы в исполнении законов, уже изданных, или тех, какие будут изданы, каждое лицо было одинаково связано и чтобы ни одно держание, поместье, хартия, состояние, происхождение или место не подлежало какому-либо изъятию из обычного законного порядка, обязательного для других.

5. Чтобы,— поскольку законы должны быть общеобязательными (равными),— они были хорошими, а не гибельными для безопасности и благополучия народа» [3].

Философское развитие принципа формального равенства дал Локк в своем трактате о гражданском правительстве. Он исходит из положения о природном равенстве всех людей [4]. «Обиды и преступления,— пишет он,— равны, совершаются ли они носителем короны или ничтожным крепостным. Титул нарушителя и число его сторонников не делают различия в преступлении, если только не делают преступления более тяжелым» [5].

Идея равенства перед законом в числе других была воспринята американскими колонистами как прирожденное право человека. Однако в Америке с особенной силой сказался ограниченный, специфически буржуазный характер так называемых «неотъемлемых» прав

1 А. Е. Кудрявцев, Великая английская революция, 1925, стр. 78.
2 Цит. по М. Ковалевскому, От патриархального народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму, т. II, стр. 344.
3 Gardiner, Constitutional documents, p. 369.
4 См. Locke, op. cit., p. 193.
5 Locke, op. cit., p. 1.

человека, в том числе и права равенства перед законом. «...Американская конституция,— говорит Энгельс,— первая, признавшая права человека — одновременно с этим утвердила и существующее в Америке невольничество цветных рас: классовые привилегии были уничтожены, расовые привилегии — освящены» [1]. И действительно, в декларациях прав рабовладельческих штатов речь шла не о правах «человека», а о правах «свободного человека». Были, однако, декларации — это относится к нерабовладельческим штатам,— где оговорки «свободный человек» не делалось.

Идея равенства широко распространялась также во Франции в XVIII веке.

Монтескье в своей знаменитой книге «О духе законов» выступал за «истинное равенство», восставая в то же время против «крайнего равенства». «Как небо далеко от земли,— писал он,— так дух истинного равенства далек от духа равенства, доведенного до крайности. Первый состоит не в том, чтобы все повелевали или никто бы не повелевал, а в том, чтобы повелевать равным себе людям. Он стремится не к тому, чтобы над ними не было высших, но чтобы наши высшие были нам равны. В природном состоянии люди рождаются равными, но не могут удержаться в этом равенстве; общество отнимает его у них, и они вновь становятся равными лишь благодаря законам» [2].

Но с особой силой идея равенства выступает у Руссо. «Буржуазная сторона требования равенства,— говорит Энгельс,— была впервые резко, но еще в виде общечеловеческого требования, формулирована Руссо» [3]. Энгельс показывает, что именно благодаря Руссо идея равенства оказывала большое влияние на практическую политику во время французской революции и после нее.

Возмущение, вызываемое неприкрытым юридическим и фактическим неравенством, цинично выставлявшимися на показ привилегиями дворянства и в особенности близкой к трону группы аристократов, борьба с феодальным неравенством и неравноправием делали идею равенства одной из популярнейших идей эпохи французской революции. Эту популярность отразили и наказы депутатам в Генеральные штаты.

В наказе Парижа говорилось: «Люди равны по правам; все граждане имеют равное право на занятие общественных должностей» [4].

Требование равенства не могло не быть выдвинуто и в той области отношений, в которой неравенство феодального общества принимало особо возмутительные формы,— в области уголовной юстиции. Вопиющая безнаказанность аристократов даже в случае совершения ими самых тяжких преступлений и жестокие наказания, применявшиеся к представителям непривилегированных сословий за ничтожнейшие проступки, вызывали негодование и рождали требование установления всеобщего равенства перед уголовным за-

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 106.
[2] Монтескье, О духе законов, 1900, стр. 117.
[3] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 367.
[4] См. у М. Ковалевского, Происхождение современной демократии, т. I, стр. 634.

коном. Это требование широко проникает в наказы. Так, в наказе Артуа говорится, что «различие в наказаниях должно определяться только природой преступлений, а не особенностями лиц» [1]. Третье сословие Бург-ан-Бресс требовало, «чтобы разница в наказаниях в отношении трех сословий была отменена» [2]. Равенства при применении наказаний требовали наказы Амьена, Шато-Тьери, Ла-Рошеля, Бордо, Безансона, Нанта, Лиона и др.

Идея равенства завоевывает симпатии представителей и других сословий. Ее сторонниками становятся Лафайет, Лометье, герцог Ларош-Фуко и др. Она овладевает умами депутатов Учредительного собрания, и Декларация 1789 г. возвещает, что люди рождаются свободными и равными в правах, что общественные различия могут быть основаны только на общей пользе, что закон должен быть равным для всех, вне зависимости от того, оказывает ли он покровительство или карает.

Но, как бы боясь, чтобы идею равенства не поняли как равенство социальное, как равенство состояний, авторы проекта Декларации 1789 г. в лице Мирабо заявили: «Гражданское равенство не есть равенство имуществ: оно состоит в том, что все граждане равно подчиняются законам и имеют равные права на их защиту» [3]. За 140 лет до того Лилльборн заявил: «Мы объявляем, что у нас никогда не было в мыслях уравнять состояния людей» [4].

Конституция 1793 г. содержала несколько иную формулировку принципа равенства: «Все люди равны по природе и перед законом». Декларация 1793 г., определяя равенство, указывала: «Закон есть свободное и торжественное выражение общей воли; он один и тот же для всех как в том случае, когда он оказывает покровительство, так и в том случае, когда он карает». Равенство продолжало и здесь оставаться лишь формальным равенством перед законом, — равенством, при котором полностью сохраняло свое господство вопиющее экономическое и политическое неравенство.

III

Энгельс указывает, что буржуазия, для того чтобы получить те плоды победы, которые уже вполне созрели, оказывается в необходимости повести революцию дальше этой цели. За избытком революционной деятельности следует неизбежная реакция. Не надо доказывать, что это относится и к французской революции и что многие положения Декларации прав 1789 г. оказались не более, чем громкими, и увлекательными лозунгами, которые буржуазия, победив, и не подумала проводить в жизнь. К этим лозунгам полностью относятся слова Маркса: «Буржуазные революции, подобные революциям XVIII столетия, быстро несутся от успеха к успеху, в

---

[1] Desjardins, op. cit., p. 28.

[2] Jbid., p 28.

[3] М. Ковалевский, Происхождение современной демократии, т. II стр. 76.

[4] Джон Лилльборн, Памфлеты, 1937. стр. 99.

них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом; но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, пока оно не сумеет трезво приспособиться к результатам своего периода бури и натиска»[1]. Исключения из этого правила не составили и уголовно-правовые лозунги Декларации 1789 г.

Формально законодательство французской буржуазной революции полностью воспроизвело все уголовно-правовые лозунги Декларации 1789 г. Эти лозунги были выдвинуты и во время английской революции XVII века, и во время французской революции XVIII века в непосредственной борьбе с феодализмом. Они диктовались жизненными потребностями буржуазии и были использованы ею для того, чтобы уничтожить те препятствия, которые феодальная система бесправия и произвола ставила развитию производственных отношений.

Два уголовных кодекса французской революции, — кодекс 1791 г., менее совершенный, и кодекс 1810 г., который по словам Энгельса, представляет «...единственное современно-буржуазное законодательство, стоящее на почве социальных завоеваний Великой французской революции...»[2], — были построены на основе идей, провозглашенных Декларацией прав человека и гражданина 1789 г. То же необходимо сказать и об уголовном кодексе 1796 г., содержавшем в основном процессуальные нормы. Так, мысли, впервые сформулированные в XVII веке английскими левеллерами, более чем через 100 лет нашли четкое законодательное выражение в уголовном праве французской буржуазной революции.

Начнем с принципа «nullum crimen sine lege».

Кодекс 1791 г., исходя из этого принципа, последовательно проводит его в своих постановлениях, но он не содержит специальной его формулировки. Эту формулировку дают как кодекс о преступлениях и наказаниях 1796 г., так и уголовный кодекс 1810 г.

Первый из них прямо начинается декларированием принципа «nullum crimen sine lege». В первой его статье читаем: «Преступление — это совершение того, что запрещено, и невыполнение того, что предписано законами».

В кодексе 1810 г. принцип «nullum crimen sine lege», объединенный с принципом «nilla poena sine lege» и с запрещением обратной силы закона, нашел свое выражение в ст. 4, согласно которой «ни одно нарушение, ни один проступок, ни одно преступление не могут быть наказаны наказаниями, не возвещенными законом до того, как они были совершены».

Принцип «nullum crimen sine lege» явился уже в значительно более позднюю эпоху тем политическим критерием, который в области уголовно-правовой проводил водораздел между буржуазно-демократическими и реакционными уголовными законодательствами и уголовно-правовыми теориями. Борьба за и против этого принципа

---

[1] Маркс, 18-е брюмера Луи Бонапарта, 1932, стр. 11.
[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 109.

и посейчас разделяет буржуазных криминалистов на два лагеря— демократический и реакционный.

Что касается принципа пропорциональности наказаний, то кодекс 1791 г., проводя его, зашел так далеко, что лишил судью даже малейшей возможности усмотрения при выборе наказания. Эта крайность была устранена кодексом 1810 г., он построен на основе относительно определенных санкций, установленных в соответствии с тяжестью преступления.

Уголовно-правовые принципы французской революции XVIII века, сформулированные в Декларации 1789 г., как и все другие принципы революции XVIII века, стали достоянием не только французской буржуазии, но и буржуазии всех стран. Эпоха развития «свободного» капитализма сопровождалась победоносным шествием уголовно-правовых принципов французской революции. Можно смело сказать, что почти все уголовные кодексы, изданные в эту эпоху, были построены на основе уголовно-правовых принципов Декларации 1789 г.

Да это и понятно. Уголовно-правовые принципы французской революции были буржуазными, формально-демократическими принципами. Характеризуя то возвещенное французскими просветителями XVIII века царство разума, в котором должны были найти свое осуществление провозглашавшиеся буржуазией принципы, Энгельс говорит: «мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии; что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что естественное равенство ограничилось равенством граждан перед законом, а существеннейшим из прав человека было объявлено право буржуазной собственности». «Разумное государство и «общественный договор» Руссо, — продолжает Энгельс, — оказались и могли оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Мыслители XVIII века, как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, которые ставила им тогдашняя эпоха»[1].

Уголовно-правовые принципы, в столь эффектной форме возвещенные Декларацией 1789 г., разделили общую судьбу идей и принципов, проповедывавшихся буржуазией накануне французской революции. Проведение и применение их на практике в послереволюционный период меньше всего означали установление так называемой «вечной, общечеловеческой справедливости». В действительности, вскоре после революции, когда обнаружились все особенности классового господства пришедшей к власти буржуазии, эти лозунги стали служить ей лишь для поддержания и укрепления этого господства.

Буржуазно-демократические уголовно-правовые лозунги мало также воспрепятствовали и тому, что после революции XVIII века количество преступлений возрастало с каждым годом. «Если пороки феодалов, прежде выставлявшиеся напоказ, теперь на время стушевались, зато тем пышнее расцвели на их месте пороки буржуазии, прежде робко скрывавшиеся во тьме. Торговля все более

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 18.

и более проникалась мошенничеством. Революционный девиз «братство» осуществился в плутнях и во вражде конкуренции. Подкуп заменил грубое насилие, и, вместо меча, главнейшим рычагом общественной жизни стали деньги. «Право первой ночи» по наследству перешло от феодалов к фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных размеров, и даже самый брак превратился в законом признанную форму разврата, в его официальный покров, дополняясь к тому же многочисленными незаконными связями. Одним словом, возникшие вслед за «победой разума» политические и общественные учреждения оказались самой злой, самой отрезвляющей карикатурой на блестящие обещания философов XVIII века» [1].

Такова неизбежная судьба любого буржуазного демократического лозунга. Такова была и судьба уголовно-правовых лозунгов французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 260.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

Б. АРСЕНЬЕВ

I

Трудно найти другое такое учреждение в истории французской буржуазной революции XVIII века, которое вызывало бы к себе со стороны буржуазных историков столько озлобления, клеветы и ненависти, какое вызывает Революционный трибунал.

Буржуазные историки разных направлений и школ, большие знатоки французской революции в целом и те из них, которые изучали только отдельные периоды этой революции; историки, знающие революцию по первоисточникам, и те из них, которые исходят из материалов, полученных из вторых рук, — все они сходятся в одном — в ненависти к Революционному трибуналу.

Характерным здесь является также и то, что историки-французы подают руку историкам иностранным. Англичане и американцы, немцы и русские — все они общими усилиями занимаются тем, что обливают грязью и клевещут как на деятелей Революционного трибунала, так и на всю его деятельность.

В многочисленных исследованиях о Революционном трибунале можно, конечно, указать расхождения авторов по отдельным вопросам, но общий смысл их высказываний, когда дело касается оценки деятельности его по существу, остается, однако, всегда один и тот же — все авторы сходятся на резко враждебном отношении к Трибуналу.

Можно, например, назвать таких историков (Тэн, Мортимер, Терио, Валлон, Ленотр и др.), которые рассматривают Революционный трибунал как одно из орудий террора, примененного якобинским меньшинством для того лишь, чтобы поработить большинство нации, не разделявшее их взглядов. По утверждениям этих историков выходит так, что к якобинскому меньшинству пристроились всевозможные карьеристы, преступный элемент, всякий сброд, любители чужой собственности, которые понимали, что только террором они могут держаться у власти, и потому-то они и превратили Революционный трибунал в орудие своей мести.

Другая группа историков, радикалов-демократов (Олар, Альберт Матьез, Луи-Блан и др.), стоит на несколько иной точке зрения.

Она пытается вскрыть государственные мотивы, побудившие якобинцев установить систему террора и организовать Революционный трибунал как орган, ярко воплощающий эту систему. Но и эта группа историков не отрицает вместе с тем того клеветнического утверждения, что в среде деятелей этой системы огромную и решающую роль играли преступные и карьеристские элементы.

Словом, расхождение имеется лишь в частностях, но не в основном, а основное во всех этих исследованиях буржуазных историков состоит в том, что Революционный трибунал якобы являлся органом, лишенным всякой тени законности, порождением дикого, необузданного и бессмысленного насилия, аппаратом, который якобинцы должны были создать, подпав под влияние парижской черни, голодной, озлобленной и кровожадной.

Такая оценка деятельности и значения Революционного трибунала со стороны буржуазных историков понятна. Она целиком определяется классовыми позициями авторов, иной оценки у них, как представителей буржуазной науки, быть не может. Для буржуазного историка вся героическая революционная борьба городской бедноты за свои политические и экономические права есть не что иное, как кровавый бессмысленный эксцесс. Правильное научное освещение того исключительного исторического значения, какое имела деятельность якобинцев 1793 г. в деле выкорчевывания устоев феодального строя и решительной расправы с абсолютной монархией, было им не по плечу и не входило в их задачу. Они не в состоянии были понять, что якобинство 1793 г. вошло в историю «...великим образцом действительно революционной борьбы с классом эксплуататоров со стороны взявшего всю государственную власть в свои руки класса трудящихся и угнетенных»[1].

Народ для буржуазных историков всегда чернь, озлобленная и кроваво-мстительная. Поэтому понятна и та ненависть, которую у них вызывает Революционный трибунал, созданный по почину и требованию народа.

Буржуазные историки захлебываются от восторга и проникаются особым пафосом, когда говорят о Декларации прав человека и гражданина — этой хартии вольностей буржуазии. Но у них немеют уста и сжимаются кулаки, когда они описывают последние минуты жизни Марии-Антуанетты, которую народ гильотинировал, как живой и действенный символ королевского деспотизма.

Позиция буржуазных историков полностью определяется их классовыми интересами сегодняшнего дня. Эти историки изучают и освещают прошлое, исходя из непосредственных задач, потребностей, классовых интересов настоящего. Они пытаются набросить тень на героические страницы прошлого, они громят революционную политику наиболее революционного класса XVIII века и думают этим спасти себя от революционного гнева угнетенных XX века. Но тщетны их надежды. Пролетариат, победивший на одной шестой части земного шара, прогнавший буржуазию, сбро-

[1] Ленин, т. XX, стр. 506.

сивший своих капиталистов и помещиков, указывает путь к освобождению всего угнетенного человечества.

Международный пролетариат пробудился. В уроках истории он ищет образцы для борьбы за свое освобождение, и эти образцы он находит в героизме революционных народных масс эпохи французской революции, эти образцы он находит в революционной борьбе масс против абсолютизма и феодализма, которую они проводили в 1792—1794 гг., в борьбе якобинцев 1793 г. По-иному поэтому оценивает пролетариат и ту роль, которую сыграл в этой борьбе Революционный трибунал. То, что вызывает ненависть у буржуазии, рождает восторг и преклонение у пролетариата.

Великая Октябрьская социалистическая революция учла опыт якобинцев. В борьбе с нашей буржуазией и контрреволюцией мы многому учились у якобинцев, и руководимая гениальными вождями Лениным и Сталиным наша революция победила полностью и окончательно.

Благодарные памяти великих революционеров XVIII века, мы обязаны показать все величие и значение их деятельности; мы обязаны очистить все учреждения, ими созданные, от той лжи и грязи, которую бросают в них буржуазные историки.

Эту цель преследует и мой доклад.

II

Революционный трибунал был организован в начале 1793 г.

Чтобы понять причины, вызвавшие необходимость организации Трибунала, надо познакомиться с теми условиями, в которых находилась Франция к этому времени.

Революция 1789 г. закончилась победой крупной буржуазии, которая и стала у власти. Интересы своего класса она проводила в жизнь, организуя государственное устройство Франции, осуществляя хозяйственную ее политику так, чтобы эти интересы получили максимальное развитие и охрану.

Законодательное выражение своего господства буржуазия дала в конституции 1791 г. Эта конституция смело ломала феодальные устои, выбивала из своих мест аристократию, дворянство, закрепляла господство буржуазии, открывая ей широкое право на «законную» эксплоатацию трудящихся.

Декларировав равенство de jure, буржуазия de facto закрепостила народ. Ряд законов, изданных за это время, служит этому блестящей иллюстрацией.

«Все равны перед законом», — возвещает торжественно Декларация прав, а вместе с этим все граждане делятся на активных и пассивных в зависимости от имущественного признака.

«Все люди рождаются свободными и могут свободно выражать свои мнения и убеждения», — провозглашает Декларация, а по закону Ле-Шапелье от 14 июня 1791 г. «граждане одного и того же состояния и одной и той же профессии не имеют права собираться, а если вопреки принципам свободы и конституции примут решения сообща отказаться от работы, они подлежат наказанию».

«Граждане вольны свободно излагать свои мнения», — объявляет Декларация, а декрет от 10 мая 1791 г. запрещает собираться и составлять петиции.

Таких примеров можно было бы привести еще очень и очень много.

Буржуазия сохранила монарха, но принятой конституцией она урезала его права и сделала его своим послушным орудием. Теперь он ей не мешал; напротив, она надеялась использовать эту куклу для того, чтобы, когда надо будет, обуздывать с ее помощью народ. Когда же этот монарх пытался иногда противодействовать буржуазии в проведении ее классовых интересов, она обращалась к народу. Народ приходил на помощь, проливал свою кровь и заставлял монарха слушаться буржуазии. Народ приносил огромные жертвы, но плодами этих жертв пользовалась буржуазия.

Чтобы держать народ в узде, с одной стороны, а с другой — чтобы расширить свое влияние и извлекать прибыль от торговли с соседними государствами, буржуазия охотно поддерживала короля в его желании объявить войну. Правда, король и буржуазия имели разные виды на эту войну. Король надеялся, что война даст ему возможность восстановить свою прежнюю власть и одолеть буржуазию, буржуазия же лелеяла мысль о расширении своего экономического влияния и, главное, об обуздании народа. Но стремились к войне одинаково интенсивно и король и буржуазия.

И война была начата, хотя Франция к ней не была подготовлена. Очень скоро сказались результаты этой войны. Франция терпела поражение за поражением.

Тайно мечтая о победе коалиции, стоявшая у власти крупная буржуазия закрывала глаза на предательство короля, поддерживавшего сношения с неприятелем. Когда король бежал в Варенн, буржуазия не нашла ничего лучшего, как придумать, что короля выкрали.

Все это создавало очень тяжелые условия для французского народа. Рос экономический и продовольственный кризис. Росла спекуляция, усиливалась контрреволюция, возникали заговоры, положение становилось для народа невыносимым. Крупная буржуазия в лице своих представителей в Национальном собрании — жирондистов — не принимала никаких мер. Терпению народа пришел конец, и 10 августа 1792 г. он произвел вторую революцию. Король был сброшен, Франция была объявлена республикой, и 21 сентября 1792 г. открылся Национальный конвент, избранный на основе самого широкого для того времени участия народа в выборах.

Но революция 10 августа 1792 г. означала не только конец монархии, — она означала также близкий конец господства крупной буржуазии. В результате революционных событий 31 мая—2 июня 1793 г. власть перешла к «представителям самого революционного класса XVIII века», к передовой, наиболее решительной и последовательной части буржуазии, поддерживаемой городской и деревенской беднотой. Установилось революционное правительство якобинцев.

Перед новым правительством стояли важные задачи. Ему надо было отразить иностранную коалицию, которая надвигалась на Францию, отразить врага, который стоял у самых стен Парижа; надо было сокрушить контрреволюцию внутри страны (аристократов, монархистов, духовенство, жирондистов); надо было преодолеть экономический и продовольственный кризис, который затруднял организацию и завоевание победы, от которого мучительно страдал народ.

Для осуществления всех этих задач нужно было создать крепкое, решительное правительство, правительство диктатуры, которое беспощадно расправлялось бы со всякими проявлениями контрреволюции и которое могло бы организовать победу Франции, сохранить от феодального рабства французский народ и отстоять революционные завоевания.

Эту задачу и выполнило революционное правительство, правительство якобинцев.

Нельзя понять дальнейшей тактики и политики якобинской революции, если не познакомиться с тем, как деятели этой революции понимали задачи революционного правительства. В этом отношении огромный интерес представляет речь Робеспьера, произнесенная им в якобинском клубе 25 декабря 1793 г.

«Теория революционного правительства, — говорил Робеспьер,— так же нова, как и сама революция, его создавшая. Ее не надо искать в книгах политических писателей, которые не предвидели этой революции; ни в законах тиранов, которые, довольствуясь своим могуществом, мало заботятся об изыскании для него законных оснований; для аристократии термин — революционное правительство лишь символ террора и объект клеветы, для тиранов — это только недоразумение, для большинства людей — загадка. Сущность революционного правительства надо объяснить всем... Задача правительства — это направлять моральные и физические силы нации к поставленной цели. Цель конституционного правительства — сохранить республику; цель революционного правительства — основать ее. Революция — это борьба свободы против ее врагов; конституция — это правление свободы, уже одержавшей победу и установившей мир. Революционное правительство нуждается в развитии чрезвычайной энергии именно потому, что оно находится в состоянии войны. Оно подчинено менее однообразным и строгим правилам, потому что окружающие его обстоятельства грозны и изменчивы, и особенно потому, что оно беспрестанно вынуждено изыскивать новые и спешные средства для устранения вновь возникающих и неотложных опасностей» [1].

Итак, новое правительство имеет специфические задачи. На первом месте стоят задачи общегосударственные.

«Конституционное правительство заботится главным образом о гражданской свободе, революционное — о свободе общественной. При конституционном строе можно почти ограничиться защитой отдельных лиц от насилия государственной власти; при револю-

[1] Mautouchet, Le gouvernement revolutionaire, Paris, 1912, № 77.

ционном строе сама государственная власть вынуждена защищаться против всех клик, которые на нее нападают» [1].

«Salus rei publicae — suprema lex» становится основным и руководящим началом в политике этого государства. Все остальные интересы должны быть подчинены этому основному.

«Революционное правительство обязано оказывать добрым гражданам всю полноту национального покровительства; для врагов народа у него только смерть» [1].

Совершенно новое значение приобретают поэтому и все законы, издаваемые этим правительством.

«Те, кто называет их актами произвола и насилия, — это безмозглые дураки или преступные софисты, старающиеся смутить противников; они хотят установить одинаковый порядок для мирного и военного времени, для здоровья и для болезни; а вернее всего они хотят восстановить тиранию и погубить отечество... Если революционное правительство должно быть более энергично в своих действиях и менее стеснено в своих движениях, чем обычное правительство, то разве оно становится от этого менее справедливым и законным? — спрашивает Робеспьер и отвечает:—Нет! Оно опирается на самый священный из всех законов — спасение народа, на самый непоколебимый из всех принципов — необходимость... У него нет ничего общего с анархией или беспорядком; наоборот, его целью является подавить их с тем, чтобы водворить и упрочить царство законности» [1].

Исходя из этих задач, якобинское правительство создало целую систему государственных органов, построенных иначе, чем органы, существовавшие до сих пор.

Революционное правительство якобинцев в силу своей буржуазной природы носило по необходимости ограниченный характер [2]. Оно, как вследствие этой своей природы, так и вследствие самих исторических условий, существовавших тогда, не ставило и не могло ставить вопрос о необходимости новому классу, взявшему власть, разбить старую государственную машину. Но это революционное правительство уже чувствовало необходимость создания совершенно новых органов революционной самозащиты народа. И прежде всего не могло революционное правительство при нависшей над революцией смертельной опасности пользоваться услугами суда, основанного на формальном господстве закона. Нужен был новый суд. Таким судом и явился Революционный трибунал. Таковы те причины, которые вызвали необходимость организовать

---

1 Mautouchet, op. cit. № 77.

2 Этот буржуазно-ограниченный характер диктатуры якобинцев ярко проявляется, например, в их политике по отношению к рабочим. Реакционный закон Ле-Шапелье, запрещавший всякие рабочие союзы и собрания и назначавший за них суровые наказания, несмотря на то, что он был принят еще Учредительным собранием в 1791 г., был полностью сохранен якобинским правительством. Маркс по этому поводу писал: „Весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда „конституционность" в духе собрания 1789 года считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания против рабочих продолжали сохранять свою силу". Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 234.

Революционный трибунал. Как мало похожи они на то чисто обывательское и клеветническое объяснение, которое дают буржуазные историки.

III

Уже полгода управляло республиканское правительство. Ему удалось мобилизовать народ на защиту отечества, удалось провести ряд мероприятий, которые дали возможность одерживать победы на войне и от обороны перейти к наступлению. Но чрезвычайно слаба была деятельность судебных органов в борьбе с контрреволюцией, со спекуляцией, от которой страдал народ и которая мешала организовать победу и спасение Франции.

Суд находился в руках представителей крупной буржуазии, и репрессия его была явно недостаточной для той борьбы, которую вел народ. Отсюда недоверие народа к суду и та расправа над контрреволюционерами, к которой прибегает он в знаменитые сентябрьские дни 1792 г., когда были перебиты контрреволюционеры, содержавшиеся в тюрьмах Парижа.

Явилось неотложнейшей задачей организовать новый революционный суд, чрезвычайный суд народа, который стоял бы на высоте задач и который мог бы железной рукой подавить контрреволюцию. Таким судом и должен был явиться Революционный трибунал. Идею создания его выдвинул сам народ в лице Парижской Коммуны. По ее предложению, Конвент поручил своей законодательной комиссии представить ему проект декрета о Революционном трибунале.

9—10 марта этот проект обсуждался в Конвенте. Против организации Трибунала резко выступили, как и следовало ожидать, жирондисты. Понимая, что этот вновь создаваемый судебный орган не будет больше заниматься лишь игрой в «правосудие» и тем самым поощрять контрреволюционеров, жирондисты возражали против самой идеи Трибунала и его организационных принципов. Возражения сводились главным образом к тому, что этот новый судебный орган противоречит будто бы идеям демократии, конституции 1791 г.

Был момент, когда Конвент склонялся на сторону жирондистов; два дня шло обсуждение проекта, но определенных результатов этого обсуждения видно не было. В дело вмешался Дантон. Он разгадал тайные мысли жирондистов, он поставил все точки над i. Вот отрывок из его замечательной речи по этому вопросу:

«Как! — воскликнул Дантон.— В настоящий момент, когда наши позиции на фронте так слабы, мы могли бы разойтись, не приняв требуемых общественным делом мер? Я знаю, почему вы не желаете мероприятия, которое наказывает контрреволюционеров. Для в а с необходим этот трибунал, это для в а с этот трибунал будет заменять суд народной мести.

Враги народа бросают дерзкий вызов; повсюду измена, повсюду провокаторы... Нет ничего труднее, как уничтожить политические преступления, поэтому необходимы чрезвычайные законы, устра-

шающие преступника и уничтожающие виновных. Сохранение безопасности требует истребительных мер. Нет середины между обычными формами правосудия и Революционным трибуналом. История оценит эту правду. В этом заседании часто обращались к тем кровавым дням, при воспоминании о которых добрый гражданин содрогается. Я говорю, что, если бы тогда действовал Революционный трибунал, народ не пролил бы крови. Исправим ошибки наших предшественников. Сделаем то, чего не сделало Законодательное собрание. Будем истребительными, чтобы народ сам не был таковым. Создадим трибунал, не очень хороший — это невозможно,— но по возможности наименее дурной, чтобы меч закона вознесся над головой всех его врагов».

«Я прошу, чтобы Революционный трибунал был организован в этом же заседании, чтобы исполнительная власть в ее новой организации получила то количество сил и энергии, которое ей необходимо, ибо если в данный момент вы будете вооружены всеми силами, сегодня же враг будет отброшен от наших фронтов»,— закончил Дантон [1].

Эта речь возымела свое действие — Революционный трибунал был декретирован.

Посмотрим, какова же была его организация по декрету Конвента от 10 марта 1793 г.

Трибунал был назван «Чрезвычайным уголовным трибуналом» и должен был действовать в Париже.

Подсудность его была очень широка и охватывала все преступления контрреволюционного характера, независимо от того, кто эти преступления совершал — должностные лица или частные граждане, военнослужащие или гражданские чиновники.

Состав его определялся так: он состоял из судей постоянных и временных — присяжных заседателей — в количестве 12 человек очередных и 4 запасных. Судьи и заседатели избирались Конвентом из граждан Парижа и из четырех ближайших к Парижу департаментов. Конвент же назначал общественного обвинителя и двух его помощников. Фукье-Тенвиль был назначен этим прокурором.

Обязанности судей Трибунала состояли в следующем: они вели расследование по делам; на основании вердикта присяжных они выносили приговоры и определяли наказания.

Процессуальные особенности Трибунала таковы:

а) право предания суду Трибунала принадлежало исключительно самому Конвенту; для этого из состава Конвента была образована комиссия из шести человек, которая рассматривала обвинительный акт, следила за работой Трибунала;

б) присяжные заседатели после решения вопроса о виновности публично мотивировали свое мнение; то же и относительно приговора;

в) решение Трибунала являлось окончательным и обжалованию не подлежало.

Относительно уголовно-материальных законов, которыми должен был руководствоваться Трибунал, в декрете говорилось:

[1] „Moniteur", t. XV, p. 683.

«Судьи Чрезвычайного трибунала будут присуждать изобличенных в преступлениях обвиняемых к наказаниям, указанным в уголовном кодексе и последующих законах. Если же проступки окажутся несомненными, но будут относиться к категории тех, которые подлежат наказанию по суду исправительной полиции, то Трибунал все же определит наказание, не отсылая обвиняемых в полицейские суды» (гл. II, ст. 1).

«Имущества присужденных к смертной казни будут переданы республике, причем вдовам и детям будет выдано пропитание, если они не имеют иного имущества» (там же, ст. 2).

5 апреля 1793 г. был издан новый закон о Трибунале, который предоставил общественному обвинителю право самостоятельно возбуждать дела, без санкции Конвента.

Подробное изучение деятельности Революционного трибунала дает возможность проследить, как продвигались и рассматривались в нем дела.

Арестованные в разных частях территории Франции контрреволюционеры доставлялись в Париж и заключались в одну из тюрем. Через некоторое время их подвергали допросу, который производился в здании Трибунала председателем Трибунала или одним из судей в присутствии общественного обвинителя. Показания протоколировались и подписывались обвиняемыми. Если допрос и ранее собранные материалы оказывались недостаточными для обвинения, член суда переносил вопрос об обвиняемом в собрание всех судей; здесь участвовал обвинитель, и дело за отсутствием достаточных оснований для предания суду прекращалось. В противном случае эта же камера предания суду должна была утвердить обвинительный акт, составленный общественным обвинителем.

Обвинительный акт составлялся обычно так:

«А. К. Фукье-Тенвиль, общественный обвинитель при Революционном трибунале, установленном законом 10 марта 1793 г., и в силу прав, предоставленных ему законом от 5 апреля того же года, излагает, что...» (идет подробное описание того, что совершил обвиняемый. Затем следует) «На основании изложенного такой-то обвиняется в том, что...» (даются выводы и делается ссылка на те статьи уголовного закона, которыми предусмотрено преступление). После этого в обвинительном акте шла следующая формула:

«А посему общественный обвинитель требует, чтобы настоящее обвинение было утверждено Трибуналом, чтобы было установлено, что по приказу суда обозначенный в сем акте такой-то, находящийся в такой-то тюрьме, вносится в списки Консьержери, чтобы оставаться в ней и числиться за Трибуналом и чтобы постановление Трибунала было сообщено муниципалитету Парижа и обвиняемому».

На этом кончалось предварительное следствие. Обвиняемый получал копию обвинительного акта, список свидетелей и присяжных, причем он мог заявить отвод против заседателей, который должен был быть разрешен судом в течение 24 часов.

Все заседания Трибунала были публичными. С входом присяжных и судей в зал считалось, что заседание открыто, и вводился подсудимый («свободный и без оков»); он занимал специально отведенное ему место. Затем вводились свидетели. Каждый присяжный давал следующую присягу: «Клянусь и обещаю разобрать самым тщательным образом обвинение, возбужденное против подсудимого, не сообщаться ни с кем до решения дела, не внимать ни ненависти, ни злобе, ни страху или привязанности, слагать свое убеждение на основании как имеющихся улик, так и доводов защиты, согласно со своей совестью и своим внутренним убеждением, с беспристрастием и спокойствием, подобающими свободному человеку».

Затем оглашался обвинительный акт и допрашивались свидетели, которые тоже присягали: «Клянусь и обещаю говорить без ненависти и страха, показать правду, всю правду и только правду». В допросе свидетелей обвиняемый принимал активное участие.

Затем составлялись вопросы для присяжных. Председатель резюмировал существо обвинения, и присяжные удалялись. Когда присяжные давали знать, что они готовы вынести решение, выходили суд и присяжные. Каждый присяжный оглашал свое мнение. После этого вводился обвиняемый, которому председатель объявлял вердикт.

В случае оправдания обвиняемый освобождался немедленно. Нередко председатель обменивался с оправданным «братским поцелуем».

В случае признания обвиняемого виновным судьи тут же публично высказывали свое мнение о наказании. Затем писался приговор, в котором излагались не только сущность обвинения и обстоятельства, признанные судом, — в приговоре давалось подробное изложение всего движения дела. Заканчивался приговор приказом о немедленном (в 24 часа) приведении его в исполнение. Если обвиняемый приговаривался к смерти, указывались место казни и способ ее.

Обвиняемый имел право выбрать себе защитника, причем это право он получал после первого же допроса. Защитником мог быть любой гражданин, так как корпорация адвокатов была ликвидирована еще в 1790 г. Это, однако, не мешало старым крупным адвокатам выступать в заседаниях трибунала и притом чаще всего на защиту контрреволюционеров крупного калибра (Мария Антуанетта, Шарлотта Кордэ и т. д.).

Хотя Трибунал был судом чрезвычайным, с чрезвычайной подсудностью, он, однако, в процессуальном отношении тщательно подражал судебной процедуре, созданной в 1791 г. Медленность разбирательства, сугубая формальность тяжелым грузом висели и над этим судом. Оправдание обвиняемых было обычным делом. Например, из 316 обвиняемых, прошедших через Трибунал с 10 марта по 14 октября 1793 г., 210 было оправдано, 24 приговорено к легким наказаниям и только 82 человека были казнены.

Между тем в это именно время особенно сильно свирепствовала контрреволюция. Восстание в Вандее под руководством аристокра-

тов и духовенства выбросило роялистский лозунг и грозило тяжкими последствиями для Франции в случае победы Вандеи. В это же время были организованы восстание в Лионе, восстание в Тулоне, которые носили открыто монархический характер. В Тулоне, например, сын Людовика XVI был провозглашен королем под именем Людовика XVII, а самый город сдался Англии. Широкие заговоры замышлялись и организовывались при королевском дворе. Таковы были заговоры Марии Антуанетты, герцога Орлеанского и сестры Людовика XVI—Елизаветы. К этому же времени почти открыто перешла в лагерь контрреволюции Жиронда, которая, с одной стороны, организовывала все эти контрреволюционные восстания, а с другой — начала планомерную борьбу с вождями народа. Она добилась, например того, что Трибунал голосами жирондистов предал суду Марата. Когда же Трибунал оправдал Марата, Жиронда прибегла к террористическому акту: к нему была подослана жирондистка Шарлотта Кордэ, которая и убила его.

Совершенно понятно поэтому то недовольство Трибуналом, которое в это время выявилось в выступлениях представителей Коммуны. Это недовольство нашло свое выражение в речи Робеспьера на заседании якобинского клуба от 23 августа 1793 г.

Вот эта речь:

«Я следил за вызывающими обрядностями, которыми опутал себя Революционный трибунал. Ему нужны целые месяцы, чтобы судить Кюстина [1], убийцу французского народа. А ведь если бы тирания могла возродиться, то ее противники были бы раздавлены в течение 24 часов! Свобода должна в настоящее время пользоваться теми же самыми средствами. В ее руках карающий меч, который должен освободить народ от его самых ожесточенных врагов, и те, кто оставили бы его в бездействии, были бы преступниками. Недопустимо, чтобы Трибунал, учрежденный для того, чтобы способствовать развитию революции, посредством преступной медлительности вызывал ее движение вспять. Необходимо, чтобы Трибунал был так же активен, как и сама преступность, и никогда не отставал от нее. Трибунал должен быть составлен из десяти человек, которые занимались бы лишь расследованием преступления и применением наказания; бесполезно увеличивать число присяжных и судей, потому что этому Трибуналу подсудно только одно преступление — государственная измена, и в его распоряжении существует только одно наказание — смертная казнь. Смешно, чтобы люди занимались выбором наказания для такого преступника, раз за него полагается лишь одно наказание и оно применяется pso facto».

Необходимость реорганизации Трибунала чувствуется всеми, и требования Коммуны в этом направлении делаются все настойчивее. Поэтому правительство принимает ряд соответствующих мер и Трибунал претерпевает значительные изменения.

---

[1] Генерал-предатель, приведший армию к серьезному поражению на фронте и преданный за это суду Революционного трибунала.

В сентябре и октябре 1793 г. издается ряд декретов, реорганизующих трибунал. Декрет от 5 сентября расширил его функции. Трибунал был разделен на четыре отделения, каждое из которых имело широкую компетенцию. Число судей было увеличено до 16, а число присяжных заседателей — до 60. Декрет от 29 октября упростил судопроизводство. Если процесс длился больше трех дней, председатель был вправе спросить заседателей, не считают ли они для себя дело выясненным. В случае утвердительного ответа можно было приступить к вынесению вердикта и приговора.

В таком виде Революционный трибунал действовал до 10 июня 1794 г. Это было время наиболее усиленной и решительной его деятельности. Освобожденный от излишних формальностей, которыми трибунал был опутан до издания двух последних декретов, он сумел сильной карающей рукой обрушиться на врагов народа. Через Трибунал прошли за это время крупные дела: Марии Антуанетты (14—16 октября 1793 г.), жирондистов (31 октября), герцога Орлеанского (6 ноября), г-жи Ролан (8 ноября), астронома Байли, бывшего мэра Парижской Коммуны (10 ноября), Мануэля, бывшего прокурора Коммуны (14 ноября), г-жи Дюбарри (6 декабря), Дантона — Камила Демулена — «умеренных» (2—5 апреля 1794 г.), «генеральных фермеров», среди них известного химика Лавуазье (11 мая), Елизаветы, сестры Людовика (20 мая), а также целый ряд более мелких дел о контрреволюционерах, спекулянтах и откупщиках.

Обычно буржуазные историки, говоря об этом периоде деятельности Трибунала, приводят названные выше дела, чтобы показать, что Революционный трибунал казнил тех, кого казнить было не за что. Все эти лица, присужденные к смертной казни, являются, по мнению буржуазных историков, жертвами слепого безрассудства Трибунала. Так ли это?

Позднейшие исследования показывают, что Революционный трибунал, приговаривая к смертной казни Марию Антуанетту, Елизавету, жирондистов и дантонистов, действовал правильно и в полном соответствии с логикой классовой борьбы. Все названные лица являлись злейшими врагами революции и всю деятельность свою направляли на то, чтобы при помощи иностранной интервенции восстановить во Франции монархический строй.

Доказано, что бывшая королева Мария Антуанетта и сестра казненного короля Елизавета состояли в тесной связи с коалицией европейских монархов. Лозунгом этой коалиции в войне, которую они объявили Франции, было спасение «невинных страдалиц», а эти «невинные страдалицы» выдавали неприятелю военные планы Франции, организовывали ее монархические силы и, зверски ненавидя народ, готовили ему в случае своей победы кровавую баню.

Доказано также, что жирондисты окончательно сбросили с себя маску революционеров и стали ярыми врагами народа, организуя восстания и концентрируя силы контрреволюции. Именно жирондисты поддерживали своими силами и средствами черносотенную Вандею, жирондисты организовали восстания в Лионе, Тулоне и целом ряде других провинций Франции, жирондисты перешли к активному террору против вождей революции, от их руки пал пла-

менный революционер Марат. Какое же другое наказание могло ждать этих людей? Вся их деятельность как членов контрреволюционной партии была направлена на подавление и угнетение народа. Мог ли народ, защищая свою жизнь, свою свободу, жизнь и свободу родины, щадить этих людей? Не говорила ли вся деятельность жирондистов о том, что в случае их победы прольются реки народной крови? Мог ли при этих условиях народный суд, каким был Трибунал, не казнить своих злейших врагов?

В периоды ожесточенных классовых боев методы борьбы жестоки, но они необходимы и неизбежны, а Франция в этот период переживала полосу самой острой классовой борьбы.

То же самое надо сказать и о других осужденных. Группа Дантона в равной мере объективно делала контрреволюционную работу. В отношении самого Дантона новейшие исследования установили с несомненностью, что он был предателем, шпионом, состоявшим на жалованье у Англии, в пользу которой работал и интересы которой всемерно охранял. Надо ли удивляться после этого тому, что Трибунал приговаривал всех этих злейших врагов народа к смертной казни? Это была единственная реальная мера, при помощи которой народ защищал свою жизнь и свободу. Иная политика Трибунала могла бы поставить под угрозу все завоевания революции, которой народ принес бесчисленные жертвы.

IV

В последний период деятельности Революционного трибунала огромную роль сыграл декрет Конвента от 10 июня 1794 г. (22 прериаля II года республики). Этим декретом была произведена реорганизация Трибунала, придавшая ему необходимую гибкость и должную решительность при рассмотрении дел и назначении наказания в борьбе с врагами революции.

Если Революционный трибунал и его деятельность вообще вызывают возмущение буржуазных историков, то названный декрет приводит этих историков в бешеное негодование. Редко кто из них говорит спокойно об этом декрете. Общий вывод, к которому они все приходят, говоря об этом декрете, следующий: декрет 22 прериаля — это позор человечества; он нужен был Робеспьеру только для того, чтобы утолить его ненасытную жажду крови.

Даже те историки-демократы, которые понимают причины, вызвавшие этот декрет к жизни, объясняют его тем, что Робеспьер хотел утолить лишь жажду мести, разделаться со своими врагами и стать полноправным диктатором.

В чем же состоит этот декрет?

Вот несколько наиболее существенных выдержек из него: «Революционный трибунал учрежден для того, чтобы наказывать врагов народа» (ст. 4).

«Врагами народа объявляются те, кто силой или хитростью стремятся уничтожить общественную свободу» (ст. 5).

«Врагами народа признаются лица, призывавшие к восстановлению королевской власти или же пытавшиеся унизить и распустить

Национальный конвент и революционное республиканское правительство, центром коего он является.

Врагами народа объявляются лица, изменившие республике, командуя крепостями и армиями или выполняя другие военные обязанности, а равно и те, которые поддерживают сношения с врагами республики и стремятся создать недостаток как в продовольствии, так и в удовлетворении других потребностей армии.

Врагами народа объявляются все, кто пытается помешать снабжению Парижа продовольствием или же вызвать голод в республике.

Врагами народа объявляются лица, содействовавшие планам врагов Франции, будь то помощью в бегстве и укрывательстве заговорщиков и аристократов, будь то путем преследований и клеветы на патриотизм, будь то подкупом представителей народа или же злоупотреблением революционными принципами, правительственными законами и мерами в смысле ложного и вероломного применения таковых.

Врагами народа объявляются лица, виновные в том, что ввели в заблуждение народ и народных представителей с целью склонить их к поступкам, идущим вразрез с интересами свободы.

Врагами народа объявляются лица, пытавшиеся вызвать упадок духа для того, чтобы способствовать замыслам тиранов, составивших союз против республики.

Врагами народа объявляются лица, распространявшие ложные слухи с целью посеять в народе раздор и смуту.

Врагами народа объявляются лица, старавшиеся ввести в заблуждение общественное мнение и препятствовать народному просвещению, а равно и те, кто старался развратить общественные нравы и общественную совесть, ослабить энергию и чистоту или остановить развитие революционных и республиканских принципов, будь то путем контрреволюционных и злостных сочинений или же путем всяких других махинаций.

Врагами народа объявляются недобросовестные поставщики, подвергшие опасности спасение Республики, равно как и расточители общественного достояния.

Врагами народа объявляются лица, занимавшие общественные должности и злоупотреблявшие ими для притеснения патриотов и угнетения народа.

Наконец, врагами народа объявляются все лица, перечисленные в предыдущих законах, определяющих наказание для заговорщиков и контрреволюционеров, равно как и лица, посягавшие, независимо от избранных ими средств и от внешнего вида, которым они прикрываются, на свободу, нераздельность и безопасность Республики, а также и лица, старавшиеся помешать ее укреплению» (ст. 6).

«Наказанием, установленным за все преступления, подлежащие ведению Революционного трибунала, является смертная казнь» (ст. 7).

«Уликами, достаточными для осуждения врагов народа, могут служить всевозможные документы, моральные, вещественные,

устные и письменные, естественно развивающие уверенность всякого справедливого и просвещенного ума.

Руководством для произнесения приговора служит совесть присяжных, поддержанных любовью к родине; целью приговоров должно быть торжество республики и разгром ее врагов. Судопроизводство состоит из простых мер, диктуемых здравым смыслом для того, чтобы добиться истины, придерживаясь при этом указанных законом форм» (ст. 8).

«Каждый гражданин имеет право схватить и предать должностным лицам заговорщиков и контрреволюционеров. Он обязан донести на них немедленно после того, как узнает о них» (ст. 9).

«Допрос обвиняемого будет производиться во время судебного заседания в присутствии публики; соблюдавшийся прежде порядок секретного допроса ныне упраздняется как излишний; прибегать к нему будут лишь в исключительных случаях, когда он будет признан полезным для выяснения истины» (ст. 12).

«Все свидетельские показания будут даваться публично, никакие письменные показания приниматься не будут, за исключением тех случаев, когда свидетели будут лишены возможности предстать перед Трибуналом; в этом случае необходимо специальное разрешение комитетов общественного спасения и общей безопасности» (ст. 15).

«Защитниками невинно оклеветанных патриотов закон считает присяжных патриотов, заговорщикам же защитников не полагается» (ст. 16).

Проект закона от 22 прериаля докладывал в Конвенте Кутон. Вот как он мотивировал необходимость введения этого декрета.

«Все наши идеи в различных частях управления должны быть реформированы, все они являются только предрассудками, созданными коварством и интересами деспотизма,— так начал Кутон свой доклад.— И особенно судебные порядки представляют тому разительный пример: они настолько же благоприятны преступлению, насколько и тяжелы для невинности. Революция их далеко не устранила. Как можно сомневаться в этом, если вспомнить, что наш новый уголовный кодекс — это произведение подлейших заговорщиков Учредительного собрания и что имя Дюпора марает его заглавный лист! Макиавеллистское шарлатанство, его создавшее, могло добиться, чтобы его превозносило машинально легковерное невежество; но фактически оно изменило скорее термины, чем дух старой юриспруденции, и рассчитало ее предписания больше в пользу богачей и заговоров, чем справедливости и истины».

До сих пор было так, «как будто суды, предназначенные для наказания врагов Республики, были учреждены в интересах заговорщиков, а не для спасения отечества. Вот то, что особенно благоприятствовало заговору снисходительных: ловкость, с которой они смешивали максимально противоположные вещи, т. е. меры, принимаемые Республикой для подавления заговоров, с обычными функциями судов по частным правонарушениям и в спокойные времена. Различие между ними следует искать в самых основах общественного интереса, который является источником всех политиче-

ских учреждений и, следовательно, всех законов, относящихся к правосудию. Обыкновенные преступления непосредственно поражают только индивидов, а целое общество — через их посредство; и поскольку по своей природе они не ставят общественное благо под непосредственную угрозу и правосудие решает здесь частные интересы, постольку оно может проникнуться медлительностью, некоторой роскошью форм и даже чем-то вроде пристрастия в пользу обвиняемого; оно почти не имеет другой задачи, как только мирно заниматься утонченными предосторожностями, чтобы гарантировать слабых от злоупотреблений судебной власти. Это — человеческая доктрина, потому что она совпадает с общественным интересом так же, как и с частным. Наоборот, преступления заговорщиков непосредственно угрожают существованию общества или свободе, что равно. Жизнь злодеев здесь кладется на весы с жизнью народа; здесь всякая преувеличенная медлительность преступна, всякая лишняя или снисходительная формальность представляет общественную опасность. Срок для наказания врагов отечества должен быть сроком, необходимым для установления их личности: дело идет не столько о том, чтобы их наказать, сколько о том, чтобы их уничтожить» [1].

Таким образом, мы видим, что закон 22 прериаля находится в полном соответствии со всей концепцией якобинцев, изложенной еще Робеспьером в речи о задачах революционного правительства. Правда, эта задача противоречит формальной демократии, но господство нового класса не может установиться без диктатуры, а диктатура — это власть, не опирающаяся на формальный закон. Тут нужно насилие, не связанное формальными законами и это насилие устанавливается декретом 22 прериаля.

В таком виде вновь созданный Трибунал просуществовал до 9 термидора, т. е. до 27 июля 1794 г., когда власть захватила реакционная буржуазия и якобинцы были подавлены.

V

Мы познакомились с тем, как был организован Революционный трибунал. Мы видели, что, постепенно освобождаясь от излишеств формальной законности, став действительно органом диктатуры самого революционного класса XVIII века, Революционный трибунал получил реальную возможность решительно разделаться с врагами народа.

Мы опровергли клеветнические утверждения буржуазных историков, будто Революционный трибунал явился только средством, при помощи которого «авантюристы» и «преступники» поддерживали свою власть. Это ложь и клевета. Трибунал был создан народом, и волю народа он творил.

Коснемся теперь другого вопроса. Буржуазные историки утверждают, что Революционный трибунал — это бездушная машина, которая казнила без разбора всех, кто попадал под ее колеса. Так

[1] „Moniteur“ du 12 juin 1794, t. XX, p. 694—695.

ли это? Действительно ли Трибунал не разбирался в виновности обвиняемых, действительно ли он знал только одну меру наказания — смертную казнь, которая применялась к подсудимым независимо от того, виновен или невиновен попавший на скамью подсудимых?

Факты и цифры о деятельности Трибунала, почерпнутые из различных источников, разбивают и эту ложь. Рассмотрим его деятельность по отдельным периодам.

Первый период — с 10 марта по 14 октября 1793 г. Трибунал только начал действовать, над ним тяготеет процессуальная форма 1791 г., репрессия его нерешительна, дел рассмотрено немного. Всего судилось за это время 316 человек, приговорено к смерти 82 человека, к другим наказаниям — 24, оправдано 210 человек.

Можно ли говорить, что Трибунал всех осуждает на смерть? Нет, нельзя.

Второй период — с октября 1793 г. по 10 июня 1794 г., период, когда Революционный трибунал увеличивается в составе, получает право разрешать дела с упрощением и сокращением процессуальных формальностей и т. д. Данные здесь таковы: всего прошло через Трибунал 2042 человека, к смертной казни присуждено 1147 человек, к разным наказаниям — 95, оправдано 800 человек.

Можно ли говорить, что Трибунал не разбирается в делах, поступающих на его рассмотрение? Нет, нельзя.

Третий период — с 10 июня по 27 июля (9 термидора) 1794 г. Это тот самый период, когда действует столь ненавистный для буржуазных историков закон от 22 прериаля (от 10 июня 1794 г.). Данные таковы: через Трибунал прошло 1560 человек, к смертной казни приговорено 1366, оправдано и приговорено к разным наказаниям 194 человека.

Суммируя все эти данные, мы получаем следующие сведения: за 15 месяцев существования Революционного трибунала он рассмотрел дела о 3918 подсудимых, из них казнено 2595 человек, оправдано 1129, остальные приговорены к разным наказаниям.

Итак, по мере усиления контрреволюции и спекуляции усиливается репрессия. Но даже в самые острые моменты ожесточенной борьбы Трибунал не только казнит, но применяет и другие меры наказания. Смертная казнь усиливается особенно в последний период, когда Трибунал знает одну лишь меру наказания — смерть. Но и здесь, как вытекает из сказанного, нельзя говорить о бойне, утверждать, как это делают буржуазные историки, что Трибунал казнил всех без разбора. Несостоятельность подобного утверждения будет особенно ясна, если мы сопоставим число казненных Трибуналом с числом казненных реакцией после 9 термидора, когда она праздновала победу, или если мы вспомним о десятках тысяч замученных контрреволюцией и расстрелянных без суда пролетариев в результате победы буржуазии над парижскими коммунарами в 1871 г.

Революционному Трибуналу приписывают еще один крупный порок. Трибунал, говорят историки (между прочим историки-демократы), казнил главным образом мелкоту; крупных зверей ему не удавалось поймать; на маленьких, незначительных людях он-де срывал свою злобу, думая, что, уничтожая их, он выкорчевывает действительную контрреволюцию, а крупные контрреволюционеры оставались якобы вне досягаемости Трибунала.

Этот вопрос заслуживает серьезного внимания, так как, действительно, если ознакомиться с делами, то на первый взгляд получается такое впечатление, что через Трибунал проходит много всяких ремесленников, домашней прислуги, и дела об этих лицах также заканчиваются смертными приговорами. В чем же тут дело?

Раньше всего надо сказать, что такой работы, которая охватила бы изучением всех осужденных Трибуналом, с точки зрения их социального состава, нет. Но если бы такая работа и была, она ничего существенно нового не могла бы дать по интересующему нас вопросу.

Дело в том, что революция, разворошив все классы Франции старого режима, произвела в положении общественных групп и в особенности отдельных людей такие огромные изменения, что подходить к оценке их деятельности с обычной меркой, исходя из одного лишь факта принадлежности лица в прошлом к той или иной социальной группе, очевидно, невозможно. Политические позиции, характер общественной деятельности и роль отдельных лиц определяются не столько их происхождением, сколько тем новым положением в обществе, профессией, занятиями, которые они ведут теперь фактически.

Мы можем встретить бывших аристократов, находящихся в услужении, и наоборот, бывших дворников и лакеев, которые теперь занимают видное общественное положение. Революция и война вызвали к жизни новые профессии, обогащающие людей. Появились «нувориши» — выскочки-богачи, еще совсем недавно стоявшие на низшей ступени общественной лестницы, а теперь разбогатевшие и занявшие видные места. Изучать этих людей надо теперь не только по их классовому происхождению, но также и по профессии, занятиям, по имущественному и общественному состоянию, — словом, по всей сумме конкретных условий, определяющих их новое положение в обществе. Если с этой точки зрения подойти к осужденным, получается очень поучительная картина.

Все рассмотренные Трибуналом дела можно разбить на несколько групп.

Первую группу составляют преступления контрреволюционного характера, имеющие своей целью восстановление монархического строя и раздробление Франции. По этим делам перед Трибуналом проходили аристократы, члены королевской семьи, изменники-генералы, духовенство, помогавшее контрреволюции.

Лица этой группы не вызывают никаких сомнений относительно их классового положения и, конечно, к «мелкоте» никак не могут быть отнесены.

Однако в этой же группе аристократов мы встречаем и бывшую прислугу их. Здесь попадаются лакеи, парикмахеры, портнихи, горничные,—словом, вся та челядь, которая толпами водилась во дворцах аристократии. Как правило, все эти лица привлекаются к уголовной ответственности за контрреволюционные возгласы, агитацию и распространение контрреволюционных прокламаций. По своему социальному происхождению и положению все эти люди вышли, несомненно, из народа, это действительно «мелкота», но они давно уже порвали с той средой, откуда вышли. Находясь довольно долго в услужении у аристократии, они набрались внешнего лакейского лоска и ненавидят свое прошлое. Они развращены той средой, в которой долго вращались, и не представляют себе иной жизни кроме той, которой жили до сих пор. Это — враги нового строя, так как новый строй лишил их тех крупных подачек, которые перепадали им от господ; они стали контрреволюционерами и всячески помогают своим бывшим господам. Эти люди на большое контрреволюционное дело не способны, тем не менее они очень опасны: они разбрасывают прокламации, ведут контрреволюционную агитацию, сеют смуту, волнуют и без того возбужденные массы Парижа. Вполне естественно, что революционный Париж отправляет их на гильотину вместе с их господами.

К этой же группе относятся дела о проститутках. Их довольно много проходит через Трибунал. Они обвиняются в том же, в чем обвиняется прислуга аристократии. Участие проституток в контрреволюции совершенно понятно. Революция запретила проституцию, она преследует проституток и тех, кто пользуется их услугами. К другой профессии эти несчастные не приспособлены. Жить им теперь нечем, и они очень легко делаются орудием контрреволюционеров. Невежественные и несознательные, неспособные к общественно-полезному труду, они считают всех революционеров своими личными врагами и стараются им пакостить. При монархии им жилось лучше, и они ненавидят поэтому новый строй. Истеричные, невоздержанные, они своими возгласами возбуждают голодные, измученные массы Парижа и являются элементом, опасным в эти тяжелые для него дни. Трибунал судит и осуждает их.

Следующая группа дел — это дела о преступлениях, вытекающих из нарушения законов о максимальных ценах.

В сентябре 1793 г. издается декрет о максимуме цен на предметы массового потребления. С этого времени через Трибунал проходит много лиц, обвиняемых в нарушениях декрета.

Кто же обвиняется по этим делам? Данные в высшей степени интересны. В эту группу обвиняемых входят мелкие крестьяне, мелкие торговцы, мясники и т. п. Это, конечно, «мелкота». Но чем же занимается эта «мелкота»? Она играет на народном голоде, взвинчивает цены на продукты массового потребления, продает фальсифицированные продукты.

Мелкие спекулянты наживают крупные капиталы и очень скоро становятся вреднейшими мародерами довольно крупного калибра. Вот, например, характерное дело. Судятся в Трибунале два мясника: Пьер Монтазе и Жан Маркез. До этого у них была мелкая

торговля мясом, но недостаток в мясе, который испытывает население, открывает перед этими людьми большие возможности. Они скупают мясо, предназначенное для армии, и по непомерно высоким ценам продают его населению. Трибунал устанавливает, что эти мародеры на каждом проданном быке нажили по 1222 ливра. Можно ли щадить таких спекулянтов?

Далее идут преступления, связанные с игрой на валюте и на обесценении ассигнаций.

Франция сильно страдала от обесценения ассигнаций. Когда ассигнации стали терять во Франции 50, 60 и даже 80% своей нарицательной стоимости, это стало гибельно отражаться на всем хозяйстве страны. Обесценение отразилось на товарных ценах, на сокращении покупательной силы ассигнаций, вызвало различную расценку товаров в зависимости от расплаты за товар ассигнациями или металлическими деньгами.

И вот Конвент издает ряд декретов, запрещающих сделки с металлической валютой. Таковы декреты от 16 апреля и 5 сентября 1793 г. и от 10 мая 1794 г. Однако эти декреты не останавливают спекулянтов, идет бешеная спекуляция на валюте, и много дел об этих спекулянтах попадает в Трибунал.

Кто же тут являлся обвиняемыми? Опять та же «мелкота». Мелкие торговцы, ремесленники, прислуга, парикмахеры, картузники и пр. и пр. Но эта «мелкота» очень опасна: она расстраивает хозяйственную жизнь страны, и вполне естественно, что с этими элементами ведется решительная и беспощадная борьба.

Спекулянты были опасны еще и потому, что, входя в соглашение друг с другом, составляли целые организации, занимавшиеся торговлей валютой. Особенно интересно в этом отношении дело некоего барона Баца. Барон организовал широкое предприятие для преступных валютных операций, нити его протягивались за границу. Состав организации был очень пестрый. Сюда входили и представители старой знати, и литературная и артистическая богема, и чиновники разных должностей, и мелкие лавочники, и ремесленники. Мудрено ли, что эти мародеры, наживавшиеся на народном голоде, попали в Трибунал и были казнены?

Особую группу составляли дела о преступлениях, связанных с поставками на армию.

Военные поставки были очень выгодны, на них хорошо зарабатывали, и люди самых различных профессий потянулись к лакомому куску. Так, 23 февраля 1794 г. суду Трибунала было предано 12 человек, обвинявшихся в поставке для армии к а м ы ш е в о й обуви, вместо кожаной. Кто они? Это 8 сапожников, 2 мануфактурных торговца, 1 бакалейный торговец, 1 торговец легкими напитками. Кто только не занимался поставками на армию и кто не наживался на крови сражавшихся за свободу Франции! По этим преступлениям обвинялись и судьи, и чиновники, и мелкий люд, который в поисках легкой наживы грабил государство.

Ясно, что со всеми этими элементами должна была вестись решительная борьба, и Революционный трибунал так и поступал.

Ложь и клевета, будто Революционный трибунал, не рассуждая опускал карающий меч на трудовые элементы Парижа. Репрессия Революционного трибунала была правильна. Если эта репрессия касалась и некоторых трудовых с внешней стороны элементов, то по существу это уже были не трудящиеся,— это были враги революции, и народ не мог щадить их. Смертная казнь была той действительной мерой, при помощи которой народ защищался от своих злейших врагов.

Конвент и Трибунал, как один из органов Конвента, тщательно разбирались в том, кто враг народа и кто патриот. Лучшим доказательством этому служит декрет Конвента от 9 июля 1794 г., принятый в самый разгар террора. Этот декрет имел своей целью выпустить из тюрем незаконно задержанных земледельцев, поденщиков, жнецов, пивоваров, ремесленников, за исключением тех из них, которые обвинялись в государственной измене.

Вот как мотивировал докладчик необходимость принятия этого декрета: «Мы хотим освободить хлебопашцев, рабочих физического труда, руки которых покрыты мозолями, тех, кто обрабатывают сами землю и открывают нам ее сокровища, и, наконец, тех, за счастье которых мы должны пролить последнюю каплю крови».

Нет, не убийцами, не авантюристами, не преступниками были якобинцы. Свобода народа была написана на их боевом знамени. За эту свободу они не на словах, а на деле отдали свою жизнь.

Пусть клевещет на якобинцев вся свора буржуазных историков, якобинцы и их политика оправданы историей. Великие теоретики борьбы пролетариата, гениальные учителя наши Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин первые указали на то огромное и немеркнущее значение, которое имело революционное правительство якобинцев.

Мы помним великие слова Энгельса: «Французская революция была социальным движением от начала до конца, и после нее чисто политическая демократия невозможна. Демократия — это в настоящее время коммунизм»[1].

Мы помним слова Ленина: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ»[2].

Мы помним и повторим сегодня ту характеристику якобинцев, которую дал гениальный мастер социалистической революции Ленин: «Историки буржуазии видят в якобинстве падение («скатиться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение»[3].

А Революционный трибунал был мощным орудием в борьбе за это освобождение. В этом его сила, в этом его бессмертное значение.

---

1 Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 28.
2 Ленин, т. VI, стр. 303.
3 Ленин, т. XX, стр. 556.

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 г. И ЗАКОНЫ И ОБЫЧАИ ВОЙНЫ

Е. КОРОВИН

I

«Великие революции,— говорит Ленин,— даже когда они начинались мирно, как Великая Французская революция, кончались бешеными войнами, которые открывала контр-революционная буржуазия. Иначе и быть не может, если на этот вопрос смотреть с точки зрения классовой борьбы...» [1]. С 1791 г. полуфеодальные правительства Европы — Австрия, Пруссия, Россия, Швеция, Испания — сообща с контрреволюционной французской эмиграцией вовне (Кобленц) и внутри страны, мобилизуют силы для удушения французской революции, для ограбления Франции и реставрации в ней феодально-абсолютистского режима. Коалиция опасалась, по выражению русского посла в Париже Симолина, что «революционная зараза распространится на другие государства Европы, если принципы французской конституции не будут вырваны с корнем...»[2]. К монархической коалиции присоединяется в 1793 г. Англия лэндлордов и Сити, борясь за захват французских колоний в Америке, за господство над Голландией и Амстердамским банком и выполняя попутно свою задачу злостного душителя народных революций [3]. Коалиция вела против французского народа войну несправедливую, контрреволюционную и грабительскую. Военное насилие противники Франции применяли к ней то в виде открытой войны, то в виде интервенции (ср., например, декларацию Пруссии от 25 июня 1792 г. и манифест герцога Брауншвейгского от того же числа). На фактическом положении вещей это различие отражалось в том только смысле, что контрреволюционная интервенция применяла к французскому населению такие формы насилия, которые в обычной войне считались недопустимыми: сопротивление населения квалифицировалось как «мятеж», агенты революционной власти подвергались аресту и расправе как преступники и т. п. Вооруженный отпор подобного рода действиям, отражение контрреволюционной и захватнической войны были со стороны Франции и француз-

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 297

[2] „Французская революция 1789 г. в донесениях Симолина", „Литературное наследство", 1937.

[3] См. Сталин, Об оппозиции, стр. 610.

244—1

ского народа законной самообороной, ведением войны революционной и справедливой.

Поскольку всякая война есть продолжение проводимой в мирное время политики господствующего класса только другими, насильственными средствами, постольку и те правовые нормы, которые применялись воюющими во время войн периода французской революции, являлись с обеих сторон выражением определенной политики боровшихся в войне классов. В то время как противники Франции, ведя против нее войну контрреволюционную и захватническую, руководствовались международно-правовыми принципами феодально-абсолютистского государства, революционная Франция закладывала в своих войнах основы нового «права войны». Говоря словами Ленина, «как внутри страны французский революционный народ тогда впервые проявил невиданный в течение столетий максимум революционной энергии, так и в войне конца XVIII века он проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны...» [1].

Так же, как и в других областях права, изменение соотношения классовых сил внутри Франции и переход от диктатуры революционного «плебса» к диктатуре крупного капитала последовательно отражались и на международной политике Франции, и на оформлявших эту политику правовых институтах. В период «буржуазной оргии» Директории и Бонапарта война постепенно утрачивала для Франции свой первоначальный смысл и после окончательной победы реакции внутри страны при Наполеоне I превратилась из войны оборонительной в войну завоевательную. Однако вовне, для феодально-абсолютистской Европы, Наполеон, охранявший те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии, оказывался «...разрушителем старого феодального общества» и в других странах (но не везде, например, этого нельзя сказать в отношении России в 1812 г.) применял в форме войны «режим террора, который сделал свое дело во Франции...» [2]. Поэтому даже наполеоновские методы войны и правовые ее формы были в целом выше соответствующих методов и международно-правовой практики окружавших Францию государств.

II

Переходим к разбору отдельных институтов международного права военного времени. Формальным началом революционных войн было объявление Францией декретом законодательного собрания от 20 апреля 1792 г. войны Австрии [3]. В первой части декрета перечисляются враждебные действия венского правительства: «явное покровительство французским мятежникам», «соглашение со многими европейскими державами, направленное

---

[1] Ленин, т. XXX, стр. 334.

[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 8

[3] Duvergier, Collection complète de lois et décrets de 1788 à 1824, Paris, 1824, t IV, p. 140.

против независимости и безопасности французской нации», отказ «перевести пограничные войска на мирное положение» и др. Во второй своей части декрет объявляет, что французский народ, верный освященным его конституцией принципам — «не предпринимать никакой завоевательной войны и не употреблять своих сил против свободы какого-либо народа» (из VI раздела французской конституции 3 сентября 1791 г.), берется за оружие лишь для защиты своей свободы и независимости, что война, которую он вынужден предпринять, является не войной народа с народом, а справедливой защитой свободного народа против несправедливого нападения короля.

Объявление Францией войны и изданный в связи с этим декрет представляют троякий интерес и ценность. Во-первых, они наглядно свидетельствуют о том, что социально-историческое качество войны, ее справедливость не определяются формальным моментом — кто начал войну, кто первый перешел границу, ибо как нападение, так и «...вторжение не исключается ни в какой войне» [1]. Война 1792 г. была для Франции навязанной, строго оборонительной, хотя формально Франция первая объявила войну. Во-вторых, Франция своим объявлением войны 20 апреля 1792 г. внесла в международную практику новый социально-политический критерий для оценки справедливости войн (если не считать его предшественником аналогичные документы национально-освободительной борьбы США), в корне отличный от феодальных, формальных и церковных критериев «справедливой» войны — auctoritas principis, justa causa, intentio recta. И наконец, в-третьих, Франция устанавливает прецедент (титул III, гл. III, раздел I, статья 2 конституции 1791 г.), перешедший во все последующие конституции революционной эпохи, согласно которому «война не может быть решена иначе, как декретом законодательного корпуса». А это значило в рамках существующей легальности «сделать почти невозможной всякую наступательную войну» (О л а р). Благодаря процедуре гласности, принятой в тогдашних французских законодательных собраниях, это значило, кроме того, ввести в международную практику правило предварительной нотификации войны.

Из других институтов международного права военного времени наиболее существенные новеллы французская революция внесла в понятие комбаттантов и режим пленных и раненых.

В то время как античное и феодальное право считало врагами и объектами военного насилия всю совокупность подданных неприятельского государства, революционная Франция, соответственно формуле Руссо — «война не является отношением человека к человеку, но отношением государства к государству, при котором частные лица бывают врагами только случайно, — отнюдь не в качестве людей, и даже не в качестве граждан, но как солдаты» [2] считает комбаттантом только вооруженного бойца:

---

[1] Ленин, т. XIX, стр. 325.
[2] Rousseau, Contrat social, L. I, ch. IV,

«Каждый французский гражданин имеет право на обращение с ним как с солдатом в том случае, если он взят неприятелем с оружием в руках»[1]. Если, по Гроцию (1625 г.), «международное право не защищает детей и женщин от военного насилия, и их можно убивать безнаказанно»[2], то французский военно-уголовный кодекс от 21 брюмера V года устанавливает (раздел V) самые суровые кары за насилие над безоружным «мирным» населением. Разделение и противопоставление понятий «комбаттант» и «мирное население» и признание за обеими категориями определенных прав и обязанностей неразрывно связаны с переходом Франции от системы пополнения армии наемными и крепостными рекрутами к системе всеобщей воинской повинности (декреты Конвента от 24 февраля и 23 августа 1973 г.).

Необходимость этого разделения применительно к международному праву была ярко подчеркнута и выражена одним из современников той эпохи и видным участником буржуазной революции в США В. Франклином в его рассуждениях по поводу прусско-американского договора 1785 г. Земледельцы и рыбаки, указывал Франклин, должны быть неприкосновенными, поскольку они необходимы для пропитания остального населения, купцы и торговцы — поскольку они полезны всем народам как содействующие обмену и удовлетворению жизненных потребностей и удобств, а также ремесленники и артисты.

Период наполеоновской диктатуры характеризуется качественным ухудшением французских вооруженных кадров (проект покупки негритянских солдат в 1799 г., закон 1800 г. о допущении заместительства и найма рекрутов)[3]. Соответственно ухудшается и отношение французского правительства к неприятельским комбаттантам, о чем свидетельствуют, например, расстрелы партизан в Италии, Испании и России. В общем можно признать, что выделение комбаттантов из массы мирного населения и обеспечение последнему минимума личной и имущественной безопасности были защитой интересов буржуазии и тех групп трудящихся, которые представляли для нее особый экономический или политический (резервы буржуазной революции) интерес.

Ту же в основном эволюцию можно проследить и в режиме военного плена. Убийство пленных и выкуп пленных были повседневной практикой феодального средневековья[4]. Каторжный труд (галеры) — обычная участь пленных, равно как и частое принуждение их (например, в войнах Фридриха II) сражаться против своего отечества.

---

1 Проект декрета, внесенный в Законодательное собрание 16 июля 1792 г. ср. также декрет 1 августа 1792 г.

2 Grotius, De jure belli ac pacis libri tres, l. III, cap. IV.

3 См. Delbrück, Geschichte der Kriegskunst, русский перевод, 1938, стр. 356, 366.

4 „Omnes eviscaverunt et aurum et argentum multum invenerunt in visceribus eorum et tel eorum usui medicinali servaverunt". Hoveden, Annal. Rer. Angl. pp. 696—698. См. также: Froissart, Chronique, l. III, ch. 20; Vieillard, Baron, Les prisonniers de guerre, P. 1903, p. 41; Basdevant, La révolution française et le droit de la guerre continentale, P. 1901, pp. 100, 101, 104.

Через две недели после начала первой из французских войн, 4 мая 1792 г., Законодательное собрание издает декрет о пленных [1]. В мотивировочной его части указывается, что пленный должен быть «неприкосновенным, как суверенитет народа, и священным, как несчастье». Согласно декрету, «военнопленные находятся под охраной нации и под особым покровительством закона». Всякое насилие или оскорбление, нанесенное военнопленному, карается так, как если бы оно было нанесено французскому гражданину (ст. 2). Пленные получают во Франции жалованье и содержание, «которыми пользуются соответствующие чины французской пехоты» (ст. 5). Пленные, давшие обещание не покидать отведенного им местожительства, пользуются правом на льготный режим (ст.ст. 6 и 7). Регламент от 20 июня 1792 г. уточняет детали содержания военнопленных. По декрету от 25 мая 1793 г., допускается полное освобождение пленных при условии дачи ими обещания не участвовать в военных действиях. Запрещается также принуждать пленных к вступлению во французскую армию. Постановление Временного исполнительного совета от 21 июня 1793 г. предписывает «бережное обращение с людьми, которые по праву войны находятся под охраной и покровительством великодушного народа». Декрет Комитета общественного спасения от 6 августа 1793 г. также предлагает обеспечить пленным «гуманное обращение» [2]. В соответствии с новыми принципами плена французское правительство отказалось (декреты от 19 сентября 1792 г., 25 мая и 3 июня 1793 г.) от выкупа пленных («рансонирование») и установило порядок обмена пленных офицеров и солдат на началах полного их равенства [3]. Использование пленных как рабочей силы в первые годы революции носило характер исключения [4]. Организованное использование, вернее, эксплоатация труда пленных относится ко временам Директории и Бонапарта.

Значительно худшие условия, в которых находились пленные французы в неприятельских государствах вплоть до принудительной вербовки их в неприятельские армии, ставили неоднократно французское правительство перед необходимостью прибегать к репрессалиям для воздействия на противника. Согласно ст. 2 декрета от 1 августа 1792 г., в случае нарушения законов войны со стороны противника французы применяют репрессалии к неприятельским «дворянам, офицерам и генералам, взятым с оружием в руках». Напротив, «по отношению к солдатам неприятельских армий во всех случаях будут применяться обычные правила войны...» (ст. 3) [5].

Новый французский режим военного плена был связан, с одной стороны, с изменением системы пополнения французской армии (всеобщая воинская повинность): французская буржуазия была заинтересована в обеспечении возможно лучшего режима для своих пленных за границей. С другой стороны, гуманное обращение с

---

1 „Archives parlementaires“, t. XLVII, pp. 412, 414.
2 „Recueil des actes du Comité de salut public“, t. V.
3 Там же, т. IV, стр. 542—543.
4 Там же, т. XII, стр. 109—178.
5 „Archives parlementaires“, t. XLVII, pp. 359—360.

неприятельскими пленными стало на определенном этапе французской революции одной из форм борьбы за международные резервы буржуазной революции, за расширение ее базы, поскольку основное ядро неприятельских армий составляла деревенская и городская беднота.

Аналогичные тенденции наблюдались и в обращении с ранеными бойцами. Для феодала раненый наемник или крепостной — обременительная обуза; отсюда частое прикалывание своих раненых. С утверждением королевского абсолютизма и возникновением постоянных наемных армий появились первые проблески заботы о раненых: «Для сохранения солдат, равно как и лошадей, необходимо заботиться об их хорошем состоянии» (Фридрих II). Еще в худшем положении находились неприятельские раненые. Убийство их и ограбление были повседневным явлением и составляли одну из функций феодальной пехоты. Совершенно иначе был поставлен вопрос о раненых в законодательстве и практике революционной Франции. Декретами Законодательного собрания от 21 и 27 апреля 1792 г. предписывалась организация лечебных учреждений, «где воин мог бы найти помощь от болезни»; одновременно за ним признавалось право на заботу со стороны государства-отечества [1]. В силу декрета Конвента от 25 мая 1793 г. (ст. 23) «больные и раненые, захваченные в плен, получат в военных госпиталях республики, подвижных и постоянных, тот же уход, что и французские солдаты» [2]. Французское революционное законодательство впервые привлекло медицинский персонал на военно-санитарную службу в порядке мобилизации (закон 3 вентоза II года и др.) [3]. Впервые в революционной Франции начала развертываться и общественная помощь военно-санитарным учреждениям в виде многочисленных пожертвований, индивидуальных и коллективных. В наполеоновских армиях попечение о раненых, своих и неприятельских, значительно снизилось. По свидетельству Б. Констана, «эгоизм» и «бессердечие к врагу» становятся типичными для командного состава. «Больные и раненые являются в глазах офицера, которому они поручены, стеснительной помехой, и он отделывается от нее какою угодно ценой...» [4].

Международное право феодально-абсолютистского государства не было разборчиво в отношении средств ведения войны. Так, Бинкершук и другие международники того периода считали допустимыми на войне и яд, и убийство военачальников, и истребление частной собственности [5]. Практика XVII и XVIII веков, например, практика войн Людовика XIV и Семилетней войны, не отставала в этом отношении от теории. В борьбе с революционной Францией коалиция монархов применяла неограниченный произвол в выборе средств войны. Английское правительство аргументировало защиту этого произвола в ноте от 17 июля 1793 г. тем, что «Франция сама

---

[1] Gama, Esquisse historique du service de santé militaire, P., 1841, p. 269.

[2] Martens, Recueil des traités, t. VI, pp. 744—748.

[3] Rouffiandis, Les hôpitaux de l'armée des Pyrénées Orientales, „Revolution française", 1938, pp. 145—174.

[4] Constant, De l'esprit de conquête et de l'occupation dans leurs rapports avec la civilisation européenne, pp. 16—17.

[5] См. Bynkershock, Quaestiones juris publici, l. I, cap. I.

поставила себя вне европейского публичного права». В войне с Францией ее противники прибегали к отравлению колодцев и пуль (в Шалоне, в Кайзерслаутерне и др.)[1], к похищению и убийству французских дипломатических агентов (Маре, Семонвиль, Басвиль, Бонье, Робержо), к подделке французских денег («фабрика» Пюизе и аббата Каллона)[2], к применению в невиданных ранее масштабах шпионажа, диверсий, провокации, подкупа и измены.

Многочисленная французская контрреволюционная эмиграция состояла на полном иждивении врагов Франции и пополняла их вооруженные кадры. Достаточно напомнить, например, корпус Кондэ и так называемую Киберонскую экспедицию. Внутренняя эмиграция, субсидируемая из-за границы (Тулонский «заем»), организовывала контрреволюционные заговоры и восстания (Вандея, шуаны) под руководством дворянства, оплакивавшего свои феодальные привилегии, и контрреволюционных церковников. «Всякий, кто посещает церковную службу, — враг республики», — признавался Малле дю Пан[3].

Грандиозная сеть иностранного шпионажа опутывает Францию. Неприятельская агентура пользуется услугами иностранных дипломатов, аккредитованных во Франции. Русский посол Симолин покупает французский дипломатический шифр, завербовывает на службу петербургского двора Талейрана и Мирабо; резолюция Екатерины II: «проявить щедрость» — свидетельствует, что «услуги» их оценивались достаточно высоко. Симолин содействует организации бегства в Варенн Людовика XVI и с секретным поручением Марии Антуанетты едет к германскому императору, чтобы активизировать военные операции коалиции против Франции[4]. Моррис, посол США в Париже, не только поддерживает жирондистов и активно борется с монтаньярами, но доходит до прямого поощрения роялистских заговорщиков[5]. Мадам де-Сталь, дочь бывшего королевского министра Неккера и жена шведского посла, превращает шведское посольство в конспиративный штаб противников Конвента и в связующее звено с зарубежной монархической эмиграцией. После высылки мадам де-Сталь из Франции ее заграничная вилла стала, по отзыву ее ближайшего друга Б. Констана, «магическим дворцом, откуда благодетельная фея отправляла добрых духов для борьбы с духами зла»[6]. Подобного же сорта «духи» имели на территории революционной Франции и других руководителей, вроде, например, Жозефа де-Местра, француза по происхождению, министра сардинского короля по должности, мистического апологета феодальной реакции по призванию и руководителя сар-

---

[1] См. „Recueil des actes du Comité de salut public", t. IX. p. 207

[2] Там же, t. IX, p. 604; t. X, p. 738; t. XVI, p. 55.

[3] См. „Archives parlementaires", t. LX, p. 98. t, LXIII, p. 143; „Recueil des actes du Comité de salut public", t. VII, p. 169 t. VIII, p. 58; t. IX, p. 222, 630 ff.

[4] „Французская революция 1789 г. в донесениях Симолина", „Литературное наследство", 1937, № 29/30, стр. 430, 431, 435, 448—450, 456—459, 489,524—532.

[5] H i l l, Gouverneur. Morria témoin de la révolution française 1792—94 „Révolution française", 1938, pp. 138—144.

[6] см. „Révolution française", 1907, t. LIII, pp. 178—181.

динских шпионов во Франции по совместительству; он же — организатор диверсий во французских Альпах (1793 г.) [1].

Наиболее крупные средства на шпионско-диверсионную работу во Франции тратила Англия. Агент Питта Викгэм, обосновавшись, безопасности ради, в нейтральной Швейцарии, покрывает оттуда Францию сетью своих высокооплачиваемых (2500 ливров в месяц и больше) «резидентов». «Викгэм и его касса,— говорит Сорель,— являлись настоящей обетованной землей для людей, желавших ловить рыбу в мутной воде. Не успел он явиться и открыть свой кошелек, как ему наперебой стали предлагать и выдачу государственных тайн республики, и подкуп всех республиканцев, и организацию восстания во всех французских департаментах» [2]. Яркая иллюстрация методов деятельности неприятельской разведки во Франции — события летом 1793 г. В июле этого года из документов портфеля, доставленного в Комитет общественного спасения, было обнаружено, что его владелец, крупный английский шпион, имел своих субагентов в Лилле, Нанте, Дюнкирхене, Руане, Аррасе, Сент-Омере, Булони, Туаре, Туре, Канне, т. е. как раз в тех самых городах, которые в 1793 г. оказались ареной контрреволюционных выступлений. В инструкции английским агентам на местах предлагалось вести систематическую кампанию по подрыву французской валюты и искусственному подъему дороговизны во Франции. «Поднимите курс до 200 ливров за 1 фунт стерлингов... Надо понизить, насколько возможно, курс ассигнаций и не принимать ассигнаций без изображения короля... Поднимите цены на все съестные продукты. Прикажите вашим торговцам скупить все продукты первой необходимости», — предписывалось в этой инструкции. Тем же агентам предписывалось озаботиться заготовкой фосфорных фитилей для поджога французских арсеналов и продовольственных складов. И действительно, поджоги и взрывы имели место в Дуэ, Валансьене, в корабельных мастерских Лорианского порта, на патронных заводах Байонны, в Шемильском артиллерийском парке и в других местах. Убийство Марата и покушения на Робеспьера — наглядный показатель того, что враги французского народа не отказывались в борьбе с революцией от применения и индивидуального террора [3].

Своих агентов враги Франции вербовали также среди иностранных эмигрантов, пользовавшихся правом убежища, великодушно и доверчиво предоставленным им французским народом. Среди перебежчиков и эмигрантов, выдававших себя за жертвы феодального террора, «оказалось немало шпионов, находивших более удобным устраивать свои дела под защитой трехцветной кокарды и красного колпака» [4]. Прусский барон и миллионер Клоотс («берлинский шпион», по свидетельству Марата), его кузен Проли, голландский банкир «Ван-ден-Ивер, австрийские купцы и агенты Готлоб и Добруска, они же — и братья Фрей, они же — Шенфельд, поляк Мячин-

[1] Матьез, Французская революции, т. IV, 1930, стр. 17, 92.
[2] Сорель, Европа и французская революция, т. IV, 1892, стр. 159.
[3] См. Матьез, Французская революция, т. III, стр. 94; см. также записку австрийского дипломата Мерси (Сорель, т III, стр. 256).
[4] Матьез, Французская революция, т. II, стр. 79.

ский и многие другие международные авантюристы [1] нанесли своей шпионской и провокаторской деятельностью немалый ущерб революционной Франции.

Кадры предателей пополнили собой и виднейшие представители жирондистской оппозиции. С углублением французской революции они в своей борьбе с монтаньярами докатились до службы в неприятельской агентуре. «Большинство жирондистов — не изменники,— говорит Маркс,— но среди них скрывались изменники» [2]. Карра, прославлявший в своих «Политических анналах» неприятельского главнокомандующего герцога Брауншвейгского, был награжден за «особые заслуги» прусским королем золотой табакеркой. Бриссо, обливавший помоями якобинцев («эта партия была и остается единственным источником всех бедствий, внутренних и внешних, удручающих Францию») одновременно пропагандировал водворение английского принца на французский престол. Многие другие жирондисты из числа тех, кто, по деликатному выражению Кунова, «отдавал свое перо тому, кто в нем нуждался и мог платить»,— типичные представители этой разновидности неприятельской агентуры во Франции [3].

Другой образчик логического завершения контрреволюционной борьбы черным предательством и изменой — это поведение «колонистов» (рабовладельцев-плантаторов) острова Сан-Доминго и других американских колоний Франции. Когда французское революционное правительство вступило на путь уравнения негров в правах с белыми, колонисты ответили на это контрреволюционным мятежом. Они пошли на заключение договора с Англией (3 сентября 1793 г.), по которому отдали себя под «покровительство» английского правительства. Последнее в свою очередь обязалось сохранить в силе «законы относительно собственности и всех других прав, которые существовали в колонии до французской революции» (ст. 5), иначе говоря — сохранить рабство и работорговлю [4].

Грязные щупальцы международной контрреволюции протягивались в самый центр государственного управления революционной Франции.

В архиве лорда Гренвилля, английского министра иностранных дел, современника французской революции, имеется двадцать восемь донесений английского шпиона во Франции, сносившегося с английским правительством через английского резидента в Генуе Ф. Дрэка. Дрэк квалифицирует своего корреспондента как «секретаря Комитета» (общественного спасения) [5]. Отсюда — многозначительные пометки в записной книжке Робеспьера: «Гнусное разглашение секретов Комитета либо со стороны канцелярских служащих, либо со стороны других лиц... Изгоните, прежде всего, преда-

---

[1] См. Матьез, Французская революция, т. III, гл. VIII.

[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 603.

[3] См. Кунов, Борьба классов и партий в Великой французской революции, М., 1923, стр. 314.

[4] См. Leclerc, La trahison des colons-aristocrates de Saint-Dominique en 1793—94, „Annales historiques de la révolution française", 1934, pp. 348—350.

[5] См. Aulard, Les bulletins d'un espion royaliste dans les papiers de lord Granville. La revolution française, 1897, pp. 121—128.

теля, который заседает вместе с вами». Вторая запись Робеспьера: «Иметь два плана; один — для канцелярских служащих», т. е. специально для наведения шпионов на ложный след. Известные в настоящее время исторические материалы позволяют утверждать, что неприятельские государства имели свою агентуру не только в аппарате Комитета общественного спасения, но и среди его руководителей. Достаточно сказать, что агентом врагов французского народа был Дантон.

Моральная неразборчивость и денежная нечистоплотность были издавна ахиллесовой пятой Дантона[1]. Начав свою политическую карьеру бедняком, Дантон стал потом миллионером. В 1801 г. бывший начальник тайной полиции Талон показал перед судом консульства, что во время процесса Людовика XVI «Дантон обещал спасти всю королевскую семью» и что операция сорвалась только потому, что «иностранные державы отказались пойти на материальные жертвы, которых требовал Дантон...»[2]. По свидетельству американского посла Морриса, Дантон подготовлял заговор для воцарения дофина (Людовика XVII), обеспечив за собой место регента[3]. Показания Талона полностью подтверждаются Т. Ламеттом в его мемуарах, а также отправкой самого Талона в Англию к Питту с секретными поручениями от Дантона. Через того же Талона Дантон и сам заручился паспортом для выезда в Англию. Несмотря на противодействие Робеспьера, Дантон провел избрание в Конвент герцога Орлеанского (Ф. Эгалитэ), что объяснялось еще современниками Дантона как результат денежной сделки между ним и герцогом, тесно связанным с английским правительством[4]. Из недавно обнаруженных рукописных заметок французского короля Людовика Филиппа, сына герцога Орлеанского и соучастника измены Дюмурье, видно, что Дантон предлагал ему свое содействие для захвата французского престола[5]. Дантон поддерживал тайные сношения с маркизом Ларуари, организатором контрреволюционного восстания в Бретани. Причины скрытого «влечения» Дантона к Англии, равно как и другие его «опасные связи», стали ясны после опубликования документов, найденных у Дантона при аресте. В бумагах Дантона было обнаружено письмо, адресованное английским министерством иностранных дел своему банкиру Перрего (английскому тайному агенту в Париже). В этом письме английское правительство предлагало Перрего выплатить различным лицам, обозначенным условными инициалами, 3, 10 и 12 тысяч ливров в награду «за существенные услуги, которые они нам оказали, раздувая пламя возмущения и доводя якобинцев до пароксизмов ярости». По справедливому замечанию Матьеза, «это письмо могло фигури-

---

[1] См. Lefebvre, Sur Danton, „Annales historiques de ba révolution française", 1932; pp. 385—424, 485—500; Матьез, Французская революция, т. II, стр. 93. 100; Mansuy, Robespierre Vu de Pologne, „Annales historiques de la révolution française", 1933, pp. 228—229.

[2] Матьез, Французская революция, т. II, стр. 131:

[3] См. „American State papers foreign relations" t. I, p. 343.

[4] См. Сорель, Европа и французская революция, т. II, стр. 47—49.

[5] См. Матьез, Французская революция, т. II, стр. 125.

ровать в бумагах Дантона только потому, что Перрего сообщил его Дантону как лицу, непосредственно заинтересованному»[1].

Ближайшими сотрудниками Дантона в его сношениях с заграницей были министр иностранных дел Лебрен, впоследствии оказавшийся секретным агентом Австрии (с 1787 г.) и Англии[2], а также банкир Проли, тайный агент австрийского правительства, он же — секретарь члена Комитета общественного спасения Эро де-Сешеля. Последний, ежегодно менявший свою политическую окраску (фельян — жирондист — монтаньяр — гебертист), будучи членом Комитета общественного спасения, перебросил за границу целую банду неприятельских шпионов — Перейру, Дюбюиссона, Куендра, Лафайя, работавших на де-Мона и Симона, тайных агентов германского императора, и сам, по признанию Фабра д'Эглантин, был активным участником иностранного заговора. Именно его имела в виду приведенная выше запись Робеспьера, и о нем же отзывался Сен-Жюст, говоря: «Доверие не имеет цены, когда его приходится делить с подкупленными людьми». Часто неприятельская агентура свивала себе гнездо в таких французских учреждениях и организациях, которые казались весьма далекими от политической арены. Так, например, отделением английской разведки оказался «филантропический институт» в Бордо[3].

Одним из орудий борьбы против Франции со стороны коалиции была провокация к измене командного состава революционных армий; не было почти ни одного видного французского полководца, которого враги Франции не пытались бы склонить к измене, — от Люкнера и Депре-Красье до Гоша, Моро и Бонапарта[4]. Имена и действия генералов-изменников — Дюмурье, Пишегрю, Вимпфена, Вилло и Кюстина, адмиралов Трогофа, Пюиссара и Шоссгро — говорят сами за себя.

Революционный Конвент не ограничился сокрушительным ударом по вражеской агентуре внутри страны. Заклеймив постановлением от 1 августа 1793 г. способы ведения войны монархической коалицией как «поведение трусливое, вероломное и жестокое», как «подкуп убийств, отравлений, поджогов и всех преступлений для торжества тирании и для уничтожения прав человека», Конвент и руководимые им французские революционные армии ответили врагам Франции новой военной тактикой[5] и новыми методами революционной войны. Вместе с тем в ряде случаев французское правительство считало необходимым отплачивать противнику его же оружием. Так, например, из донесений французского командования было установлено, что английские парламентеры неоднократно являлись во французские порты и укрепленные пункты, чтобы под предлогом переговоров разведывать состояние французских укреп-

---

[1] Матьез, Французская революция, т. III, стр. 95.

[2] Herlaut, Les négociations du général Custine avec l'ennemi „Annales historiques de la révolution française", 1932, p. 519.

[3] См. Caudrillier, L'association royaliste de l'institut philanthropique à Bordeaux et la conspiration anglaise en France, „Révolution française", 1908, t. 54.

[4] Basdevant, La révolution française et le droit de la guerre continentale P., 1901, p. 174.

[5] См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 171—172.

лений и расположение частей. Временный исполнительный совет постановлением от 17 мая 1793 г. предложил французскому командованию «прибегнуть к репрессалиям, направляя парламентеров с той же самой целью и с аналогичными инструкциями» [1].

Не отказывалось французское правительство и от диверсий, применяя их, однако, исключительно к объектам военного значения. Например, комиссар и член Конвента Мерлен (Тионвилль) сообщает 8 марта 1793 г. военному министру: «В Гейдельберге находится склад, способный прокормить их (австрийскую) армию в течение всей кампании; мне обещали его сжечь; я обещал от имени нации вознаграждение» [2]. Следует, однако, отметить, что всякого рода предложения, делавшиеся французскому правительству, о применении к неприятельским королям и военачальникам индивидуального террора (проекты «тираноубийц»), им систематически отклонялись [3]. Точно так же, когда Комитету общественного спасения сделано было одним англичанином предложение о подделке билетов Английского банка, Комитет не только категорически отверг это предложение, но по докладу Барера 26 июня 1794 г. заключил его автора в тюрьму [4].

24 сентября 1793 г. Комитет общественного спасения постановил во всех государствах, кроме США и Швейцарии, иметь свою секретную агентуру. Записка «о плане наблюдения» требовала от французских секретных агентов, помимо информации, ведения активной пропаганды («указывая на недостатки правительств, на тягость и бесполезность войны») [5].

Одной из наиболее грозных мер международной борьбы в руках революционной Франции была революционная пропаганда и сотрудничество с национально-освободительным движением в неприятельских странах. Базой для этого послужил знаменитый декрет от 19 ноября 1792 г., обещавший «братство и помощь всем народам, которые пожелают вернуть себе свободу». Согласно официальному комментарию, данному в ноте французского министерства иностранных дел от 9 декабря 1792 г., декрет предусматривал, во-первых, поддержку со стороны Франции восстания, вспыхнувшего на неприятельской территории, и во-вторых, помощь народам, совершившим у себя революцию, если их революционные правительства обратятся к Франции за этой помощью [6].

При использовании французским правительством революционного движения в стране неприятеля ясно наметилось расхождение двух тактик в самой Франции. Для жирондистов зарубежная революция была прежде всего средством ослабления противника; отсюда — «экспорт революции» и отказ от него как разменная монета при заключении мира. Якобинцы — противники «пропаганды ору-

---

[1] „Recueil des actes du Comité de salut public", t. IV, pp. 203—204.

[2] Там же, т. II, стр. 294

[3] См, „Archives parlementaires", t. XLIX, pp. 12—13; Aulard, Société des jacobins, t. V, p. 357.

[4] См. „Moniteur". 10 prairial, an. II.

[5] Сорель, Европа и французская революция, т. II, стр. 78; т. III, стр. 420—421; т. IV, стр. 51.

[6] См. „Archives parlamentaires",t. LV, p. 165.

жием». Они интересовались только теми движениями, которые считали созвучными плебейской революции во Франции, и стремились установить с ними единый фронт против общих врагов. Типичные образчики жирондистской тактики — попытка французского посла в США Жене революционизировать американские колонии Испании [1] и план Бриссо — Форстера поднять Индию против англичан при помощи Типо-Саиба, поскольку «магометанская религия, очищенная от фанатизма, при мягком климате Индии не противится прогрессу и просвещению» [2]. Примером якобинской тактики может служить сдержанная позиция Конвента в переговорах с вождями польского восстания (Костюшко и др.). В этом смысле характерно постановление Комитета общественного спасения от 28 апреля 1794 г. «выслушать польского агента, ничего не обещая», а также заявление Сен-Жюста польскому уполномоченному Барсу: «Франция не отпустит ни малейшей крупицы золота, не рискнет жизнью ни одного человека для укрепления революции в Польше, если она будет направлена к установлению правительства аристократического или королевского» [3].

Директория и Бонапарт расценивали революцию у неприятеля с точки зрения чисто военной диверсии. Так, в начале 1796 г. Директория одобряет план высадки в Англии французского отряда для поддержки ирландских революционеров. План предусматривает набор для десанта людей, «доступных приманке добычи, умеющих, по примеру флибустьеров на Антильских островах, внести среди своих врагов ужас и смерть». Для этой цели рекомендуется терроризировать землевладельцев, «возмущать рабочих», а в качестве ядра для экспедиции использовать «освобожденных каторжников» [4].

Еще откровеннее выражался Наполеон. «С тех пор, как я в Италии,— писал он 7 октября 1797 г. министру иностранных дел,— любовь народов к свободе и равенству мне совсем не помогала, или, по крайней мере, помогала в очень слабой степени... Такова действительность: все, что годится для прокламаций, для печатных речей, все это — беллетристика» [5]. Пример подобной «беллетристики» — приказ Наполеона генералу Жентили (1797 г.) об управлении греческими островами: «Если жители будут склонны к независимости, вы будете услаждать их вкус и не преминете говорить в различных прокламациях, которые вы обнародуете, о Греции, об Афинах и о Спарте».

Новые принципы внесла французская революция и в институт военной оккупации.

Военная оккупация в феодальном международном праве не знала никаких ограничений. Захваченная войсками одного феодала территория другого становилась собственностью завоевателя, жители завоеванной территории становились его подданными. Оккупация,

[1] См. „Révolution française", 1899, t. 37, p. 379; „Recueil des actes du Comité de salut public", t, VII, p. 359.

[2] См. Сорель, Европа и французская революция, т. III, стр. 199, 328.

[3] Grossbart, La politique polonaise de la révolution française, „Annales historique de la révolution française", 1929, 1930

[4] Сорель, Европа и французская революция, т. V, стр. 41—42.

[5] Chevalley, Droit des gens napoléonien, P., 1911, p. 13.

как правило, сопровождалась ограблением занятой местности и произвольно жестоким обращением с ее населением. По выражению современников, короли, занимая неприятельскую территорию, грабили ее «по-королевски» (regalier).

Совершенно на других началах построена была военная оккупация в практике французских революционных войн. Декрет Законодательного собрания от 20 апреля 1792 г. гласил: «Мирные граждане, страна которых будет занята войсками, отнюдь не будут для них врагами; они не будут даже подданными. Государственное принуждение, временным носителем которого будет армия, будет употребляться только для обеспечения их спокойствия и для поддержания их законов... Солдаты будут вести себя на иностранной территории так, как бы они вели себя на французской территории, если бы были вынуждены сражаться на ней. Невольные страдания, которые войска могли бы причинить гражданам, будут возмещены. «Наше оружие, — разъясняет инструкция французского министерства иностранных дел,— не должно присваивать ни чужого золота, ни чужих земель» [1].

16 ноября 1792 г. Временный исполнительный совет обсуждал «поведение французских армий в оккупированных ими землях и специально в Бельгии». Совет высказался за свободу плаванья и торговли по бельгийским рекам — «течение рек — общая и неотчуждаемая собственность всех стран, омываемых их водами». В качестве мотива такого решения совет указывал: «Честь французской республики требует, чтобы везде, где распространяется покровительство ее армий, свобода была восстановлена, а тирания низвергнута» [2].

19 ноября 1792 г. Конвент, обещая «братство и помощь всем народам, которые пожелают вернуть себе свободу», предлагает правительству дать необходимые указания французским генералам «для оказания помощи этим народам, для защиты тех граждан, которые подвергались преследованию за дело свободы или могут подвергнуться» [3].

Ноябрьские декреты получают свое дальнейшее развитие и дополнение в декрете от 15 декабря 1792 г. [4]. Согласно декрету, генералы, командующие французскими армиями, немедленно по занятии неприятельской территории провозглашают упразднение всех феодальных прав, налогов и повинностей (ст. 1). Они созывают население на первичные собрания для избрания временных властей взамен упраздненных (ст. 2). В выборах участвуют принесшие присягу свободе и равенству (ст. 3). Избранные власти действуют совместно с комиссарами Конвента (ст.ст. 5 и 7). Их полномочия оканчиваются после организации населением правительства свободного народа (ст. 9). С населением, которое «откажется от свободы

[1] Duvergier, Collection des lois, t. IV, p. 125; Sorel. op. cit., t. III, pp. 126—127.

[2] Nys, Etudes de droit international, Bruxelles, 1896, p. 584.

[3] „Moniteur", 21 décembre 1792.

[4] См. „Archives parlementaires", t. LX, pp. 70—76; „Recueil des actes du Comité de salut public", t. I, pp. 331—335.

и равенства» и пожелает сохранить феодально-абсолютистский строй, Франция будет обращаться как с врагом (ст. 11). Французские ассигнации получают хождение на оккупированной территории, имущество «привилегированных» секвеструется, чрезвычайные контрибуции взимаются только с «привилегированных» и богачей по принципу «мир хижинам, война дворцам». 21 января 1793 г. декабрьский декрет был распространен на все оккупированные французскими войсками территории.

Сопротивление бельгийских помещиков, церковников и влиятельных кругов бельгийской буржуазии, интересы которой не всегда совпадали с интересами французской буржуазии, имело своим следствием издание декрета от 15 сентября 1793 г., предлагавшего французским генералам «осуществлять в отношении стран и лиц, покоренных их оружием, обычное право войны».

Декрет был уточнен инструкцией Комитета общественного спасения от 18 сентября 1793 г. [1]. Это, однако, не значило, что прежние революционно-демократические методы обращения с населением изгонялись из французского оккупационного режима. Последний в первую очередь определялся соображениями военного порядка и безопасности (взятие заложников, обеспечение снабжения и экипировки войск за счет местных средств, реквизиция лошадей, продовольствия, металлов, пеньки, полотна, шерсти и пр.).

В документах французской революции находится ряд описаний совершенно исключительных форм осуществления оккупационного режима. Так, например, в донесениях комиссаров Конвента от 19 жерминаля II года описывается «бесподобное (sublime) поведение» французских войск на генуэзской территории: «Защитники отечества, утомленные, жаждущие отдыха, не решались мять зеленую траву, приглашавшую их к отдохновению... Если кто-нибудь по неосторожности ложился на зелень, которую считал бесполезной, то он предлагал, по первому заявлению собственника, оплатить ее стоимость и т. д.» [2]. Не подлежит, однако, сомнению, что во французской оккупационной практике встречались и эксцессы и злоупотребления. Иллюстрацией этого являются, например, «эвакуация» Пфальца, вымогательства поставщиков Дюмурье, деятельность Кюстина в Майнце [3]. Якобинец Пайян, один из близких друзей и соратников Робеспьера, горячо клеймит «ярость муниципализировать и присоединять, внушенную изменниками и глупцами» [4]. Но отдельные эксцессы не меняют той общей характеристики исторической сущности французской оккупации, которая дана была Лениным: «...в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это нисколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разру-

---

[1] См. „Recueil des actes du Comité de salut public", t. II, p. 255.

[2] „Recueil des actes du Comité de salut public", t. XII, p. 481.

[3] Там же, т. X, стр. 188, 413; Сорель, Европа и французская революция, т. III, стр. 120, 269, т. IV, стр. 124, 186; Матьез, Французская революция, т. II, стр. 171.

[4] Mathiez, La politique étrangère, Le plan Robespierre, „Annales historiques, de la révolution française", 1935.

шали и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой, крепостнической Европы»[1].

Революционный характер французской оккупации постепенно выветривается в период Директории и Бонапарта, т. е. вместе с закатом демократии внутри страны. «Элементы грабежа и завоевания» непрерывно разрастаются, доходя при Директории до образования «дочерних республик», а при Бонапарте — до насаждения на королевские престолы «братьев» Наполеона. В отношении роста и развития указанных элементов показателен приказ Наполеона к его итальянской армии от 27 марта 1796 г.: «Вы наги, плохо питаетесь... В вашей власти богатые области, большие города; там вы найдете себе честь, славу и богатство». Не менее характерна в этом смысле также переписка Директории с Бонапартом о систематическом изъятии художественных ценностей из городов оккупированной Италии, чтобы «присоединить к блеску военных трофеев очарование благотворных и утешительных искусств»[2]. Отметим попутно также характерное признание самого Наполеона, что «государям нечего было опасаться моего оружия», ибо оно нигде и никогда «не революционизировало их стран, не муниципализировало их городов и не подымало их подданных»[3]. Отсюда — отказ Наполеона во время русского похода от освобождения крепостных крестьян (письмо от 20 декабря 1812 г.). Тем не менее, несмотря на указанные факты, наполеоновская оккупация существенно отличалась от оккупации феодально-абсолютистских государств. Она приносила с собой в ряде стран новое гражданское право — Code Napoléon, евангелие победоносной буржуазии, которое, попадая даже на феодальную почву, расчищало пути для капиталистического развития.

Институты права морской войны в период феодально-абсолютистского государства отражали феодальный произвол (Faustrecht), помноженный на хищничество первоначального капиталистического накопления. Для этой эпохи типичны претензии отдельных держав на господство над открытыми морями (mare clausum), каперство, граничащее с пиратством и неуловимо в него переходящее, фиктивная «кабинетная», «бумажная» блокада и беспощадная борьба с неприятельской частной собственностью на море.

Будучи на море относительно слабой, революционная Франция вынуждена была в основном ограничиться здесь обороной. Однако и в этой области ею сделана была попытка глубокой реформы исторически сложившихся институтов права морской войны. 29 мая 1792 г. в Законодательное собрание был внесен проект декрета (Керсен) о полном запрещении как каперства, так и захвата частной собственности на море[4]. Собрание поручило правительству вступить в переговоры с другими государствами об отмене каперства. 19 июня 1792 г. французское правительство сде-

---

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 194.
[2] Сорель, Европа и французская революция, т. V, стр. 82.
[3] Napoleon I., „Correspondance", t. XXII, p. 254.
[4] „Moniteur", 1 juin 1792.

лало соответствующий запрос, но положительный ответ получило только от города Гамбурга. Сильнейшая морская держава — Англия — уклонилась от ответа и с начала войны против Франции широко пользовалась орудием каперства. Это побудило и французское правительство вступить на тот же путь (декрет Конвента от 31 января 1793 г.)[1].

Борьбу с неприятельской собственностью на море Франция начала с применения принципов франко-американского договора 1778 г. (флаг покрывает груз, кроме военной контрабанды), но затем также была вынуждена ответить талионом на соответствующие мероприятия своих врагов (английская нота от 17 июля 1793 г. и Orders in Council от 8 июня и 6 ноября 1793 г., от 8 января 1794 г. и др.)[2]. Отметим интересное решение французского призового трибунала по делу о захвате английского корабля «Мария». Последний, несмотря на английскую свою национальность, был освобожден судом от захвата, потому что направлялся с грузом продовольствия во французский порт, население которого страдало от недостатка съестных припасов. «Те, кто оказывает нам услугу, — говорилось в приговоре суда, — к какому бы народу они ни принадлежали, являются нашими друзьями»[3].

Широкое распространение в войнах французской революции получил институт морской блокады. Вопреки принципу, провозглашенному I Лигой вооруженного нейтралитета в 1780 г. (требование эффективности блокады), английское правительство многократно применяло против Франции заведомо фиктивную блокаду. Устами Питта оно мотивировало эту политику следующим образом: «Франция должна быть оторвана от мировой торговли, и с ней надо обращаться так, как если бы она имела один только город, один только порт, и это место было бы подвергнуто блокаде и обречено на голод с суши и с моря»[4]. Последним ответом со стороны Франции на английскую блокаду была «континентальная блокада», провозглашенная Наполеоном I в его берлинских и миланских декретах от 21 ноября 1806 г. и 23 ноября — 17 декабря 1807 г.[5].

Морская политика французской революции — естественное продолжение провозглашенного ею же принципа свободы международных рек — была выражением жизненных интересов молодого французского капитализма, отвоевывавшего от монополистов лондонского Сити и их полуфеодальных союзников право на свободную конкуренцию, на открытые двери и открытые моря.

Заканчивая обзор международно-правовых новелл французской революции в области права войны, необходимо остановиться на режиме нейтралитета.

---

[1] См. Pistoy et Duverdy, Traité des prises maritimes, P., 1859, t. I, pp. 7—12.

[2] См. Wheaton, Histoire des progrès du droit des gens, Leipzig, 1865, t. II, pp. 32—34.

[3] Pistoy et Duverdy, Traité des prises maritimes, t. I, p. 31.

[4] Redslob, Histoire des grands principes du droit des gens, P., 1923, p. 330.

[5] См. Тарле, Континентальная блокада, М., 1913, стр. 253—297 и др.

Феодально-абсолютистское государство понимало нейтралитет как предоставление обеим воюющим сторонам одинаковых возможностей. На этом основании допускались проход воюющих армий через нейтральную территорию (passage inoffensive), вербовка солдат воюющими в нейтральном государстве и даже односторонняя поставка войск одному из воюющих, если она производилась в силу заключенного ранее договора [1].

Напротив, декрет Конвента от 17 ноября 1793 г. «обязывает граждан и всех гражданских и военных служащих республики уважать и заставлять уважать территорию всех нейтральных или союзных наций» (ст. 4). Исходя из этих принципов, Франция считала нарушением обязанностей нейтралитета пропуск нейтральным государством через свою территорию неприятельской армии. Поэтому германские княжества, допустившие проход австро-прусских войск, рассматривались Францией как враждебные Франции государства. Отдельные германские государства (Нассау-Сешен и др.), выставив свои воинские контингенты для включения в состав имперской австрийской армии, продолжали считать себя нейтральными, ссылаясь на свою «готическую конституцию» [2]. Франция отвергла этот тезис, заявив, что государство, «выставив свой контингент, не может называться нейтральным иначе как в насмешку» [3]. По франко-прусскому договору от 17 мая 1795 г. Франция соглашалась признавать нейтральными германские государства, расположенные к северу от Майна, при условии, что они отзовут свои контингенты из имперской армии и будут строго соблюдать обязанности нейтралитета [4]. Точно так же, признавая нейтралитет швейцарских кантонов, французское правительство не возобновило прежних франко-швейцарских капитуляций, предоставлявших Франции право вербовать себе солдат в Швейцарии [5]. Когда отдельные представители французского военного командования или дипломатии нарушали права нейтральных государств, французское правительство немедленно призывало их к порядку (инцидент с генералом д'Ансельмом в Италии и с послом Женэ в США) [6].

В период Директории и Бонапарта наблюдается определенный регресс и в области применения прав нейтралитета. Так, например, 19 января 1796 г. Директория дает инструкцию главнокомандующему французскими войсками в Италии: «Мы не хотим ссориться с генуэзцами, мы не желаем подвергать опасности их нейтралитет; тем не менее нужно, чтобы они дали нам денег на наши потребности. Изобилие находится за дверью, которую придется взломать» [7]. Наполеон еще меньше церемонился со «взломом» нейтральных дверей, примером чего могут служить оккупация Тосканы, Египта и захват на баденской территории герцога Энгиенского.

---

[1] См. Grotius, De jure belli ac pacis libri tres, l. III, cap. XVII; Vattel, Le droit des gens, l. III, ch. VI, §§ 95—101.

[2] „Archives parlementaires", t. LV, p. 104.

[3] „Recueil des actes du Comité de salut public" t. II, p. 290.

[4] См. Сорель, Европа и французская революция, т IV, стр. 257.

[5] Basdevant, op. cit., p. 203.

[6] См. „Recueil des actes du Comité de salut public", t, I, pp. 213—214. Сорель, Европа и французская революция, т. III, стр. 336.

[7] Сорель, Европа и французская революция, т. V, стр. 43.

Французские нововведения в области нейтралитета, вошедшие в практику XIX века и закрепленные, в частности, в гаагских конвенциях 1907 г., связаны как с новой системой организации армии (отказ от наемных и иностранных контингентов), так и с характером войн революционной Франции («народный суверенитет», новое понятие территории и пр.), не допускавшим того обращения с нейтральными странами, которое типично для феодально-абсолютистского периода. Наконец, ставка Конвента на международное сотрудничество буржуазии против феодальной реакции также сыграла немалую роль в утверждении новой концепции нейтралитета.

III

Нам остается подвести итоги и ответить на вопрос, что внесла французская буржуазная революция 1789 г. в международное право вообще и в право войны в частности.

В буржуазной литературе мы находим на этот вопрос различные ответы. Одни авторы настолько переоценивают исторический вклад французской революции, что находят в ее опыте готовые образцы и договора Лиги наций (Редслоб), и проекта Международного суда (Ланге), и пакта Келлога, и системы коллективной безопасности (Олар) [1].

Нельзя, однако, согласиться и с теми исследователями, которые, впадая в противоположную крайность, склонны недооценивать международно-правовое значение французской революции. Так, по мнению Сореля, французские революционеры «не разрушают традиций старого порядка, а присваивают их себе. Они не вводят ничего нового, а продолжают старое» [2]. Шаллин также оценивает международно-правовую практику наполеоновской империи как «простой и ясный возврат к практическому и традиционному международному праву XVIII века [3].

Некоторые авторы пытаются дать более положительную характеристику международно-правового вклада французской революции, но в силу методологической порочности буржуазной науки не в состоянии выйти за рамки формально-догматических определений. Так, Ланге, повторяя почти текстуально Минье, констатирует, что французская революция превратила международное право из права междукоролевского в право междугосударственное [4]. По мнению Фурнола, международное право благодаря французской революции приобрело нормативный характер [5]. Для профес-

[1] См. Lange, Histoire de la doctrine pacifique, Recueil des cours de l'Académie de droit international, 1926, t. III, pp. 337, 340; Redslob, Histoire des grands principes du droit des gens, pp 289—290; Aulard, La guerre hors de loi—idée française, „Oeuvre", 14 juillet 1928.

[2] Сорель, Европа и французская революция, т. I, стр. 425—426.

[3] Challine, Le droit international public dans la jurisprudence française de 1789 a 1848, 1934.

[4] См Lange, op. cit., p. 336; Mignet, Histoire de la révolution française p. 184.

[5] См. Fournol, Le caractère international de la révolution française, „Révolution française", 1936, p. 228.

сора Оксфордского университета П. Виноградова революция 1789 г. положила основание новому типу международного права, построенному на переносе концепций частного права в право международное [1].

Пытаясь дать объяснение неоспоримого факта громадного влияния французской революции 1789 г. на международное право, буржуазная литература обычно обращается к различным политико-философским теориям писателей, предшественников французской революции, и объясняет соответствующие революционные акты как внутреннего, так и международного порядка влиянием того или иного мыслителя на вождей революции. Для Краббе, например, ясно, что государство, созданное французской революцией,—«практическое последствие рационализма XVII века», что Руссо — «библия французской революции», и т. д. [2]. Для Бадевана идеи Монтескье и Руссо «вдохновили новую практику революционных войн» [3]. Редслоб сначала искал истоки международного права французской революции у Локка и Руссо, а затем обнаружил их у Витториа, блаженного Августина и даже у Аристотеля [4]. Аленгри не пошел так далеко и ограничился Декартом [5]. Зато Нис возводит французскую международно-правовую теорию к английской философии XVII в., устанавливая нижеследующую филиацию: Гоббс, Локк, Бэкон, Вольтер, Монтескье, Руссо, Мабли, Тюрго, Рейналь, Гольбах, Кондорсэ и т. д. Конечный вывод Ниса — будучи выражением принципов индивидуализма внутри страны, «французская революция была таковой же и в сфере международных сношений» [6]. Матьез, заявляя отвод против Монтескье, пополняет список Ниса Бентамом и заканчивает его Кантом и Руссо, квалифицируя последнего как пионера «революционного патриотизма» [7]. Насколько теоретические схемы подобного сорта приводят исследователя к самым произвольным выводам, видно на примере проф. Буркена: он выводит из доктрины народного суверенитета «священный эгоизм», «национализм» и прочие корни международных конфликтов [8], в то время как Вамбог из того же принципа народного суверенитета выводит плебисциты, борьбу с международной агрессией и с политикой завоеваний [9].

---

[1] См. Vinogradoff, Historical types of international law, Bibliotheca Visseriana, 1923, pp 53—56.

[2] K. abbe, L'idée moderne de l'Etat. „Recueil des cours", 1926, t. III, pp. 558—564.

[3] Basdevant, op. cit., p. 3.

[4] См. Redslob, Das Problem des Völkerrechts, Leipzig, 1917, ss. 217—219, „Les principes du droit des gens", P., 1937, p. 245.

[5] См. Alengry, La philosophie politique de la révolution française, „Révolution française", 1938, p. 112.

[6] Nys. Etudes, pp. 318—345, 406.

[7] Mathiez, La plase de Montesquieu dans l'histoire des doctrines politiques du XVIII siècle, „Annales historiques de la révolution française", 1930, pp. 97—112; „Pacifisme et nationalisme au XVIII siècle", „Annales historiques de la révolution française", 1936, pp. 8—16.

[8] См. Bourguin, Règles générales du droit de la paix, „Recueil des cours" 1931, t. I, p. 20.

[9] См. Wambaugh, La pratique des plébiscites internationaux, 1927, t. III, p. 155.

Ключ к правильному уяснению международно-правовых позиций французской революции следует искать в тех социально-экономических изменениях, которые происходили во Франции того времени, в политике тех классов и групп, которые стояли у кормила ее государственной власти. В некоторых вопросах классовая подоплека сама бьет в глаза. Так, например, когда революционная Франция защищала перед лицом монархической коалиции принцип народного суверенитета, отвергала право одного государства вмешиваться во внутренние дела другого, когда ее победоносные армии содействовали ликвидации в оккупированных областях пережитков феодального строя или когда французское правительство добивалось отмены каперства и «свободы морей» как коррелата к «свободе торговли», то ясно и без комментариев, чьи классовые интересы здесь доминировали. В других случаях для выяснения соответствующей классовой заинтересованности требуется предварительный анализ. Так, например, понять новые принципы обращения с ранеными и пленными, можно, только уяснив себе новые методы пополнения французской армии и участие в ее рядах основных масс французской буржуазии и ее «резервов» (крестьянские и др.).

Таким образом, в соответствующих институтах международного права новый класс, ставший господствующим во Франции, стремился закрепить в международных отношениях порядок, угодный и выгодный буржуазии. Говоря о порядках, угодных и выгодных буржуазии, не следует впадать в упрощенчество и отождествлять классовую выгоду с узко карманными интересами французского купца или промышленника. Следует помнить указание Ленина, что «революция 1789 года во Франции, 1848 года в Германии и других странах была буржуазной революцией, потому что освобождение страны от абсолютизма и от помещичьих, крепостнических привилегий давало на деле свободу развития капитала. Но, само собою разумеется, такая революция самым настоятельным образом требовалась интересами рабочего класса, и даже «беспартийные», неорганизованные в класс, рабочие 1789 и 1848 годов были передовыми борцами французской и немецкой революции»[1]. Поэтому и в правовых институтах этого периода как государственного права, так и международного мы находим ряд положений, которые для своего времени были прогрессивными и демократическими.

О влиянии международно-правовых принципов французской революции на современников ярко говорит тот факт, что даже враги ее, полуфеодальные правительства, вынуждены были, — пусть лицемерно и обманывая массы, — обращаться к языку и приемам революции. Напомним, например, конфискацию церковных ценностей в Испании, провозглашение поголовного восстания в Австрии, спекуляцию национально-освободительными лозунгами в Пруссии и т. д.[2]. Не приходится говорить о том могучем отклике, который

[1] Ленин, т. XVI, стр. 186.

[2] См. Mathiez, La révolution française, „Annales historiques de la révolution française", 1933, p. 21.

находили международно-правовые идеи французской революции в буржуазно-демократических и национально-освободительных движениях в других государствах земного шара, вплоть до далеких стран Южной и Центральной Америки [1].

В связи с дальнейшими победами буржуазии над феодалами в ряде стран Европы и Америки международно-правовые новеллы Великой французской буржуазной революции завоевывали себе все более широкое международное признание. Многие из них получили свое юридическое оформление как «общепризнанные начала международного права» и в качестве таковых вошли в различные договоры и конвенции XIX века. Известное указание Ленина, что «... весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции» [2], применимо полностью и к международному праву; достаточно для этого сопоставить содержание, например, международных соглашений о «законах и обычаях войны» (женевские и гаагские конвенции) с положенной в их основу международно-правовой практикой французской революции.

Выставляя новые передовые принципы международного права, французская буржуазия не была, однако, последовательной в их реализации. Мы уже отмечали изменение французской международно-правовой практики в период Директории и Наполеона, что являлось неизбежным следствием реакции внутри страны и сужения массовой базы французского буржуазного государства. «Буржуазная революция, — говорит товарищ Сталин, — не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплоатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплоатируемыми...» [3]. Как внутри страны буржуазия не может довести до конца буржуазную революцию и вымести дочиста грязь средневековья, так и в международных отношениях ни одно буржуазное государство не может быть до конца последовательно-революционным (торг народами Директории, наполеоновские завоевания и пр.).

Многие из прогрессивных принципов французской революции требовали в качестве необходимой предпосылки для своего осуществления в международном праве (например в праве морской войны) тесного международного сотрудничества государств. Между тем их разделяла глубокая пропасть противоречивых интересов. Здесь сказывался не только классовый антагонизм между пришедшей к власти буржуазией и отживавшим феодализмом, но и антагонизм интересов отдельных буржуазных государств, т. е. их правящих национально-капиталистических групп, ибо подлинно интернациональной может быть только та революция, которая несет

---

[1] См. Matos, L'Amérique et la Société des Nations, „Recueil des cours", 1929, t. III, pp. 19—23; Guani, La solidarité internationale dans l'Amerique Latine, 1925, t. III, pp. 215—216; Vitta, La défense internationale de la liberté et de la moralité individuelle, 1935, t. III, p. 566.

[2] Ленин, т. XXV, стр. 304.

[3] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 112.

с собой ликвидацию всех форм эксплоатации человека человеком. В качестве примера можно привести, помимо вооруженной борьбы английской буржуазии с французской, позицию США по отношению к Франции (конфликт из-за торговли с Антильскими островами и др.), завершившуюся отказом США от выполнения союзного договора с Францией. Характерен для буржуазной республики мотив этого отказа: договор военного союза был заключен правительством США с французским королем и потому он не распространяется-де на республиканскую Францию [1].

Что дает нам, людям сталинской эпохи и гражданам великой социалистической родины, международно-правовой опыт революционной Франции и почему, в частности, мы, советские международники, вместе со всем, что есть честного и передового в современном человечестве, участвуем в торжестве 150-летней годовщины французской буржуазной революции?

Сегодня, когда загнивающий капитализм судорожно расправляется с заветами Великой французской революции и варварски топчет все то, что еще осталось от ее завоеваний, когда под лживой маской демократизма финансовая олигархия обделывает свои делишки за счет обманываемых и ограбляемых народов, когда те, кто без всякого на то права именуя себя потомками якобинцев, загоняют в подполье коммунистическую партию, единственную партию, действительно стоящую на страже национальных интересов и безопасности страны, — особенно своевременно напомнить ту подлинно революционную войну, которую вел против всех сил европейской реакции и феодального мракобесия полтора столетия тому назад героический французский народ. Самоотверженно борясь с коалицией тиранов, обороняясь от их войск и прихвостней внутри страны и за ее пределами, возглавляемый великими патриотами — якобинцами 1793 г., французский народ заложил тогда основы нового, буржуазно-демократического государственного строя и в пламени своих революционных войн формулировал новые принципы международного права, для своего времени передовые, гуманные и демократические.

Советское государство, социалистическое отечество трудящихся всего мира, — творец и хранитель социалистического демократизма. Созданная им Сталинская Конституция является единственной в мире до конца демократической конституцией. СССР, братский союз свободных народов, — прообраз мирового Союза советских социалистических республик. Международная политика СССР, его неуклонная борьба с империалистическим насилием, борьба за действительное равноправие народов и государств, за подлинный мир и содружество народов — блестящий образец единственной, до конца демократической внешней политики. Только СССР, только страна победившего социализма может быть после-

---

1 См. Aulard, Washington et la clef de Bastille, „Révolution française", 1925, p. 9; Barcia Trelles, La doctrine de Monroe dans son développement historique „Récueil des cours", 1930, t. II, p. 413.

довательно демократической и на международно-правовой арене. Идет ли речь о законах государственных или о «законах и обычаях» международных, о «мирных» формах общения государств или о «праве войны», — только правовая практика социалистического государства может быть в условиях настоящего времени подлинно человечной, действительно гуманной, действительно освободительной и истинно демократической, ибо «демократия — это в настоящее время коммунизм» (Энгельс).

КОНСТИТУЦИЯ 3 СЕНТЯБРЯ 1791 г.*

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА [1]

Представители французского народа, образовав Национальное собрание и полагая, что лишь невежество, забвение прав человека и пренебрежение к ним являются единственными причинами общественных бедствий и пороков правительств, приняли решение изложить в торжественной декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека, чтобы такая декларация, неизменно пребывая перед взорами всех членов общественного союза, постоянно напоминала им их права и обязанности; чтобы действия законодательной и исполнительной власти при возможном сопоставлении в любой момент с целями каждого политического учреждения встречали большее уважение; чтобы притязания граждан, основанные отныне на простых и непререкаемых началах, устремлялись к соблюдению конституции и к всеобщему благополучию. Вследствие этого Национальное собрание подтверждает и провозглашает перед лицом высшего существа и с его благоволения следующие права человека и гражданина:

1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы.

2. Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

3. Источник суверенитета зиждется по существу в нации. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит явно из этого источника.

4. Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Границы эти могут быть определены только законом.

5. Закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества. Все же, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписываемому законом.

---

* Пояснительные примечания даны после текста конституций. См. стр. 193–208.

6. Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его образовании. Он должен быть равным для всех как в тех случаях, когда он оказывает свое покровительство, так и в тех, когда он карает. Всем гражданам ввиду их равенства перед законом открыт в равной мере доступ ко всем общественным должностям, местам и службам сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме обусловливаемых их добродетелями и способностями.

7. Никто не может подвергнуться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом, и при соблюдении форм, предписанных законом. Тот, кто испросит, издаст произвольный приказ, приведет его в исполнение или прикажет его выполнить, подлежит наказанию; каждый гражданин, вызванный [органами власти] или задержанный в силу закона, должен беспрекословно повиноваться; в случае сопротивления он подлежит ответственности.

8. Закон может устанавливать наказания, лишь строго и бесспорно необходимые. Никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, надлежаще примененного, изданного и обнародованного до совершения правонарушения.

9. Так как каждый предполагается невиновным, пока не установлено обратное, то в случае задержания лица всякая излишняя строгость, не вызываемая необходимостью в целях обеспечения его задержания, должна сурово караться законом.

10. Никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом.

11. Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может высказываться, писать и печатать свободно, под угрозою ответственности лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом.

12. Обеспечение прав человека и гражданина влечет необходимость применения вооруженной силы; эта сила, следовательно, установлена в интересах всех, а не в частных интересах тех, кому она вверена.

13. На содержание вооруженной силы и на расходы по содержанию администрации необходимы общие взносы; они должны распределяться равномерно между всеми гражданами сообразно их состоянию.

14. Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного обложения, свободно давать согласие на его взимание, следить за его расходованием и определять его долевой размер, основание, порядок и продолжительность взимания.

15. Общество имеет право требовать отчета у каждого должностного лица по вверенной ему части управления.

16. Общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции.

17. Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом несомненной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Национальное собрание, намереваясь утвердить Французскую конституцию на началах, только что признанных и провозглашенных им, отменяет бесповоротно установления, причинявшие ущерб свободе и равенству прав.

Нет более ни дворянства, ни пэрства, ни наследственных, ни сословных отличий, ни феодального порядка, ни вотчинной юстиции, никаких титулов, званий и преимуществ, проистекавших из этого порядка, никаких рыцарских орденов, ни корпораций или знаков отличия, для которых требовалось доказательство дворянства или благородства происхождения, и никаких иных преимуществ, кроме отличий, присвоенных общественным должностным лицам при исполнении их обязанностей.

Не существует более ни продажности, ни наследственности каких-либо государственных должностей. Ни для какой части нации, ни для одного индивида не существует более никаких особых преимуществ или изъятий из права, общего для всех французов.

Не существует более ни сословных цеховых управ, ни профессиональных, художественных или ремесленных корпораций.

Закон не признает более ни религиозных обетов, ни каких-либо иных обязательств, противных естественным правам или конституции.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ОБЕСПЕЧЕННЫЕ КОНСТИТУЦИЕЙ

Конституция обеспечивает следующие естественные и гражданские права:

1) всем гражданам открыт доступ к местам и должностям без каких-либо иных отличий, кроме проистекающих из их добродетелей и способностей;

2) все налоги подлежат раскладке между всеми гражданами равномерно, сообразно их состоятельности;

3) одни и те же правонарушения будут караться одними и теми же наказаниями независимо от каких-либо личных различий.

Конституция обеспечивает также в качестве прав естественных и гражданских:

свободу каждого передвигаться, оставаться на месте или покидать его без опасения подвергнуться задержанию или заключению иначе, как в порядке, предусмотренном конституцией;

свободу каждого выражать словесно и письменно, печатать и предавать гласности свои мысли, не подвергаясь никакой предварительной цензуре или проверке до их опубликования, а также от-

правлять обряды того вероисповедания, к которому он принадлежит;

свободу граждан собираться в общественных местах, сохраняя спокойствие и без оружия, с соблюдением полицейских законов;

свободу обращаться к установленным органам власти с петициями, подписанными отдельными гражданами.

Законодательная власть не может издавать законы, препятствующие осуществлению естественных и гражданских прав, перечисленных в настоящем разделе и обеспеченных конституцией, или нарушающие эти права; а так как свобода состоит в том, чтобы делать все, что не наносит ущерба правам других или общественной безопасности, то закон может установить наказание за совершение деяний, которые, нарушая общественную безопасность или права других граждан, вредны для общества.

Конституция обеспечивает неприкосновенность собственности и справедливое предварительное возмещение, если установленная законом общественная необходимость потребует имущественных жертв.

Имущества, предназначенные на покрытие расходов по отправлению религиозных обрядов, а также на обеспечение [деятельности] общеполезных учреждений, принадлежат нации и во всякое время находятся в ее распоряжении.

Конституция гарантирует действительность произведенного отчуждения имуществ или могущего последовать в порядке, установленном законом 2-а.

Граждане имеют право выбирать или назначать служителей культа.

Будет учреждено главное управление общественного призрения для воспитания покинутых детей, для облегчения участи неимущих убогих и для приискания работы тем здоровым неимущим, которые окажутся безработными. Будет обеспечено и организовано народное образование, общее для всех граждан, бесплатное в части, необходимой для всех людей; соответствующие учреждения будут распределены по степеням сообразно административному делению королевства. Будут установлены национальные празднества в ознаменование памяти французской революции для поддержания братства между гражданами, преданности конституции, родине и законам.

Будет издан кодекс гражданских законов, общих для всего королевства.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ [3]

О ДЕЛЕНИИ КОРОЛЕВСТВА И О СОСТОЯНИИ ГРАЖДАНСТВА

1. Королевство едино и неделимо. В его состав входят 83 департамента, каждый департамент делится на дистрикты, каждый дистрикт — на кантоны.

2. Французскими гражданами являются: лица, родившиеся во Франции от отца-француза; лица, родившиеся во Франции и из-

бравшие себе местожительство в королевстве; лица, родившиеся за границей от отца-француза, водворившиеся во Франции и принесшие гражданскую присягу; наконец, лица, родившиеся за границей и происходящие в любом числе поколений от француза или француженки, оставивших отечество по вероисповедным основаниям, но водворившиеся во Франции и принесшие гражданскую присягу.

3. Лица, родившиеся за пределами королевства от родителей-иностранцев и водворившиеся во Франции, становятся французскими гражданами после пятилетнего непрерывного пребывания в королевстве, если, кроме того, они приобретут здесь недвижимость, или женятся на француженке, или оснуют сельскохозяйственное или торговое предприятие, а также если они примут гражданскую присягу.

4. Законодательная власть в силу особых соображений может выдать иностранцу акт натурализации, но лишь под условием его водворения во Франции и принесения гражданской присяги.

5. Вот текст гражданской присяги: «Клянусь быть верным нации, закону и королю и всеми моими силами поддерживать конституцию королевства, изданную Национальным собранием в течение 1789, 1790 и 1791 годов».

6. Французское гражданство утрачивается: 1) вследствие натурализации в иностранном государстве; 2) вследствие присуждения к наказанию, влекущему за собой утрату гражданства, поскольку осужденный не восстановлен в правах; 3) вследствие заочного приговора, если такой приговор не отменен; 4) вследствие вступления в любой иностранный рыцарский орден или в любую иностранную корпорацию, требующие доказательства дворянства или благородства происхождения или требующие принесения религиозных обетов.

7. Закон признает брак лишь в качестве гражданского договора [4].

Законодательная власть установит для всего населения Франции без различия порядок удостоверения рождений, браков и смертей и назначит общественных должностных лиц для ведения и хранения записей гражданского состояния.

8. Французские граждане в силу тех местных отношений, которые возникают между ними вследствие сосредоточения их в городах и определенных сельских округах, образуют коммуны.

Законодательная власть может определять границы территории каждой коммуны.

9. Граждане, образующие ту или иную коммуну, имеют право избирать из своей среды на определенный срок в порядке, предусмотренном законом, муниципальные органы, призванные вести местные дела общины.

На муниципальные органы может быть возложено выполнение тех или иных действий, относящихся к общим интересам государства.

10. Правила, которым должны следовать муниципальные органы

при отправлении как своих муниципальных обязанностей, так и обязанностей, возложенных на них в общих интересах, будут установлены законом.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ [5]

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЛАСТЯХ

1. Суверенитет принадлежит нации: он един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем. Ни одна часть народа, никакое лицо не может присвоить себе его осуществления.

2. Нация, которая является единственным источником всех властей, может осуществлять их лишь путем уполномочия. Французская конституция имеет характер представительный; представителями являются законодательный корпус и король.

3. Законодательная власть вверяется Национальному собранию, в состав которого входят представители, свободно избранные народом на определенный срок, и осуществляется названным собранием с утверждения короля в порядке, предусмотренном ниже.

4. Форма правления монархическая. Власть исполнительная вверена королю и осуществляется под его главенством министрами и прочими ответственными органами в порядке, предусмотренном ниже.

5. Власть судебная вверена судьям, избираемым народом на определенный срок.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ [6]

1. Национальное собрание, образующее законодательный корпус, действует постоянно в составе одной палаты.

2. Оно избирается каждые два года путем новых выборов. Каждый промежуток в два года образует один законодательный период.

3. Постановление предшествующей статьи не распространяется на первый законодательный корпус, полномочия которого истекут в последний день апреля 1793 г.

4. Занятия законодательного корпуса будут возобновляться непосредственно в силу закона.

5. Законодательный корпус не может быть распущен королем.

Отдел I

Число представителей. Основания представительства

1. Число представителей законодательного корпуса достигает 745 от 83 департаментов, входящих в состав королевства, кроме тех представителей, избрание которых может быть предоставлено колониям.

2. Общее количество представителей распределяется между 83 департаментами в соответствии с территорией, населением и прямым обложением.

3. Из 745 представителей 247 избираются в соответствии с размерами территории. Каждый департамент избирает по три представителя, исключая департамент Парижа, который ограничится избранием одного.

4. 249 представителей избираются в соответствии с количеством населения. Вся масса активных граждан королевства делится на 249 частей, и каждый департамент избирает столько представителей, сколько таких частей содержится в общем количестве активных граждан департамента.

5. 249 представителей избираются в соответствии с прямым обложением. Вся сумма прямых налогов королевства также делится на 249 частей, и каждый департамент избирает представителей в соответствии с количеством уплачиваемых им таких частей налогов.

Отдел II

Первичные собрания. Избрание выборщиков[6]

1. Для выборов в Национальное законодательное собрание активные граждане каждые два года собираются на первичные собрания в городах и кантонах. Первичные собрания собираются самостоятельно, в силу закона, во второе воскресенье марта месяца, если они не созваны до того указанными в законе должностными лицами.

2. Активными гражданами являются французы по рождению или лица, вступившие во французское гражданство, которым исполнилось 25 лет от роду, имеющие местожительство в городе или кантоне в течение установленного законом времени, уплачивающие в любом месте королевства прямой налог в размере не менее стоимости трех рабочих дней и представившие расписку об его уплате, не находящиеся в услужении, т. е. не состоящие домашними слугами, внесенные в список национальной гвардии муниципалитета по месту жительства и принесшие гражданскую присягу[7].

3. Каждые шесть лет законодательный корпус определяет максимум и минимум стоимости рабочего дня, а органы департаментского управления определяют его местную стоимость для каждого дистрикта.

4. Никто не может ни осуществлять права активного гражданина более чем в одном месте, ни быть представленным другим лицом.

5. Права активного гражданина утрачивают состоящие под судом и следствием и те, кто по объявлении банкротства или несостоятельности, засвидетельствованных подлинными документами, не представит акта об удовлетворении своих кредиторов.

6. Первичные собрания избирают выборщиков в соответствии с числом активных граждан, проживающих в городе или кантоне. Один выборщик избирается на каждые сто активных граждан, присутствующих или отсутствующих на собрании; по два выборщика избирается от 150 и до 200 граждан и так далее.

7. Никто не может быть избран выборщиком, если кроме условий, необходимых [для внесения в число] активных граждан, он

не удовлетворяет нижеследующим требованиям [такими требованиями являются]:

в городах с населением свыше 6 000 — владение на правах собственности или пожизненное владение имуществом, приносящим по оценке, согласно налоговым спискам, доход, равный стоимости 200 рабочих дней по местным условиям, или наем жилого помещения, приносящего, согласно тем же спискам по оценке, доход, равный стоимости 150 рабочих дней;

в городах с населением менее 6 000 — владение на правах собственности или пожизненное владение имуществом, приносящим по оценке, согласно налоговым спискам, доход, равный стоимости 150 рабочих дней по местным условиям, или наем жилого помещения, приносящего, согласно тем же спискам по оценке, доход, равный стоимости 100 рабочих дней;

в сельской местности — владение на праве собственности или пожизненное пользование имуществом, приносящим, согласно налоговым спискам по оценке, доход, равный по местной стоимости 150 рабочим дням, или наем либо аренда имущества, ценность которого по налоговым спискам равна стоимости 400 рабочих дней.

У тех же, кто одновременно является собственником или пользовладельцем [узуфруктуарием], с одной стороны, съемщиком или арендатором — с другой, их средства по всем этим различным титулам объединяются, пока не достигнут предела, необходимого для признания за ними права на избрание.

Отдел III

Собрания выборщиков. Избрание представителей

1. Выборщики, избранные по каждому департаменту, собираются для выборов представителей в количестве, установленном для их департамента, а также для выборов их заместителей в количестве, равном трети числа представителей. Собрания выборщиков открываются самостоятельно в силу закона в последнее воскресенье марта месяца, если они не будут созваны ранее должностными лицами, указанными законом.

2. Представители и их заместители избираются абсолютным большинством голосов; они могут быть избраны лишь из числа активных граждан департамента.

3. Все активные граждане, независимо от их общественного положения, профессии или размера уплачиваемых налогов, могут быть избраны представителями нации.

4. Однако следующие ниже должностные лица обязаны произвести выбор между занимаемой должностью и депутатским полномочием: министры и прочие органы исполнительной власти, смещаемые по усмотрению короля, комиссары национального казначейства, агенты по взиманию и сбору прямых налогов, главноуправляющие по взиманию косвенных налогов и управляющие национальными недвижимыми имуществами, а также все, кто под каким бы то ни было наименованием привлечен к отправлению

должностей в королевской военной и гражданской квартире. Равным образом такой же выбор обязаны произвести начальники управлений, их помощники, муниципальные должностные лица и командиры национальной гвардии [8].

5. Отправление судебных обязанностей несовместимо со званием представителя нации в продолжение всего законодательного периода. Судьи [в случае их избрания] замещаются своими помощниками. Король в порядке поручений примет меры к замещению своих комиссаров при судебных установлениях.

6. Члены законодательного корпуса могут быть переизбраны на следующий законодательный период, а затем могут быть избраны вновь лишь спустя промежуток в один законодательный период.

7. Представители, избранные по департаментам, являются представителями не отдельного департамента, но всей нации; избиратели не могут выдавать им никаких наказов.

Отдел IV

Порядок ведения первичных собраний и собраний выборщиков

1. Деятельность первичных собраний и собраний выборщиков ограничивается производством выборов; по окончании выборов они немедленно расходятся и могут собраться вновь лишь в порядке созыва, кроме случаев, предусмотренных ст. 1 отдела II и ст. 1 предшествующего отдела III.

2. Ни один активный гражданин не может появляться и подавать свой голос в собрании, если он вооружен.

3. Вооруженные силы не могут быть введены в помещение собрания помимо его прямого требования, если только там не совершается насилия; в таких случаях достаточно приказа председателя собрания для ввода вооруженной силы в помещение собрания.

4. Каждые два года в каждом дистрикте по кантонам вывешиваются списки активных граждан; список каждого кантона печатается и вывешивается за два месяца до открытия первичных собраний. Заявления как против внесения граждан в список, так и на неправильный пропуск в списке предъявляются в суды для рассмотрения в сокращенном порядке производства. Список служит основанием для допущения граждан к участию в ближайшем первичном собрании, поскольку в него не будут внесены исправления судебными решениями, состоявшимися до открытия собрания.

5. Собрания выборщиков имеют право проверки полномочий и правоспособности всех явившихся на собрание; их постановления имеют предварительную силу впредь до постановления законодательного корпуса по проверке им полномочий депутатов.

6. Ни король, ни кто-либо из должностных лиц, назначенных им, ни в коем случае и ни под каким предлогом не могут принимать к рассмотрению вопросы ни относительно правильности созыва, ведения собрания, порядка выборов, ни относительно политических прав граждан; не может быть, однако, нанесен ущерб пра-

вомочиям королевских комиссаров в случаях, предусмотренных законом, когда вопросы, касающиеся политических прав граждан, должны быть переданы в суд.

Отдел V

Объединение представителей в Национальное законодательное собрание

1. Представители собираются в первый понедельник мая месяца в месте заседаний законодательного корпуса предшествующего периода.

2. Под председательством старейшего по возрасту они предварительно образуют собрание для проверки полномочий наличных представителей.

3. Как только число собравшихся достигнет 373 человек, полномочия коих проверены, они образуют Национальное собрание; последнее избирает председателя, товарища председателя и секретарей и приступает к выполнению своих обязанностей.

4. Если в продолжение всего мая месяца число наличных представителей не достигнет 373, то Собрание не может приступить к выполнению каких-либо законодательных действий. Оно может особым постановлением побудить отсутствующих членов обратиться к выполнению своих обязанностей в течение двухнедельного срока под угрозой штрафа в 3 000 ливров, если они не представят оправдания, признанного Собранием уважительным.

5. В последний день мая месяца представители образуют Национальное законодательное собрание независимо от количества наличных членов.

6. Представители все вместе именем французского народа приносят клятву «жить свободными или умереть». Затем каждый порознь приносит присягу «всеми своими силами поддерживать конституцию королевства, изданную Национальным учредительным собранием в течение 1789, 1790 и 1791 гг., не вносить никаких предложений и не давать согласия в продолжение законодательного периода на что-либо, что могло бы причинить ущерб конституции, и оставаться во всем верными нации, закону и королю».

7. Представители нации пользуются неприкосновенностью; они не могут быть подвергнуты преследованию, обвинению и не могут быть судимы когда-либо за выраженные ими словесно и письменно мысли или за деяния, совершенные ими при выполнении обязанностей представителей.

8. За уголовные деяния они могут быть задержаны на месте преступления или в силу приказа о задержании, но об этом должно быть немедленно сообщено законодательному корпусу; преследованию может быть дан дальнейший ход в силу постановления законодательного корпуса о том, что имеются основания для возбуждения обвинения [9].

ГЛАВА ВТОРАЯ

О КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ, О РЕГЕНТСТВЕ И О МИНИСТРАХ

Отдел I

О королевской власти и о короле

1. Королевская власть неделима — она вверена наследственно царствующему дому и переходит по мужской линии в порядке первородства, с постоянным исключением лиц женского пола и их потомства [10]. Ничто заранее не предрешено относительно последствий отречения в ныне царствующем доме.

2. Особа короля неприкосновенна и священна; он носит титул короля французов.

3. Во Франции нет власти, стоящей над законом. Король царствует лишь в силу закона, и лишь именем закона он может требовать повиновения.

4. Король при своем вступлении на престол или по достижении совершеннолетия приносит в присутствии законодательного корпуса присягу на верность нации и закону, обязуется употреблять всю вверенную ему власть на соблюдение конституции, изданной Национальным учредительным собранием в течение 1789, 1790 и 1791 гг., и принимать меры к соблюдению законов. Если законодательный корпус не в сборе, то король издает прокламацию, в которой излагается эта присяга и дается обещание принести ее повторно немедленно по открытии законодательного корпуса [11].

5. Если в течение месяца после приглашения со стороны законодательного корпуса король не принесет присяги или если по принесении ее он отречется от нее, то он признается отрекшимся от королевской власти.

6. Если король станет во главе армии и направит войска против народа или если он путем формального акта не воспротивится подобному предприятию, выполняемому его именем, то следует считать, что он отрекся от королевской власти.

7. Если король, покинув королевство, не возвратится после приглашения, обращенного к нему законодательным корпусом, в установленный в прокламации срок, который не должен превышать двух месяцев, то следует считать его отрекшимся от королевской власти. Срок исчисляется со дня опубликования прокламации законодательным корпусом в месте его заседаний. Министры обязаны под своей ответственностью принимать все исходящие от исполнительной власти меры, осуществление которых приостановлено отсутствием короля.

8. После явно выраженного или законно предполагаемого отречения король переходит в разряд граждан и может быть подвергнут обвинению и судим наряду с прочими лицами за деяния, совершенные после его отречения.

9. Частное имущество, которым король владел при вступлении на престол (по отречении) безвозвратно присоединяется к достоянию нации; он сохраняет распоряжение лишь тем, что он приобре-

тет в качестве частного лица; если же он не оставит распоряжения об этом имуществе, то оно равным образом присоединяется к национальному достоянию по окончании царствования.

10. Нация обеспечивает блеск трона цивильным листом. Законодательный корпус определяет его размер при каждой смене царствования на всю продолжительность последнего [12].

11. Король назначает заведующего цивильным листом, который будет вести судебные дела короля; на его имя подаются все иски, направленные против короля, и против него же обращаются все вступившие в силу судебные решения. Уголовные преследования, возбужденные кредиторами цивильного листа, приводятся в исполнение лично против заведующего.

12. Независимо от почетной охраны, которую несут граждане в качестве членов национальной гвардии по месту пребывания короля, последний имеет гвардию, содержимую на средства цивильного листа; она не может превышать количества в 1 200 человек пеших и 600 конных. Чины и порядок чинопроизводства в ней будут те же, что и в линейных войсках, но те, кто входит в состав королевской гвардии, будут продвигаться в чинах лишь в пределах последней и не могут получать никаких чинов в линейных войсках. Король может назначить кого-либо в состав своей гвардии лишь из числа лиц, состоящих на действительной службе в линейных войсках, или из числа лиц, прослуживших не менее одного года в национальной гвардии, имеющих местожительство в пределах королевства и принесших гражданскую присягу. Королевская гвардия не может быть назначена или привлечена ни на какую иную общественную службу [13].

Отдел II

О регентстве

1. Король считается несовершеннолетним до достижения им 18 лет, на время его несовершеннолетия назначается регент королевства.

2. Регентом является согласно порядку престолонаследия наиболее близкий родственник короля, достигший полных 25 лет, французский уроженец, не являющийся возможным наследником другой короны и принесший гражданскую присягу. Лица женского пола к регентству не допускаются.

3. Если несовершеннолетний король не имеет родственника, отвечающего перечисленным выше условиям, то регент королевства избирается в порядке, указанном в следующих статьях.

4. Законодательный корпус не может избирать регента.

5. Выборщики каждого дистрикта собираются в главном городе последнего в силу прокламации, обнародованной в первую неделю нового царствования законодательным корпусом, если он в сборе; в противном случае на министра юстиции возлагается издание такой прокламации в течение той же недели.

6. Выборщики по каждому дистрикту избирают индивидуальным голосованием абсолютным большинством голосов одного

гражданина, обладающего правом быть избранным и имеющего местожительство в дистрикте; протоколом об избрании на него возлагается особое поручение, ограничивающее его одной только обязанностью — избрать гражданина, которого он по убеждению и по совести считает наиболее достойным быть регентом королевства.

7. Избранные по дистриктам граждане, получившие такое поручение, обязаны собраться в городе, где происходят заседания законодательного корпуса, не позднее сорокового дня, считая от вступления на престол несовершеннолетнего короля; они образуют избирательное собрание, которое приступит к избранию регента.

8. Регент избирается индивидуальным голосованием абсолютным большинством голосов.

9. Избирательное собрание может производить лишь выборы; оно немедленно расходится по их окончании; всякое иное предпринятое им действие заранее объявляется неконституционным и ничтожным.

10. Избирательное собрание направляет через своего председателя протокол выборов законодательному корпусу; последний, проверив правильность выборов, оглашает особой прокламацией результаты их по всему королевству.

11. Регент до совершеннолетия короля выполняет все обязанности королевской власти и лично безответственен за акты своего управления.

12. Регент может приступить к отправлению своих обязанностей лишь по принесении в присутствии законодательного корпуса присяги пребывать верным нации, закону и королю, употреблять всю власть, порученную королю, осуществление которой вверено регенту на время несовершеннолетия короля, на соблюдение конституции, изданной Национальным учредительным собранием в течение 1789, 1790 и 1791 гг., и на то, чтобы способствовать соблюдению законов. Если же законодательный корпус не в сборе, регент издает прокламацию, в которой приносится эта присяга и дается обещание повторить ее немедленно по открытии законодательного корпуса.

13. Пока регент не вступил в исполнение своих обязанностей, утверждение законов приостанавливается; министры продолжают под своей ответственностью осуществлять все акты исполнительной власти.

14. Немедленно по принесении регентом присяги законодательный корпус назначает ему жалование, которое не может быть изменено в продолжение всего регентства.

15. Если вследствие несовершеннолетия родственника, призванного к осуществлению регентства, последнее переходит к более отдаленному родственнику или возлагается на него путем избрания, то регент, вступивший в исполнение своих обязанностей, продолжает выполнять их вплоть до совершеннолетия короля.

16. Регентство королевства не дает никаких прав над личностью несовершеннолетнего короля.

17. Опека над несовершеннолетним королем вверяется его матери; если же у него нет матери, или если она к моменту вступле-

ния на престол ее сына вышла замуж вторично, или если она выйдет вновь замуж во время его несовершеннолетия, то опека над ним вручается законодательному корпусу. Опека над несовершеннолетним королем не может быть вверена путем избрания ни регенту с его нисходящими родственниками, ни лицу женского пола.

18. В случае безумия короля, окончательно удостоверенного, закономерно установленного и объявленного законодательным корпусом после трех обсуждений, проведенных последовательно раз в месяц, возникает вопрос о регентстве, если безумие продолжается.

Отдел III

О королевской фамилии

1. Предполагаемый наследник престола носит титул королевского принца. Он не может покинуть королевства иначе, как по постановлению законодательного корпуса и с согласия короля. Если же он покинет пределы королевства и, достигнув 18 лет, не возвратится во Францию после приглашения прокламацией законодательного корпуса, он признается отрекшимся от права наследования престола.

2. Если предполагаемый наследник несовершеннолетен, то совершеннолетний родственник его, первый по очереди призываемый к регентству, обязан иметь местопребывание в королевстве. В случае выезда из пределов королевства и невозвращения по приглашению законодательного корпуса он будет признан отрекшимся от прав регентства.

3. Если мать несовершеннолетнего короля, которой вверена его опека, или избранный опекун покинут пределы королевства, они отстраняются от опеки. Если мать предполагаемого несовершеннолетнего наследника покинет королевство, она даже по возвращении может нести опеку над своим несовершеннолетним сыном, ставшим королем, не иначе, как по постановлению законодательного корпуса.

4. Будет издан закон о руководстве воспитанием несовершеннолетнего короля, а также предполагаемого несовершеннолетнего наследника.

5. Члены королевской фамилии, могущие быть призванными к престолонаследию, пользуются правами активных граждан, но не могут быть определены ни на какое место, ни на какую должность или службу, назначение на которые принадлежит народу. За исключением министерств, они могут определяться на места и должности, назначение на которые принадлежит королю; тем не менее они могут быть главнокомандующими сухопутной армией и флотом или выполнять обязанности посланников, но не иначе, как с согласия законодательного собрания, даваемого по предложению короля.

6. Члены королевской фамилии, могущие быть призванными к престолонаследию, имеют право присоединить титул французский принц к имени, данному им в актах гражданского состояния о их рождении; такое имя не может быть ни родовым, ни образованным из какого-либо титула, отмененного настоящей конституцией. Титул принца не может быть дан никому иному, он не

сообщает никаких преимуществ, никаких изъятий из прав, общих для всех французов.

7. Акты, которыми закономерно удостоверяются рождения, браки и смерти французских принцев, представляются законодательному корпусу, который распоряжается о сдаче их на хранение в свои архивы.

8. Членам королевской фамилии не предоставляется в удел никакой недвижимости. Младшие сыновья короля по достижении ими двадцатипятилетнего возраста или в момент брака получают удельный доход, назначаемый им законодательным корпусом и прекращающийся с пресечением их мужского потомства.

Отдел IV

О министрах[14]

1. Назначение и увольнение министров принадлежит всецело королю.

2. Члены Национального собрания настоящего и следующих созывов, члены кассационного суда, а также лица, исполняющие обязанности верховных присяжных, не могут ни служить в какомлибо из министерств, ни получать места, награды, пенсии, жалования или поручения от исполнительной власти или ее агентов как во время исполнения своих обязанностей, так и в течение двух лет по их прекращении. То же относится к тем, кто будет хотя бы внесен в список верховных присяжных, на все время включения их в этот список.

3. Никто не может вступить в исполнение какой-либо должности, будь то в министерских канцеляриях, будь то в управлении или заведывании государственными доходами, и вообще какой-либо должности по назначению исполнительной власти иначе, как по принесении гражданской присяги или по представлении удостоверения о ее принесении.

4. Ни один приказ короля не подлежит исполнению, если он не подписан им и не скреплен министром или распорядителем кредитов соответствующего ведомства.

5. Министры ответственны за все преступления, совершенные ими против общественной безопасности и конституции, за все покушения на личную собственность и свободу, за всякое расточение средств, предназначенных на расходы по их ведомству.

6. Королевский указ, устный или письменный, ни в коем случае не может освободить министра от ответственности.

7. Министр обязан ежегодно представлять законодательному корпусу в начале его сессии смету расходов по своему ведомству, давать отчет в расходовании ассигнованных по этому ведомству сумм и предупреждать злоупотребления, могущие возникнуть в различных отраслях подведомственного ему управления.

8. Ни один министр как во время занятия своей должности, так и по увольнении от нее не может подвергнуться преследованию в уголовном порядке за деяния по своему управлению иначе, как по постановлению законодательного корпуса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Отдел I [15]

Полномочия и обязанности Национального законодательного собрания

1. Конституция поручает исключительно законодательному корпусу следующие полномочия и обязанности: 1) законодательную инициативу и установление законов; король может только приглашать законодательный корпус войти в рассмотрение того или иного вопроса; 2) определение государственных расходов; 3) установление государственных налогов, определение их природы, размеров, продолжительности и порядка взимания; 4) раскладку прямых налогов между департаментами королевства, наблюдение за употреблением всех государственных доходов и требование по ним отчетности; 5) издание постановлений об учреждении и упразднении государственных должностей; 6) определение пробы, веса, чекана и наименования монет; 7) разрешение и воспрещение иностранным войскам вступать на территорию Франции, иностранным морским силам входить в порты королевства; 8) ежегодное издание по предложению короля постановлений о численности личного состава и количестве судов, образующих сухопутные и морские силы; определение жалования и установление числа лиц каждого чина, установление правил вступления на службу и продвижения по ней, установление порядка набора и роспуска войск, порядка образования морского экипажа, порядка допущения иностранных сухопутных войск и морских сил на службу Франции, а также вознаграждения войск в случае роспуска их; 9) издание постановлений о порядке заведывания национальными имуществами и об их отчуждении; 10) привлечение к ответственности перед верховным национальным судом министров и главных агентов исполнительной власти, возбуждение обвинения и преследования перед тем же судом против лиц, подозреваемых в посягательстве и заговоре против общей безопасности государства и конституции; 11) издание законов о пожаловании чисто личных знаков отличия и орденов лицам, оказавшим услуги государству; 12) законодательный корпус имеет исключительное право назначать общественные чествования памяти великих людей.

2. Решение начать войну может быть принято лишь по утвержденному королем постановлению законодательного корпуса вынесенному обязательно по формальному предложению короля. В случае угрожающих или уже наступивших враждебных действий, необходимости оказания помощи союзнику или защиты права силою оружия король немедленно ставит об этом в известность законодательный корпус и сообщает ему свои соображения. Если законодательный корпус распущен на вакации, король немедленно созывает его. Если законодательный корпус предпочтет воздержаться от ведения войны, король тотчас же примет меры к прекращению или предупреждению всех враждебных действий, при-

чем министры ответственны за промедление. Если законодательный корпус найдет, что начатые враждебные действия представляют собой преступное нападение, в котором повинны министры или какие-либо иные органы исполнительной власти, то зачинщик нападения будет подвергнут уголовному преследованию. В течение всей войны законодательный корпус может потребовать от короля вступления в переговоры о мире; король обязан подчиниться этому требованию. Немедленно по прекращении войны законодательный корпус установит срок, в который войска, призванные в количестве, превосходящем их мирный состав, будут распущены и армия будет приведена в свое обычное состояние.

3. Законодательному корпусу принадлежит ратификация мирных, союзных и торговых договоров; ни один договор не получит силы без такой ратификации.

4. Законодательный корпус имеет право назначать место своих заседаний, продолжать их, сколько он найдет это необходимым, и отсрочивать их. В начале каждого царствования, если законодательный корпус не созван, он должен собраться без промедления. Ему принадлежит наблюдение за внутренним порядком в месте своих заседаний и в пределах внешней ограды, согласно его определению. Ему принадлежит дисциплинарная власть над своими членами, но он не может налагать взыскания свыше порицания, задержания на восемь дней и заключения в тюрьму на три дня. Он имеет право в целях своей безопасности и поддержания должного к нему уважения располагать вооруженными силами, которые с его согласия будут введены в город, где будут происходить его заседания.

5. Власть исполнительная не может допускать прохода или размещения каких-либо линейных войск на расстоянии трех тысяч туазов [15-a] от законодательного корпуса помимо его требования или без его разрешения.

Отдел II

Ведение заседаний и порядок обсуждения [16]

1. Заседания законодательного корпуса публичны, протоколы его заседаний печатаются во всеобщее сведение.

2. Законодательный корпус, однако, может по любому поводу превратиться в Общий комитет. Пятьдесят членов его имеют право требовать этого. В продолжение заседания Общего комитета палаты публика удаляется, кресло председателя остается незанятым, порядок заседания поддерживается товарищем председателя.

3. Законодательный акт может быть обсужден и издан лишь в следующем порядке.

4. Чтение проекта постановления производится троекратно через промежутки, из которых каждый не может быть короче восьми дней.

5. После каждого чтения открываются прения. После первого или второго чтения законодательный корпус может объявить отсрочку или закрыть прения; в последнем случае проект постановления может быть вновь внесен в ту же сессию. Каждый проект постановления печатается и раздается членам до второго чтения.

6. После третьего чтения председатель обязан поставить на решение законодательного корпуса вопрос о том, считает ли он возможным вынести окончательное постановление или ему угодно отложить прения до другого времени, чтобы получить более подробные разъяснения о предмете.

7. Законодательный корпус не может приступить к прениям, если на его заседании не присутствует, по меньшей мере, 200 членов; каждое постановление выносится не иначе, как абсолютным большинством голосов.

8. Законопроект, предложенный на обсуждение и отвергнутый после третьего чтения, не может быть вновь внесен в ту же сессию.

9. Во вводной части к окончательному постановлению должны быть указаны: 1) даты заседаний, на которых произведено троекратное чтение проекта; 2) постановление, которым после третьего чтения принимается окончательное решение.

10. Король отказывает в утверждении постановления, если во вводной части к нему не будет удостоверено соблюдение указанных выше форм; если же какое-нибудь из таких постановлений получит утверждение, министры не могут ни снабдить его печатью, ни обнародовать; их ответственность в этом отношении будет длиться шесть лет.

11. Действие предшествующих положений не распространяется на постановления, признанные и объявленные неотложными предварительным постановлением законодательного корпуса, но они могут быть изменены или отвергнуты в течение той же сессии.

Постановление о неотложности должно содержать указание мотивов последнего; упоминание об этом предварительном постановлении включается во вводную часть к окончательному постановлению.

Отдел III

О санкции короля

1. Постановления законодательного корпуса восходят к королю, который может с ними не согласиться.

2. В случае если король откажет в своем согласии, такой отказ имеет лишь суспензивное значение. Если две легислатуры, следующие за представившей такое постановление, последовательно представят то же постановление в тех же самых выражениях, то считается, что король дал свое утверждение.

3. Согласие короля выражается на каждом постановлении следующей формулой, им подписываемой: «Король согласен и прикажет исполнить». Отсрочивающий отказ выражается следующей формулой: «Король обсудит».

4. Король обязан выразить свое согласие или свой отказ на каждом постановлении в течение двух месяцев с момента представления.

5. Постановление, на которое король не дал своего согласия, не может быть ему вновь представлено той же законодательной палатой.

6. Постановления, получившие утверждение короля, а также те, которые будут ему последовательно представлены тремя следую-

щими одна за другой палатами, имеют силу закона и носят название законов.

7. Тем не менее наравне с законами подлежат исполнению без королевской санкции акты законодательного корпуса, касающиеся его образования в качестве обсуждающего собрания, его внутреннего распорядка и дисциплинарной власти в пределах его наружной ограды, определяемых им самим, проверки полномочий его наличных членов, приказов отсутствующим членам, созыва запоздавших первичных собраний, осуществления конституционного надзора над органами управления и муниципальными должностными лицами, вопросов о правах быть избранными и о действительности выборов. Равным образом не требуют королевской санкции акты, касающиеся ответственности министров, а также постановления о возбуждении против них обвинения.

8. Постановления законодательного корпуса, касающиеся установления, продления и взимания государственных налогов, носят название законов и имеют установленную для законов вводную часть. Они опубликовываются и исполняются без королевского утверждения, за исключением тех, которые включают определения о взысканиях, кроме штрафов и денежных пеней. Эти постановления могут быть изданы лишь с соблюдением форм, предписанных ст.ст. 4, 5, 6, 7, 8 и 9 отдела II настоящей главы; законодательный корпус не может включать в них положения, чуждые их предмету.

Отдел IV

О сношениях законодательного корпуса с королем

1. По окончательном сформировании законодательного корпуса последний отправляет к королю депутацию для извещения его об этом. Король может каждый год открывать сессию и предлагать вопросы, которые, по его мнению, должны быть приняты к рассмотрению в течение данной сессии, хотя такого рода формальность не может считаться необходимой для деятельности законодательного корпуса.

2. Если законодательный корпус намерен отсрочить свои заседания на время свыше двух недель, он должен предупредить об этом короля через депутацию по крайней мере за восемь дней.

3. Не менее чем за восемь дней до окончания каждой сессии законодательный корпус отправляет королю депутацию с сообщением о дне предполагаемого окончания заседаний. Король может лично прибыть для закрытия сессии.

4. Если король найдет важным для блага государства продолжение сессии, или воспротивится отсрочке заседаний, или предпочтет отсрочку на менее продолжительный срок, он может с этой целью отправить послание, которое законодательный корпус обязан обсудить.

5. Король созывает законодательный корпус во время перерыва его сессии каждый раз, когда, по его мнению, этого требует интерес государства, равно как в случаях, предусмотренных и опре-

деленных законодательным корпусом перед отсрочкой его заседаний.

6. Всякий раз, как король отправляется в место заседаний законодательного корпуса, его встречает и провожает депутация; его могут сопровождать в зал заседаний только королевский принц и министры.

7. Председатель ни в коем случае не может принимать участия в такого рода депутации.

8. В присутствии короля законодательный корпус утрачивает функции обсуждающего и голосующего собрания.

9. Акты сношений короля с законодательным корпусом всякий раз скрепляются министром.

10. Министры короля имеют право присутствовать в Национальном законодательном собрании; они занимают там особо отведенные для них места. Их обязаны выслушать всякий раз, когда они того потребуют, по предметам, относящимся до их управления, или если потребуются их разъяснения. Равным образом их обязаны выслушать всякий раз и по предметам, чуждым их управления, когда Национальное собрание предоставит им слово.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ [17]

1. Высшая исполнительная власть сосредоточивается исключительно в руках короля. Король — верховный глава общего управления королевством; заботы об охране общественного порядка и спокойствия вверены ему. Король — верховный главнокомандующий сухопутных и морских военных сил. Королю вручена охрана внешней безопасности королевства, охрана его прав и владений.

2. Король назначает послов и прочих агентов международных сношений, командующих армией и флотом, возводит в достоинство маршала Франции и адмирала, назначает две трети всего числа контр-адмиралов, половину генерал-лейтенантов, генерал-майоров, капитанов кораблей и полковников национальной гвардии, одну треть состава полковников и подполковников и одну шестую флотских лейтенантов. Во всех таких назначениях он сообразуется с законами о чинопроизводстве. Король назначает по гражданскому управлению флота распорядителей кредитов, контролеров, казначеев арсеналов, начальников работ, смотрителей гражданских сооружений, полсвину начальников и смотрителей сооружений. Он назначает судебных комиссаров, главноуправляющих косвенными налогами и национальными имуществами. Он наблюдает за выделкой монеты и назначает должностных лиц, на которых возлагается осуществление такого надзора в главной монетной комиссии и на монетных дворах. На всех монетах королевства чеканится изображение короля.

3. Король распоряжается выдачей патентов, грамот и полномочий государственным должностным лицам и прочим лицам, которым выдаются таковые документы.

4. Король дает распоряжение о составлении списка пенсий и наград для представления законодательному корпусу в каждую его сессию и для принятия последним соответствующего постановления, если это потребуется.

Отдел I

Об обнародовании законов

1. Власти исполнительной вверено скрепление законов государственной печатью и их обнародование. На нее же равным образом возложены обнародование и приведение в исполнение актов законодательного корпуса, не требующих королевского утверждения.

2. Каждый закон изготовляется в двух подлинных экземплярах; оба экземпляра подписываются королем, скрепляются министром юстиции и снабжаются государственной печатью. Один экземпляр остается на хранении в архивах государственной печати, другой передается в архивы законодательного корпуса.

3. Обнародование законов производится по следующей форме: «N [имя короля], милостью божией и по конституционным законам государства король французов. Всем в настоящем и будущем привет. Национальное собрание постановило, а мы соизволяем и повелеваем следующее [точное воспроизведение постановления приводится без какого-либо изменения]. Предписываем и повелеваем всем правительственным местам и судам включить настоящее постановление в их реестры, прочесть, обнародовать и вывесить по их ведомствам и округам по принадлежности и исполнять в качестве закона королевства. В удостоверение сего мы подписали настоящее постановление и приказали приложить государственную печать».

4. Если король не достиг совершеннолетия, то законы, прокламации и прочие акты, исходящие от королевской власти, облекаются во время регентства в следующую форму: «N [имя регента], регент королевства, именем N [имя короля], милостью божией и по конституционному закону государства короля французов, и пр. и пр. и пр.».

5. Власть исполнительная обязана сообщать законы частям управления и судам, удостоверять это сообщение и ставить о них в известность законодательный корпус.

6. Власть исполнительная не может издавать никаких законов, хотя бы временных; она может лишь выпускать в соответствии с законами обращения, предписывающие их исполнение.

Отдел II

О внутреннем управлении[18]

1. В каждом департаменте имеется высшее управление [администрация], в каждом дистрикте — подчиненное управление [администрация].

2. Органы управления [администраторы] ни в какой мере не имеют характера представительства. Они не что иное, как агенты, избранные народом на срок для осуществления под наблюдением и властью короля функций управления.

3. Они не могут ни вмешиваться в осуществление законодательной власти, ни приостанавливать исполнение законов, не могут вторгаться ни в область правосудия, ни в область военных распоряжений или действий.

4. Существенными обязанностями органов управления [администраторов] являются раскладка прямых налогов и наблюдение за поступлениями всех видов обложения и государственных доходов в пределах их ведения. Власть законодательная определяет правила и порядок осуществления их обязанностей как по предметам, изложенным выше, так и по всем прочим частям внутреннего управления.

5. Король имеет право объявлять ничтожными распоряжения органов департаментского управления [администраторов], противные законам или повелениям, с которыми он к ним обратится. В случае упорного неповиновения, а также если они своими актами будут угрожать общественной безопасности или спокойствию, он может отрешить их от должности.

6. Органы департаментского управления [администрация] в свою очередь имеют право объявлять ничтожными распоряжения подчиненных органов управления [администрации] дистриктов, противные законам и постановлениям департаментского управления [администрации] или распоряжениям, данным или переданным ими управлениям [администрации] дистриктов. Они могут равным образом в случае упорного неповиновения подчиненных органов управления [администраторов] дистриктов или если последние своими распоряжениями угрожают общественной безопасности или спокойствию отрешить их от должности, уведомив об этом короля, который может отменить или утвердить их отрешение.

7. Если органы департаментского управления [администрация] не воспользуются властью, вверенной им предшествующей статьей, король может в тех же случаях непосредственно объявить ничтожными распоряжения подчиненных органов управления [администраторов] и отрешить их от должности.

8. Всякий раз, когда король распорядится отстранить или же утвердить отстранение от должности [администраторов]органов управления или [администраторов] подчиненных им органов, он ставит об этом в известность законодательный корпус. Последний может или отменить или же утвердить устранение от должности или даже распустить виновную часть [администрацию] управления и в случае необходимости предать всех или некоторых из должностных лиц управления уголовному суду или постановить о возбуждении против них обвинения.

Отдел III

О внешних сношениях

1. Король один может поддерживать внешние политические сношения, вести переговоры, делать приготовления к войне в соответствии с такими же постановлениями соседних государств, распределять сухопутные и морские силы, как он это признает целесообразным, и определять их движение в случае войны.

2. Объявление войны делается всегда в следующих выражениях: «Король Франции, именем нации».

3. Король имеет право договариваться и подписывать со всеми иностранными государствами все мирные, союзные, торговые и иные договоры и соглашения, какие он найдет необходимыми для блага государства, под условием ратификации их законодательным корпусом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ[19]

1. Власть судебная ни в коем случае не может осуществляться ни законодательным корпусом, ни королем.

2. Правосудие будет отправляться беспошлинно судьями, избираемыми на срок народом и утверждаемыми в должности королевскими грамотами, в выдаче которых король не может отказать. Судьи не могут быть ни смещены иначе, как за преступления по должности, надлежаще установленные в судебном порядке, ни временно отстранены от должности иначе, как вследствие возбуждения против них обвинения. Общественный обвинитель назначается народом.

3. Суды не могут ни вмешиваться в осуществление законодательной власти, ни приостанавливать применение законов, ни вторгаться в круг деятельности органов управления, ни вызывать к себе последних для объяснений по поводу их деятельности.

4. Граждане не могут быть лишены законной подсудности никакими специальными указами, ни иными распоряжениями о передаче или изъятии дел, кроме предусмотренных законом.

5. Право граждан разрешать в окончательном порядке свои споры путем третейского разбирательства не может быть стеснено актами законодательной власти.

6. Общие суды не могут принимать к рассмотрению гражданского иска, если не имеется удостоверения в том, что стороны являлись к посредникам или что истец вызывал противную сторону к ним в целях достижения соглашения.

7. В кантонах и городах имеется по одному или по нескольку мировых судей. Число их определяется законодательной властью.

8. Право устанавливать число и границы судебных округов, а также число судей, входящих в состав каждого суда, принадлежит законодательной власти.

9. В делах уголовных ни один гражданин не может быть судим иначе, как по обвинению, возбужденному присяжными или законодательным корпусом в случаях, когда последнему предоставлено право возбуждать обвинение. После предания суду фактический состав деяния поступает на рассмотрение и суждение присяжных. Обвиняемый имеет право отвода их в количестве до 20 без указания причин. Присяжные, устанавливающие фактический состав деяния, не могут заседать в числе менее 12. Применение закона производится судьями. Судебное следствие должно быть публичным. Обвиняемым не может быть отказано в содействии поверенного. Ни одно лицо, оправданное законным составом присяжных,

не может быть вновь привлечено к ответственности или подвергнуто обвинению по поводу того же деяния.

10. Ни одно лицо не может быть задержано иначе, как для препровождения к полицейскому чиновнику; никто не может быть подвергнут задержанию или заключению иначе, как в силу полномочия органов полиции, приказа суда о взятии под стражу, обвинительного постановления законодательного корпуса в случаях, когда ему предоставлено издавать таковое, или же судебного приговора, присуждающего к тюремному или исправительному заключению.

11. По делу каждого лица, задержанного и препровожденного органу полицейской власти, должно быть произведено дознание немедленно или не позднее 24 часов. Если из произведенного дознания обнаружится, что не имеется никакого повода для обвинения, оно немедленно отпускается на свободу; если же имеется основание направить его в дом заключения, оно туда препровождается в кратчайший срок, который ни в коем случае не может превышать трех дней.

12. Ни одно задержанное лицо не может быть подвергнуто заключению, если оно представит достаточное обеспечение во всех тех случаях, когда закон разрешает оставление на свободе под такое обеспечение.

13. Лицо, закономерно задержанное, может быть подвергнуто заключению лишь в помещении, предназначенном законом служить арестным домом, местом отправления правосудия или же тюрьмой.

14. Ни один страж или тюремщик не может ни принимать, ни держать в заключении кого-либо иначе, как в силу полномочия или приказа о взятии под стражу, обвинительного постановления или судебного приговора, предусмотренных выше, в ст. 10, и не иначе, как со внесением копий этих актов в реестр.

15. Каждый страж или тюремщик обязан — причем никакой приказ не может освободить его от этой обязанности — предъявить заключенного гражданскому чиновнику, несущему надзор за домом заключения, по первому требованию последнего. В свидании с заключенным не может быть также отказано его родственникам и друзьям по представлении ими приказа гражданского чиновника, который всегда обязан выдать такой приказ, за исключением случаев, когда страж или тюремщик представит копию приказа судьи, внесенного в реестр, о воспрещении свиданий с заключенным.

16. Каждое лицо, независимо от занимаемого им положения или должности, за исключением положения или должности, предоставляющих по закону право ареста, если оно выдаст, подпишет, выполнит или распорядится выполнить приказ о задержании гражданина, или если кто-нибудь, даже в случае задержания, произведенного в соответствии с законом, доставит, примет или задержит в заключении гражданина в месте, не предназначенном служить законным местом общественного заключения, а также всякий страж или тюремщик, нарушающий постановления предшествующих 14 и 15 статей, виновны в преступном произвольном задержании.

17. Никто не может подвергнуться розыску или преследованию за литературное произведение, напечатанное или опубликованное им

по какому бы то ни было вопросу, если только он умышленно не вызвал этим неповиновения закону, опорочения действий установленных властей, сопротивления их распоряжениям или каких-либо иных действий, объявленных законом преступлениями или проступками. Порицание действий установленных властей дозволено, но умышленная клевета на добросовестные действия государственных должностных лиц и на бескорыстие их намерений при отправлении ими своих обязанностей могут быть преследуемы потерпевшими. Клевета и оскорбления, направленные против каких бы то ни было лиц, хотя бы по поводу поступков в их частной жизни, преследуются и караются по их жалобе.

18. Никто не может быть судим ни в гражданском, ни в уголовном порядке за напечатание или обнародование сочинения, если присяжными не установлено и не объявлено: 1) что в означенном произведении имеется состав преступления; 2) что лицо, подвергшееся преследованию, виновно в совершении преступного деяния.

19. При законодательном корпусе учреждается один кассационный суд для всего королевства. В его обязанности входит постановлять решения по кассационным жалобам на приговоры, вынесенные судами в последней инстанции, по ходатайствам о передаче дела из одного суда в другой вследствие законных подозрений в пристрастии, по дисциплинарным делам, возбуждаемым против судей, и по искам, предъявляемым к суду в целом его составе.

20. В кассационном производстве кассационный суд ни в коем случае не входит в рассмотрение существа дела, но по отмене приговора, постановленного с нарушением порядка судопроизводства или содержащего явное нарушение закона, кассационный суд направляет дело на новое рассмотрение по существу в тот суд, которому дело подсудно.

21. Если после двукратной кассации приговор третьего суда будет обжалован в том же порядке, как и оба предшествующие, то вопрос до нового рассмотрения в кассационном суде должен быть им представлен законодательному корпусу, который издает постановление, разъясняющее закон; с этим постановлением кассационный суд обязан сообразоваться.

22. Ежегодно кассационный суд обязан отправлять к решотке законодательного корпуса депутацию в составе восьми своих членов, которые представляют о постановленных приговорах; на полях каждого постановления приводятся краткая справка о деле и текст закона, на основании которого состоялось решение.

23. Верховный национальный суд, в состав которого входят члены кассационного суда и верховное жюри, разбирает проступки министров и главных агентов исполнительной власти, а также преступления, угрожающие общей безопасности государства, по вынесении законодательным корпусом постановления об обвинении. Он собирается не иначе, как на основании прокламации законодательного корпуса и на расстоянии не менее 30 000 туазов от места заседаний последнего.

24. Исполнительные акты по решениям судов излагаются следующим образом: «N [имя короля], милостию божией и по консти-

туционному закону государства король французов. Всем в настоящем и в будущем привет. Суд такой-то постановил следующий приговор [здесь воспроизводится приговор с приведением имен судей]. Предписываем и повелеваем каждому исполнителю по предъявлении сего привести изложенный приговор в исполнение, нашим комиссарам при судах — оказывать всяческое содействие, а каждому начальнику и офицеру воинских частей — оказывать вооруженную поддержку всякому законному требованию. В удостоверение чего настоящий приговор подписан председателем и секретарем суда».

25. Функции королевских комиссаров при судебных установлениях состоят в надзоре за соблюдением законов при постановлении приговоров и в понуждении к исполнению состоявшихся приговоров. Они [королевские комиссары] отнюдь не выступают в качестве общественных обвинителей, но их заключение выслушивается по всем обвинениям, они наблюдают в течение всего следственного производства за соблюдением правильности форм, а перед вынесением приговора — за применением закона.

26. Королевские комиссары при судах доводят до сведения старшины присяжных как по должности, так и по приказам, данным им королем: о посягательствах на личную свободу граждан [о посягательствах, направленных] против свободного обращения предметов первой необходимости и прочих предметов торговли, а также против порядка взимания налогов; о правонарушениях, препятствующих исполнению приказов короля по осуществлению возложенных на королевского комиссара функций; о посягательствах против международного права; о сопротивлении исполнению приговоров и всякого рода исполнительных актов, исходящих от установленных властей.

27. Министр юстиции доводит до сведения кассационного суда через посредство королевского комиссара, не в ущерб правам заинтересованных сторон, о действиях судей, составляющих превышение пределов их власти. Суд отменяет такие акты, причем если имеют место преступления по должности, то о них доводится до сведения законодательного корпуса, который выносит постановление о возбуждении обвинения, если к тому имеются основания, и направляет обвиняемых в верховный национальный суд.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

О ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ГОСУДАРСТВА [20]

1. Вооруженные силы учреждены для обороны государства против внешних врагов, для охраны внутреннего порядка и для обеспечения соблюдения законов.

2. В состав их входят сухопутные и морские силы; войска особого назначения для несения внутренней службы; состоящие для несения вспомогательной службы в списках национальной гвардии активные граждане и их дети в возрасте, когда они становятся способными носить оружие.

3. Национальная гвардия не образует ни военного сословия, ни учреждения внутри государства; в нее входят сами граждане, призванные к несению службы вооруженных сил государства.

4. [Активные] граждане могут образовать отряды и действовать в качестве национальной гвардии лишь в силу законного призыва или разрешения.

5. Граждане, входящие в состав национальной гвардии, подчинены определенной, установленной законом организации. Они должны во всем королевстве подчиняться единой дисциплине и носить единую форму. Различия в чинах и субординация имеют место лишь на службе и только во время таковой.

6. Лица командного состава национальной гвардии избираются на определенный срок и могут быть переизбраны лишь после известного срока службы в качестве рядовых. Никто не может быть командиром национальной гвардии более чем в одном дистрикте.

7. Все части вооруженных сил, призванные для охраны государства против внешних врагов, находятся под начальством короля.

8. Ни одна часть, ни один отряд линейных войск не может действовать внутри королевства без законного призыва.

9. Ни один агент вооруженных сил государства не может проникать внутрь жилища граждан иначе, как во исполнение приказов органов полиции и правосудия или в случаях, точно предусмотренных законом.

10. Привлечение вооруженных сил государства для действий внутри королевства производится органами гражданской власти согласно правилам, определяемым законодательной властью.

11. Если волнением охвачен целый департамент, король под ответственностью министров издает повеления, необходимые для соблюдения законов и восстановления порядка, но при условии уведомления законодательного корпуса, если последний в сборе, и созыва его, если он распущен.

12. Вооруженные силы государства призваны к беспрекословному повиновению; ни одна вооруженная часть не может ни обсуждать какие-либо вопросы, ни выносить по ним постановления.

13. Сухопутные и морские силы, а также войска, предназначенные для охраны внутреннего порядка, подчинены особым законам как в отношении поддержания дисциплины, так и в отношении порядка судопроизводства и рода наказаний за воинские преступления.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАЛОГАХ [21]

1. Государственные налоги обсуждаются и устанавливаются ежегодно законодательным корпусом и не могут оставаться в силе долее последнего дня следующей сессии, если они не возобновлены прямым постановлением.

2. Ни под каким предлогом не может быть отклонен или приостановлен отпуск средств, необходимых для погашения национального долга и оплаты цивильного листа. Содержание состоящих

на жаловании церковнослужителей католического исповедания, избранных или назначенных в силу постановлений Национального учредительного собрания, составляет часть национального долга. Законодательный корпус ни в коем случае не может возложить на нацию уплату долгов какого-либо отдельного лица.

3. Подробные счета по расходам министерств, подписанные и удостоверенные министрами или главноуправляющими, печатаются во всеобщее сведение в начале сессии каждого законодательного периода. Такой же порядок соблюдается относительно ведомостей поступления всех государственных доходов. Ведомости таких расходов и поступлений составляются отдельно, соответственно их характеру, и выражают суммы, поступившие и израсходованные в течение года в каждом дистрикте. Расходы каждого департамента, в частности относящиеся к судам, административным и прочим учреждениям, равным образом подлежат оглашению во всеобщее сведение.

4. Должностные лица [администраторы] департаментского управления и управления дистриктов не могут ни устанавливать государственных налогов, ни производить раскладки их сверх сроков и сумм, определенных законодательным корпусом, ни обсуждать, ни разрешать без законного полномочия никаких местных займов, обременяющих граждан департамента.

5. Власть исполнительная руководит и наблюдает за вниманием и поступлением налогов и в этих целях издает все необходимые распоряжения.

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

ОБ ОТНОШЕНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИИ К ИНОСТРАННЫМ НАЦИЯМ [22]

Французская нация отказывается от ведения каких-либо завоевательных войн и ни в каком случае не станет обращать свои вооруженные силы против свободы какого-либо народа. Конституция не допускает права казны на наследства иностранцев. Иностранцы, водворившиеся или не водворившиеся во Франции, наследуют своим родственникам — иностранцам и французам. Они могут вступать в договоры, приобретать имущество, находящееся во Франции, вступать во владение им, а также распоряжаться им наравне со всеми прочими французскими гражданами всеми дозволенными законом способами. Иностранцы, находящиеся во Франции, подчинены уголовным и полицейским законам наравне с французскими гражданами, с изъятиями, предусмотренными соглашениями, заключенными с иностранными державами; их личность, имущество, предприятия, вероисповедание также находятся под покровительством законов.

РАЗДЕЛ СЕДЬМОЙ

О ПЕРЕСМОТРЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ [23]

1. Национальное учредительное собрание объявляет, что нация обладает неотъемлемым правом изменять свою конституцию, тем не менее, принимая во внимание, что интересам нации более соот-

ветствует изменять с помощью средств, заимствуемых из самой конституции, лишь те статьи, непригодность коих выяснится на опыте, постановляет, что такие изменения будут производиться Собранием по пересмотру в следующем порядке.

2. Если три последующие законодательные собрания выскажут единогласное пожелание об изменении некоторых статей конституции, то следует приступить к предлагаемому пересмотру.

3. Ближайшее законодательное собрание и следующее за ним не могут предлагать изменения ни одной статьи конституции.

4. Из трех законодательных собраний, последовательно предлагающих какие-либо изменения, два первые могут заняться этим предметом лишь в два последние месяца их последней сессии, а третье — в конце своей первой ежегодной сессии или в начале второй. Прения по этому вопросу подчиняются тому же порядку, как и прения по актам законодательным, но постановления, выражающие пожелания законодательных собраний, не требуют утверждения короля.

5. Четвертое законодательное собрание, усиленное 249 членами, избранными всеми департаментами путем удвоения обычного числа представителей, избираемых сообразно количеству их населения, образует Собрание по пересмотру конституции. Эти 249 членов избираются по окончании выборов представителей законодательного корпуса, причем об этом составляется особый протокол. Собрание по пересмотру конституции состоит из одной палаты.

6. Члены третьего законодательного собрания, высказавшие пожелание об изменении конституции, не могут быть избраны в Собрание по пересмотру.

7. Члены Собрания по пересмотру конституции по принесении всеми вместе клятвы «жить свободными или умереть» произносят каждый в отдельности присягу: «ограничиться вынесением постановления по предметам, переданным на их рассмотрение согласными пожеланиями трех предшествующих законодательных собраний, всеми своими силами охранять конституцию королевства, изданную Национальным учредительным собранием в течение 1789, 1790 и 1791 гг., и во всем соблюдать верность нации, закону и королю».

8. Собрание по пересмотру конституции обязано немедленно и безотлагательно заняться предметами, предложенными на его рассмотрение; тотчас же по окончании его работ 249 членов, избранных дополнительно, удаляются, не принимая ни в коем случае участия в дальнейших законодательных актах.

На французские колонии и владения в Азии, Африке и Америке, хотя они и составляют часть Французской империи, настоящая конституция не распространяется[24].

Ни одна из властей, установленных конституцией, не имеет права вносить изменения в последнюю ни в целом, ни в ее частях, за исключением преобразований, могущих быть внесенными в порядке пересмотра, согласно с постановлениями приведенного выше раздела VII.

Национальное учредительное собрание вверяет соблюдение конституции добросовестности законодательного корпуса, короля и

судей, бдительности отцов семейства, супруг и матерей, преданности юных граждан и мужеству всех французов.

Постановления Национального учредительного собрания, не включенные в конституционный акт, подлежат исполнению как законы; равным образом должны соблюдаться законы, существовавшие ранее и не лишенные силы Собранием, поскольку те и другие не будут отменены или изменены властью законодательной.

Национальное собрание, заслушав чтение вышеизложенного конституционного акта и одобрив его, объявляет, что рассмотрение конституции закончено и что оно не может в ней ничего изменить. Немедленно же будет избрана депутация в составе 60 членов для поднесения в тот же день конституционного акта королю.

ДЕКРЕТ ОТ 21 СЕНТЯБРЯ 1792 г. ОБ УТВЕРЖДЕНИИ КОНСТИТУЦИИ НАРОДОМ И ОБ ОХРАНЕ ЛИЧНОСТИ И СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН [25]

Национальный конвент объявляет:

1) что не может быть иной конституции, кроме той, которая принята народом;

2) что личность граждан и их собственность находятся под охраной нации.

ДЕКРЕТ ОТ 21—22 СЕНТЯБРЯ 1792 г. ОБ УПРАЗДНЕНИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ВО ФРАНЦИИ

Национальный конвент единогласно постановляет, что королевская власть во Франции упразднена.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОТ 25 СЕНТЯБРЯ 1792 г. О ЕДИНСТВЕ И НЕДЕЛИМОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Национальный конвент объявляет, что Французская республика едина и неделима.

КОНСТИТУЦИЯ 24 ИЮНЯ 1793 г.[1]

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Народ французский, убежденный в том, что забвение естественных прав человека и пренебрежение к ним — единственные причины бедствий человечества, принял решение изложить в торжественной декларации эти права, священные и неотъемлемые, дабы все граждане, имея возможность постоянно сравнивать действия правительства с целями всякого общественного учреждения, не допускали никогда угнетать и унижать себя тиранией, дабы народ всегда имел перед глазами основы своей свободы и своего счастья, должностные лица — правила выполнения своих обязанностей, законодатель — предмет своего назначения. Вследствие этого он провозглашает перед лицом верховного существа следующую декларацию прав человека и гражданина[2].

1. Целью общества является общее счастье. Правительство установлено, чтобы обеспечить человеку пользование его естественными и неотъемлемыми правами.

2. Эти права суть: равенство, свобода, безопасность, собственность.

3. Все люди равны по природе и перед законом.

4. Закон есть свободное и торжественное выражение общей воли; он один и тот же для всех как в том случае, когда оказывает покровительство, так и в том случае, когда карает; он может предписывать лишь то, что справедливо и полезно обществу; он может воспрещать лишь то, что приносит обществу вред.

5. Все граждане на равных правах имеют доступ к общественным должностям. Свободные народы не знают иных оснований для предпочтения при избрании, кроме добродетелей и способностей.

6. Свобода есть присущая человеку возможность делать все, что не причиняет ущерба правам другого; ее основу составляет природа, а ее правило — справедливость; обеспечение свободы есть закон. Нравственную границу свободы составляет следующее правило: «Не причиняй другому того, что нежелательно тебе самому от других».

7. Право выражать свои мысли и свои мнения как посредством печати, так и любым иным способом, право собираться вместе, соблюдая спокойствие, и свободное отправление религиозных обрядов не могут быть воспрещены. Необходимость провозглашения этих

прав предполагает наличие деспотизма или живое воспоминание о нем [3].

8. Безопасность состоит в покровительстве, оказываемом обществом каждому из своих членов в целях сохранения его личности, его прав и его собственности.

9. Закон должен охранять общественную и индивидуальную свободу против угнетения со стороны правящих.

10. Никто не должен быть обвинен, задержан или подвергнут заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом, и с соблюдением порядка, предписанного им же. Каждый гражданин, вызванный или задержанный именем закона, обязан немедленно повиноваться; в случае сопротивления он подлежит ответственности.

11. Всякий акт, направленный против лица, когда он не предусмотрен законом или когда он совершен с нарушением установленных законом форм, есть акт произвольный и тиранический; лицо, против которого такой акт пожелали бы осуществить насильственным образом, имеет право оказать сопротивление силой.

12. Те, кто стал бы испрашивать, изготовлять, подписывать, выполнять подобные произвольные акты или распоряжаться их выполнением, подлежат ответственности и должны понести наказание [4].

13. Так как каждый предполагается невиновным, пока не установлено противное, то в случае необходимости подвергнуть кого-либо задержанию всякого рода строгость, не вызываемая при задержании необходимостью, должна сурово караться законом.

14. Никто не должен быть осужден и наказан иначе, как по выслушании его объяснений, после вызова в законном порядке, и только в силу закона, опубликованного до совершения проступка. Закон, карающий проступки, совершенные до его издания, есть закон тиранический; сообщение закону обратной силы само есть преступление.

15. Закон должен назначать наказания, строго и бесспорно необходимые; наказания должны быть соразмерны преступлениям и полезны обществу.

16. Право собственности состоит в принадлежащей каждому гражданину возможности пользоваться и располагать по усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла [5].

17. Гражданам не может быть воспрещено заниматься каким угодно трудом, земледелием, промыслом, торговлей.

18. Каждый может предоставлять по договору свои услуги и свое время, но не может ни продаваться, ни быть проданным; его личность не есть отчуждаемая собственность. Закон никоим образом не допускает существования дворни; возможно лишь взаимное обязательство об услугах и вознаграждении между трудящимся и нанимателем.

19. Никто не может быть лишен ни малейшей части своей собственности без его согласия, кроме случаев, когда этого требует установленная законом необходимость, и лишь под условием справедливого и предварительного возмещения.

20. Ни один налог не может быть установлен иначе, как в интересах общей пользы. Все граждане имеют право участвовать в установлении обложения, наблюдать за расходованием поступлений и требовать в них отчета.

21. Общественное призрение есть священный долг. Общество обязано давать пропитание неимущим, как приискивая им работу, так и обеспечивая средства существования лицам, неспособным к труду [6].

22. Образование составляет общую потребность. Общество должно всеми своими средствами способствовать успехам народного просвещения и делать образование достоянием всех граждан.

23. Общественная гарантия состоит в содействии всех, направленном на то, чтобы обеспечить каждому пользование его правами и охрану этих прав; эта гарантия зиждется на народном суверенитете.

24. Она неосуществима, если границы правительственной деятельности не определены в точности законом или если не обеспечена ответственность всех должностных лиц.

25. Суверенитет зиждется в народе; он един, неделим, не погашается давностью и неотчуждаем [7].

26. Ни одна часть народа не может осуществлять власть, принадлежащую всему народу, но каждая часть верховного собрания должна пользоваться правом выражать свою волю совершенно свободно.

27. Каждый, кто присвоит себе принадлежащий народу суверенитет, да будет немедленно предан смерти свободными гражданами.

28. Народ всегда сохраняет за собой право пересмотра, преобразования и изменения своей конституции. Ни одно поколение не может подчинить своим законам поколения будущие.

29. Каждый гражданин имеет равное право участвовать в образовании закона и в назначении своих представителей и своих агентов.

30. Государственные должности по существу временны; их нельзя рассматривать ни как отличия, ни как награду, но — лишь как обязанности.

31. Преступления представителей народа и его агентов ни в коем случае не должны оставаться безнаказанными. Никто не имеет права притязать на бо́льшую неприкосновенность, нежели все прочие граждане.

32. Право подавать петиции представителям государственной власти ни в коем случае не может быть отменено, приостановлено или ограничено.

33. Сопротивление угнетению есть следствие, вытекающее из прочих прав человека.

34. Угнетение хотя бы одного только члена общества есть тем самым угнетение всего общественного союза. Угнетение всего общественного союза есть тем самым угнетение каждого члена в отдельности.

35. Когда правительство нарушает права народа, восстание для народа и для каждой его части есть его священнейшее право и неотложнейшая обязанность [8].

КОНСТИТУЦИОННЫЙ АКТ

О республике

1. Французская республика едина и неделима.

О распределении населения

2. В целях осуществления суверенитета народ французский распределяется на первичные собрания по кантонам.

3. В целях осуществления управления и отправления правосудия он распределяется по департаментам, округам, муниципалитетам [9].

О состоянии гражданства

4. Каждый родившийся и имеющий местожительство во Франции, достигший 21 года; каждый иностранец, достигший 21 года, проживающий во Франции в продолжение одного года, живущий во Франции своим трудом, приобревший собственность, или женившийся на француженке, или усыновивший ребенка, или принявший на иждивение старика; наконец, каждый иностранец, имеющий, по мнению законодательного корпуса, достаточные заслуги перед человечеством, допускается к осуществлению прав французского гражданина.

5. Осуществление прав гражданства утрачивается: вследствие натурализации в иностранном государстве; вследствие принятия должности, знаков отличия или милостей, исходящих от правительства, не установленного народом; вследствие присуждения к порочащим или унизительным наказаниям впредь до реабилитации.

6. Осуществление прав гражданина приостанавливается: вследствие возбуждения обвинения; вследствие заочного судебного приговора, пока приговор не отменен.

О верховенстве народа [10]

7. Суверенный народ есть совокупность всех французских граждан

8. Народ непосредственно избирает представителей.

9. Он поручает выборщикам избрание органов управления, общественных третейских посредников, судей уголовных и гражданских.

10. Народ обсуждает и постановляет законы.

О первичных собраниях

11. Первичные собрания образуются в составе граждан, имеющих местожительство в течение шести месяцев в данном кантоне [11].

12. Первичные собрания образуются в составе не менее 200 и не свыше 600 граждан, призванных участвовать в голосовании.

13. Первичные собрания выбирают председателя, секретарей и счетчиков.

14. Поддержание внутреннего порядка осуществляется самими собраниями.

15. Никто не может являться в собрание вооруженным.

16. Выборы производятся подачей записок или открытым голосованием, по желанию каждого голосующего.

17. Первичное собрание ни в коем случае не может предписать единообразного способа голосования.

18. Счетчики удостоверяют подачу голоса гражданином, который, не умея писать, предпочтет голосовать подачей записки.

19. Голосование законов производится словами да или нет.

20. Мнение первичного собрания провозглашается в следующем виде: «Граждане, собравшись на первичное собрание такое-то, в числе стольких-то голосующих, высказываются за или против, большинством во столько-то».

О народном представительстве

21. Народонаселение есть единственная основа народного представительства.

22. На каждые 40 000 человек населения приходится один представитель [12].

23. Каждое первичное собрание, объединяющее население от 39 000 до 41 000 человек, выбирает непосредственно по одному представителю.

24. Избрание производится абсолютным большинством голосов.

25. Каждое собрание освобождает от содержимого избирательные ящики и отправляет комиссара для общего подсчета голосов в заранее назначенное центральное место.

26. Если первый подсчет не даст абсолютного большинства, созывается вторичное собрание и производится голосование двух граждан, получивших наибольшее количество голосов.

27. В случае равенства поданных голосов как при перебаллотировке, так и при избрании предпочтение отдается старшему по возрасту. В случае одинакового возраста избрание решается жребием.

28. Каждый француз, пользующийся правами гражданства, может быть избран на всем пространстве республики.

29. Каждый представитель принадлежит [является представителем] всей нации в целом [13].

30. В случае отказа от избрания, отставки, утраты правоспособности или смерти представителя его замещение обеспечивается первичным собранием, избравшим его.

31. Представитель, подавший в отставку, может покинуть свой пост лишь по вступлении в исполнение своих обязанностей его преемника.

32. Для производства выборов, народ французский собирается ежегодно первого мая [14].

33. Он приступает к выборам при наличии любого числа граждан, имеющих право голоса.

34. В чрезвычайном порядке первичные собрания созываются по требованию одной пятой граждан, имеющих право голоса.

35. Созыв в таком случае производится муниципалитетом обычного места созыва собрания.

36. Такого рода чрезвычайные собрания приступают к обсуждению не иначе, как при наличии половины плюс один всего числа граждан, имеющих право голоса.

О собраниях выборщиков [15]

37. Граждане, явившиеся на первичные собрания, выбирают одного выборщика на каждые 200 граждан наличных или отсутствующих; они выбирают двух — на каждые 301—400; трех — на каждые 501—600.

38. Ведение собрания выборщиков и порядок выборов те же, что и в первичных собраниях.

О законодательном корпусе

39. Законодательный корпус един, неделим и действует постоянно [16].

40. Его сессия длится один год.

41. Законодательный корпус собирается первого июля.

42. Национальное собрание не может образоваться, если налицо не имеется по крайней мере половины представителей плюс один.

43. Представители ни в каком случае не могут подвергнуться преследованию, обвинению или суду за мнения, высказанные ими в пределах законодательного корпуса [17].

44. При совершении преступления они могут быть задержаны на месте преступления, но приказ о задержании и приказ о приводе могут быть выданы против них не иначе, как с утверждения законодательного корпуса.

О ведении заседаний законодательного корпуса

45. Заседания Национального собрания публичны.

46. Протоколы его заседаний печатаются.

47. Национальное собрание не может приступить к прениям, если налицо нет по крайней мере 200 членов.

48. Собрание не может не предоставить слова своим членам в порядке поданных последними записок.

49. Национальное собрание выносит постановления большинством голосов присутствующих членов.

50. 50 членов собрания имеют право потребовать поименного голосования.

51. Национальное собрание имеет право контроля над поведением своих членов.

52. Ему принадлежит поддержание установленного им порядка в месте его собраний и в пределах внешней ограды.

О функциях законодательного корпуса

53. Законодательный корпус предлагает законы и издает декреты.

54. Общим названием законов обозначаются акты законодательного корпуса, имеющие своим предметом:

гражданское и уголовное законодательство;

общее заведывание текущими доходами и расходами республики;

национальные недвижимые имущества;

пробу, вес, чекан и наименование монет;

род, размер и порядок взимания налогов;

объявление войны;

каждое новое общее деление французской территории;

народное просвещение;

государственные чествования памяти великих людей.

55. Особым названием декрета обозначаются акты законодательного корпуса, имеющие предметом:

ежегодный контингент сухопутных и морских сил;

разрешение и воспрещение прохода иностранных войск по французской территории;

ввод иностранных морских сил в порты республики;

мероприятия по охране общественной безопасности и спокойствия;

ежегодное и текущее распределение пособий и общественных работ;

мероприятия по изготовлению всех видов денежных знаков;

непредвиденные и чрезвычайные расходы;

местные и частные мероприятия по отдельным предметам управления, по отдельным коммунам, по отдельным родам общественных работ;

защиту территории;

ратификацию договоров;

назначение и смещение главнокомандующих армий;

возбуждение преследования против членов исполнительного совета и государственных должностных лиц;

обвинение подозреваемых в организации заговора против общей безопасности республики;

всякое изменение в распределении французской территории по административным делениям;

национальные награды [18].

Об образовании закона [19].

56. Проекту закона предшествует доклад.

57. Прения могут быть открыты и закон может быть принят предварительно не ранее 15 дней после оглашения доклада.

58. Проект печатается и рассылается по всем коммунам республики под названием «законодательное предложение».

59. Если 40 дней спустя после рассылки предложенного закона в половине департаментов плюс один, одна десятая часть первичных собраний каждого из них, созванных надлежащим образом, не отклонит его, проект считается принятым и становится законом.

60. Если последует отклонение, законодательный корпус созывает первичные собрания.

О вводной части законов и декретов

61. Законы, декреты, судебные решения и все прочие государственные акты имеют следующую вводную часть: «Именем французского народа, год..... французской республики».

Об исполнительном совете

62. Исполнительный совет образуется в составе двадцати четырех членов.

63. Собрание выборщиков каждого департамента выбирает одного кандидата. Законодательный корпус выбирает членов совета по общему списку [20].

64. Исполнительный совет обновляется наполовину в последние месяцы сессии каждого законодательного периода.

65. На исполнительный совет возлагается руководство общим управлением и наблюдение за ним; он может действовать лишь во исполнение законов и декретов законодательного корпуса.

66. Исполнительный совет назначает начальников общего управления республики из числа лиц, не входящих в его состав.

67. Законодательный корпус определяет число и обязанности этих агентов [21].

68. Эти агенты отнюдь не образуют совета; они действуют отдельно и не связаны между собой непосредственно; они не пользуются никакой личной властью.

69. Исполнительный совет назначает агентов внешних сношений республики из числа лиц, не входящих в его состав.

70. Исполнительный совет ведет предварительные переговоры о заключении международных соглашений.

71. В случае совершения преступления по должности обвинение против членов исполнительного совета возбуждается законодательным корпусом.

72. Исполнительный совет ответственен в случае неисполнения законов и декретов, а также в случае недонесения о злоупотреблениях.

73. Исполнительный совет смещает и замещает назначаемые им исполнительные органы.

74. Исполнительный совет обязан доносить на них, в случае необходимости, органам судебной власти.

Об отношениях исполнительного совета и законодательного корпуса

75. Исполнительный совет заседает при законодательном корпусе; он имеет право присутствовать и занимать особое место в помещении для заседаний последнего.

76. Исполнительный совет должен быть выслушан всякий раз, когда ему необходимо дать отчет.

77. Законодательный корпус приглашает исполнительный совет на свое заседание в целом составе или частично, когда сочтет это необходимым.

Об административных органах управления и муниципальных собраниях

78. В каждой коммуне республики имеется муниципальное управление [администрация], в каждом дистрикте — промежуточное управление [администрация], в каждом департаменте — центральное управление [администрация].

79. Муниципальные должностные лица избираются коммунальными собраниями.

80. Члены местных управлений [администраторы] назначаются собраниями выборщиков департамента и дистрикта[22].

81. Муниципалитеты и местные управления [администрация] обновляются в своем составе ежегодно наполовину.

82. Члены местных управлений [администраторы] и муниципальные должностные лица не имеют представительного характера. Ни в коем случае они не могут ни вносить изменений в акты законодательного корпуса, ни приостанавливать их исполнение.

83. Законодательный корпус определяет обязанности муниципальных должностных лиц и членов местных управлений [администраторов], издает правила их подчинения и устанавливает наказания, которым они могут подвергаться.

84. Заседания муниципальных собраний и местных управлений публичны.

О гражданском правосудии

85. Кодекс гражданских и уголовных законов един для всей республики[23].

86. Граждане не могут быть лишены права передавать свои споры на разрешение выбранных ими третейских судей[24].

87. Постановления таких третейских судов имеют окончательную силу, если граждане не сохранили за собой права обжалования.

88. Мировые судьи избираются гражданами округов, определяемых законом.

89. Мировые судьи производят примирительное и судебное разбирательство без взыскания судебных пошлин.

90. Число мировых судей и круг их ведения определяются законодательным корпусом.

91. Общественные третейские судьи выбираются собраниями выборщиков.

92. Число общественных третейских судей и их округа определяются законодательным корпусом.

93. Общественные третейские судьи разбирают споры, не разрешенные окончательно частными третейскими судьями или мировыми судьями.

94. Общественные третейские судьи ведут судебное разбирательство публично и выносят свои решения во всеуслышание. Они постановляют решения в последней инстанции на основании устной защиты или простой памятной записи, без особых форм судопроизводства и не взыскивая судебных пошлин. Их решения должны быть мотивированы.

95. Мировые судьи и общественные третейские судьи избираются ежегодно.

Об уголовном правосудии[25].

96. В делах уголовных ни один гражданин не может быть судим иначе, как по обвинению, формулированному присяжными или декретированному законодательным корпусом. Обвиняемые имеют защитников, избираемых ими самими или назначаемых им. Следствие ведется публично. Фактический состав деяния и виновность устанавливаются присяжными. Наказание определяется уголовным трибуналом.

97. Уголовные судьи выбираются ежегодно собраниями выборщиков.

О кассационном суде

98. Для всей республики имеется единый кассационный суд.

99. Кассационный суд не разбирает дел по существу. Он выносит решения лишь по вопросам о нарушении форм судопроизводства и о явных нарушениях закона.

100. Члены кассационного суда назначаются ежегодно собраниями выборщиков.

О государственных налогах

101. Ни один гражданин не освобожден от почетной обязанности делать взносы на государственные расходы.

О национальном казначействе

102. Национальное казначейство есть центральное место поступления доходов и производства расходов республики.

103. Национальное казначейство возглавляется подотчетными должностными лицами, назначаемыми исполнительным советом.

104. Эти должностные лица находятся под наблюдением комиссаров, назначаемых законодательным корпусом из числа лиц, не входящих в его состав и несущих ответственность за злоупотребления, о которых они не донесут.

Об отчетности

105. Отчеты агентов национального казначейства и заведующих государственными доходами ежегодно направляются ответственным комиссарам, назначаемым испольнительным советом.

106. Проверка, производимая этими последними, происходит под надзором комиссаров, назначаемых законодательным корпусом из лиц, не входящих в его состав и ответственных за злоупотребления и ошибки, о которых они не донесут. Утверждение отчетов принадлежит законодательному корпусу.

О вооруженных силах республики[26].

107. Общие вооруженные силы республики состоят из народа в целом.

108. Республика содержит на жаловании, даже во время мира, вооруженные силы, сухопутные и морские.

109. Все французы — солдаты: они обучаются владеть оружием.

110. Не существует звания генералиссимуса.

111. Различие чинов, их отличительные знаки и субординация существуют только на службе и лишь при прохождении последней.

112. Вооруженные силы, направленные на поддержание внутреннего порядка и мира, действуют не иначе, как по письменному приказу установленного начальства.

113. Вооруженные силы, направленные против внешних врагов, действуют по приказам исполнительного совета.

114. Ни одна вооруженная часть не может заниматься обсуждением и решением вопросов.

О национальных конвентах[27].

115. Если в половине департаментов плюс один десятая часть первичных собраний, каждого из них, созванных в надлежащем порядке, потребует пересмотра конституционного акта или изменения некоторых его статей, то законодательный корпус обязан созвать все первичные собрания республики для решения вопроса о созыве Национального конвента.

116. Национальный конвент образуется в том же порядке, как и законодательные собрания, и объединяет в себе всю их власть.

117. В отношении конституции он занимается лишь теми предметами, которые вызвали его созыв.

О сношениях французской республики с зарубежными народами[28].

118. Французский народ есть друг и естественный союзник свободных народов.

119. Французский народ отнюдь не вмешивается в управление других народов; он не потерпит также, чтобы другие народы вмешивались в его дела.

120. Французский народ предоставляет убежище иностранцам, изгнанным из пределов своей родины за преданность свободе. Он отказывает в убежище тиранам.

121. Французский народ не заключает мира с врагом, занимающим его территорию.

О гарантии прав

122. Конституция гарантирует каждому французу равенство, свободу, безопасность, собственность, платежи по государственным займам, свободное отправление религиозных обрядов, всеобщее образование, государственное обеспечение, неограниченную свободу печати, право петиций, право объединения в народные общества, пользование всеми правами человека.

123. Французская республика чтит чистосердечие, мужество, старость, сыновнюю преданность, несчастье. Она вручает охрану и соблюдение конституции совокупности всех добродетелей.

124. Декларация прав и конституционный акт должны быть начертаны на таблицах в помещении законодательного корпуса и в прочих общественных местах[29].

ПРИМЕЧАНИЯ

КОНСТИТУЦИЯ 3 СЕНТЯБРЯ 1791 г.

[1] Декларация прав человека и гражданина представляет собой закрепление результатов, достигнутых французской буржуазией в борьбе с королевской властью и феодальной знатью в начальный период революции. Вместе с тем она содержит программу политических преобразований.

Впервые название «Декларация прав» (Declaration of rights) встречается в Англии в 1688 г. В декларации 1688 г. излагаются основные права английского народа, провозглашенные палатами общин и лордов после низложения короля Иакова II Стюарта и переработанные затем в так называемый парламентский «Билль о правах», изданный за сто лет до французской революции (1689).

Затем следует отметить билли о правах и декларации прав отдельных штатов Северной Америки по провозглашении их независимости от Великобритании. Первое место среди них занимает «Билль о правах» штата Виргинии (1 июля 1776 г.).

Наконец, сюда же относится Декларация независимости, (Declaration of independence) 13 североамериканских колоний Великобритании, объединившихся в самостоятельный союз государства — Соединенные Штаты Северной Америки — 2—4 июля 1776 г. Все эти исторические акты оказали большее или меньшее влияние на французскую Декларацию прав 1789 г. и отчасти послужили ей прообразом. Все они исходят из учений естественного права XVII—XVIII веков, согласно которым люди в «естественном состоянии» пользуются неограниченной свободой, приводящей либо к войне всех против всех (Гоббс), либо только к необеспеченному сожительству (Дж. Локк); выход из такого состояния возможен только путем «общественного договора», т. е. отказа каждого от неограниченного произвола естественного состояния в пользу всего общества в целом. Относительно объема и содержания такого «общественного договора» у теоретиков естественного права не было единодушия. Одни из них полагали, что общественный договор создает лишь обеспечение частной сферы владения, имеющей чисто фактический характер в естественном состоянии («собственность» у Джона Локка). Другие же полагали, что общественный договор состоит в полном отказе каждого от неограниченного личного произвола и в готовности подчиняться воле всего общества (Руссо).

В связи с этим разногласием в учениях представителей школы «естественного права» среди современных буржуазных исследо-

вателей ведутся споры об источниках Декларации прав человека и гражданина. Так, немецкий исследователь Г. Еллинек, а также французский государствовед М. Ориу и некоторые другие видят источник Декларации в учениях Джона Локка и его последователей (Блэкстона и других), и затем в Bills of rights североамериканских колоний, тогда как ряд французских исследователей во главе с Бутми считает идейным родоначальником Декларации прав Руссо.

Большинство современных французских буржуазных государствоведов признает правовой характер Декларации прав 1789 г. (Эсмен, Ориу). Напротив, по мнению некоторых немецких государствоведов, положения Декларации прав представляют собою не что иное, как совокупность политических требований, или программу преобразований общественного строя.

Наряду и в связи с этим сложилось и современное буржуазное учение о субъективных публичных правах, в котором опять-таки господствуют два направления. Согласно одному из них, развиваемому преимущественно германскими государствоведами, субъективные публичные права имеют характер самостоятельных правовых притязаний, наподобие гражданских прав, но возникают между субъектами публично-правовых отношений (именно— между отдельными гражданами и государством). Наоборот, согласно другому направлению субъективные публичные права лишены характера самостоятельных правопритязаний и являются лишь рефлексом объективных норм публичного права (Лабанд и др.). Реакция против учения о субъективных публичных правах возникла также в среде французских государствоведов, сторонников учения «солидарности». Отвергая индивидуализм учений естественной школы, которая выводит право и государство из воли отдельных самодовлеющих личностей, сторонники учения «солидарности» видят в субъективных публичных правах рефлекс обязанностей, установленных нормами права (Дюги).

Декларация прав человека и гражданина — политическая программа, содержащая ряд требований революционной буржуазии различных политических оттенков. Она составляет единое целое с конституцией 1791 г. и потому должна рассматриваться в совокупности с «Основными положениями, обеспеченными конституцией» (раздел первый Конституции).

Как известно, в Декларации прав не упоминается о свободе собраний. Это нередко ставят в зависимость от запрещения свободы собраний, объявленного в связи с военным положением 21 октября 1789 г., и запрещения «коалиций», установленного законом Ле-Шапелье 14 июня 1791 г. Между тем в числе естественных и гражданских прав, обеспечиваемых конституцией, в основных положениях последней упоминается «свобода граждан собираться в общественных местах без оружия, с соблюдением полицейских законов», равно как и право петиций. Таким образом, Декларация прав получала соответствующее дополнение в самом тексте конституции. Однако запрещение собраний для рабочих, установленное законом Ле-Шапелье, было полностью сохранено.

Буржуазный классовый характер Декларации прав получает свое отчетливое выражение в статье 17, согласно которой собственность есть право «неприкосновенное и священное» и никто не может быть лишен его иначе, как в случае законно установленной общественной необходимости и при условии «справедливого и предварительного возмещения». «Неприкосновенность собственности», как и «справедливое предварительное возмещение», в случае «общественной необходимости» получает свое вторичное подтверждение также в «основных положениях», обеспеченных конституцией.

Литература вопроса

К. Маркс, К еврейскому вопросу, Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 384—392.

М. Ковалевский, Происхождение современной демократии, т. II, М., 1895.

Г. Еллинек, Декларация прав человека и гражданина, русский перевод, изд. 3-е, М., 1906.

А. Шантавуан, Принципы 1789 года. Декларация прав и декларация обязанностей человека и гражданина, СПБ, 1907, т. XV, стр. 91.

А. Рождественский, Теория суб'ективных публичных прав, Ученые записки московского университета, Отдел юридический, вып. 42, М., 1913.

J. Locke, On civil Government, 1689.

J. J. Rousseau, Du contrat social, 1752.

Blackstone, Analysis of the Law of England, 1754.

Его же, Commentaries..., 1768.

E. J. Sieyès. Préliminaires de la constitution. Reconnaissance et exposition raisonnée des droits de l'homme et du citoyen, Paris, Versailles, Pierre, 1789.

Déclaration des droits de l'homme et articles de constitution, présentés au roi avec sa réponse du 30 octobre soir, Paris, Baudouin, 1789.

T. Paine, Droits de l'homme ou réponse à l'ouvrage de monsieur Burke contre la révolution française par Thomas Paine, Oeuvre trad. de l'anglais d'après la 1-re éd., Hambourg, 1791.

G. Jellinek, Die Erklärung der Menschen und Bürgerrechte, 1903.

Beutmy, Annales de l'école libre des sciences politiques, t. XVII, 1902.

Ferneuil, Les principes de 1789 et la sociologie, 1899.

Walch, La déclaration des droits de l'homme de 1789 (thèse), Paris, 1903.

Doumergue, Origines de la déclaration des droits, „Revue de droit publique", 1907.

Perrinjaquet, Comparaison entre la déclaration de 1789 et celle de 1793, „Annales de la faculté de droit d'Aix", 1909.

Gerber, Ueber oeffentliche Rechte, 1852.

Giese, Die Grundrechte, 1905.

Esmein, Eléments de droit constitutionnel, 6 éd., revue par Joseph Barthélemy, Paris, 1914.

Barthélemy, Essai d'une théorie des droits subjectifs des administrés dans le droit administratif français, 1899.

G. Jellinek, System der subjectiven öffentlichen Rechte, 1900.

Lango, La teoria dei diritti pubblici subbiettivi e il diritto amministrativo italiana, Palermo, 1892.

Santi Romano, La teoria dei diritti pubblici subbietivi in Orlando, Primo trattatto del diritto amministrativo italiano, 1, 1900, pp. 110—220.

Majorana, La nozione del diritto pubblico subbiettivo, Roma, 1904.

Morelli, Che cosa sono le liberta civili? Modena, 1899.

Chouventkowitch, Les droits subjectifs publics des particuliers, Thèse, Paris. 1912.

Beudant, Le droit individuel et l'Etat, 1891.

H. Michel, L'idée de l'Etat, 1896.

Анри Мишель, Идея государства, пер. П. А. Рождественского.

Schatz, L'individualisme, 1909.
M. Haurion, Principes de droit publique, 2-e éd., Paris, 1916.
L. Duguit, L'Etat, le droit objectif et la loi positive, Paris, 1901.
Duguit, Traité de droit constitutionnel, 2-e éd., tt. I—III, Paris, 1921—1923.
L. Duguit, Manuel de droit constitutionnel, 4-e éd., Paris.
Л. Дюги, Конституционное право, Общая теория государства с предисловием к русскому переводу автора.
F. Klöverkorn, Die Entstehung der Erklärung der Menschen und Bürgerrechte, 1911.
V. Marcaggi, Les origines de la déclaration des droits de l'homme de 1789, 2 éd., 1912.
Rees, Die Erklärung der Menschen und Bürgerrechte von 1789, Beiträge zu ihrer Entstehungsgeschichte, Leipzig, 1912.
Н. И. Радциг, Декларация прав 1789 г. и ее источники, „Журнал Министерства народного просвещения", СПБ, 1914, № 11.

[2] Конституция (от латинского слова constitutio) — установление (постановление), учреждение — в современном государственном праве означает основной закон государства. Различаются понятия конституции в материальном и формальном смысле. Под основным законом в материальном смысле разумеется форма государственного устройства (республика, монархия, союзное государство); под основным законом в формальном смысле разумеется законодательный акт, определяющий форму государственного устройства. Различаются конституции писаные и неписаные. Так, Англия не имеет писаной конституции, взаимоотношения между парламентом (т. е. палатой общин и палатой лордов), короной (королем) и правительством (министрами) регулируются в основном не законом, а обычаем. Наконец, различаются конституции гибкие, т. е. такие, изменение которых не требует особого, заранее предусмотренного порядка, и конституции неподвижные, изменение которых возможно лишь в особом, более или менее осложненном порядке по сравнению с порядком издания законов обыкновенных.

До конституции 1791 г. Франция не имела писаной конституции в формальном смысле, т. е. единого законодательного акта о государственном устройстве Франции. Первые писаные конституции в современном смысле получили отдельные штаты Северной Америки и Соединенные Штаты Америки (1776).

Arnault, De la révision des constitutions, 1896.
Borgeaud, Etablissement et révision des constitutions en Amérique et en Europe 1893. Имеется русский перевод.
Боржо, Учреждение и пересмотр конституций в Америке и в Европе, 1906.
Еллинек, Конституции, их изменения и преобразования, русский перевод, 1907.
W. Rotschild, Der Gedanke der geschriebenen Verfassung in der Revolution. 1903.
Gourd, Les chartes coloniales et les constitutions des Etats Unis, 1885.
E. Zweig, Die Lehre vom Pouvoir Constituant. 1909.

Конституция 1791 г. представляет собой сочетание начал умеренного конституционализма (теория разделения властей Монтескье) и буржуазной демократии (верховенство народа и закона как выражение общей воли, согласно Руссо).

Теория разделения властей, впервые высказанная Дж. Локком и получившая классическую формулировку в знаменитой шестой

главе XI книги «Духа законов» Монтескье, имела целью ограничить самодержавие короля, сосредоточивавшего до того времени в своих руках власть законодательную, исполнительную и судебную. Согласно учению Монтескье, власть законодательная, исполнительная и судебная должна осуществляться различными органами: законодательная — народным представительством, исполнительная — королем и его агентами, министрами, и судебная — независимыми судебными учреждениями.

Конституция 1791 г. вверяет власть законодательную народному представительству, власть исполнительную — королю и назначаемым им министрам, судебную — выборным судьям. При этом она, согласно учению Руссо, признает источником власти законодательной, исполнительной и судебной народ. Таким образом, король занимает подчиненное положение, наподобие наследственного президента. Идея непосредственного народовластия Руссо в конституции 1791 г. была заменена идеей народного представительства, так что даже, например, предложение Малуэ о передаче конституции на народное голосование было, как известно, «с негодованием» отвергнуто Национальным собранием (заседание 30 августа 1791 г.).

Литература о Конституции 1791 г.

А. Д. Градовский, Государственное право важнейших европейских держав, Соб. соч., тт. IV и V, 1900—1902.

Esmein, Eléments de droit constitutionnel, 6 éd. revue par Joseph Barthélemy, Paris 1914.

Constitution politique pour être discuté dans l'Assemblée Nationale, s. l., 1789.

Analyse raisonnée de la constitution française, décrétée par l'Assemblée Nationale, des années 1789, 1790 et 1791, Paris, Miyneret, 1791.

Almanach historique de la Révolution française pour l'année 1792, Red. par J. P. Rabot. On y a joint l'acte constitutionnel des français avec le discours d'acceptation du roi. Ouvrage ornée de gravures d'après les dessins de Moreau. Paris. Onfray, Strassbourg, Treuttel. s a. LXXVI.

Rabaud de Saint-Etienne. Jean Paul, Précis historique de la révolution française. Par J. P. Rabaud. Suivie de l'acte constitutionnel des français. Ouvrage ornee de gravures d'après les dessins de Moreau. 2 éd augm. de Réflexions politiques sur les circonstances presentés, par le même auteur. Paris. Onfray. Strassbourg, Treuttel, 1792, 257, 108, 40.

Lanjuinais. Constitutions de la nation française. Paris. 1819.

L. Tripier, Les constitutions françaises depuis 1789, Paris, 1848.

F. Laferriere, Histoire des principes, des institutions et des lois de la révolution française depuis 1789 jusqu'á 1800, Paris, 1851.

L. Dutilh, Aperçu libre historique et critique sur le droit public français de 1791 1848, Paris, 1851.

I. de Corné, Etudes sur l'histoire du gouvernement représentatif en France de 1789 à 1848, I—II. Paris, 1855.

[2a] Этот пункт конституции подтверждает действительность национализации дворянских и церковных земельных имуществ, из которых был образован национальный земельный фонд, распродававшийся в частные руки. Этот фонд первоначально послужил обеспечением для выпуска муниципальных и государственных платежных обязательств, которые при последующих повторных выпусках получили название «ассигнаций».

См. F. A. Mignet, Histoire de la Révolution française, Bruxelles 1839, p. 72—73.

[3] Раздел второй конституции 1791 г. устанавливает лишь общие основания: начало политической неделимости территории королевства и положения об административно-территориальном делении Франции на департаменты, дистрикты и кантоны. В отличие от конституции 1795 г. (раздел первый, ст. 3), подробно перечисляющей департаменты, входящие в состав территории Франции и ее колоний, в разделе седьмом конституции 1791 г. прямо предусмотрено, что последняя не распространяется на колонии и владения Франции.

Равным образом и в отношении гражданства раздел второй формулирует лишь общие основания — происхождение, рождение на территории и оседлость, предоставляя законодательству дальнейшее развитие упомянутых основных начал (jus sanguinis и jus soli).

[4] Признание брака видом гражданского договора есть непосредственное следствие проведенного уже отделения церкви от государства и установления гражданского положения духовенства (декреты 12 июля — 24 августа 1790 г.).

[5] Раздел третий конституции содержит основы государственного устройства Франции. Он устанавливает: 1) начало единства, неделимости и неотчуждаемости народного суверенитета, который осуществляется активными гражданами в первичных избирательных собраниях; 2) начало представительства, ибо все власти проистекают из народного суверенитета путем поручения, делегации. Конституция 1791 г. сохраняет монархическую форму правления с одновременным провозглашением народного суверенитета. Законодательство же и суд осуществляются выборными органами — народными представителями и судьями.

[6] Орган народного суверенитета — первичные избирательные собрания, в состав которых входят активные граждане; они избирают выборщиков, которые в свою очередь избирают на своих собраниях представителей нации, т. е. членов законодательного корпуса или Национального собрания, на основе определенного имущественного ценза.

Сущность представительства в конституции 1791 г. определяется как уполномочие (раздел третий, ст. 2). Однако политическое представительство есть представительство не частного порядка, выполняемое в интересах и от имени частного лица, но государственная функция, выполняемая в интересах государства, а потому и выборы есть не частное поручение, а способ образования органов государства. Статья 7 отдела III, главы первой второго раздела конституции 1791 г. гласит: «Представители, избранные по департаментам, являются представителями не отдельного департамента, а всей нации; избиратели не могут выдавать им никаких наказов».

Буржуазное учение о народном представительстве породило огромную литературу; здесь, в частности следует отметить:

Б. Чичерин, О народном представительстве, изд. 2-е, М., 1899.
Устинов. Учение о народном представительстве, тт. I—II, М., 1912—15.
Esmein, Droit constitutionnel, 6—éd., revue par Joseph-Barthélemy. Paris, 1914.
G Jellinek, Allgemeine Staatslehre, zweite durchgesehene und vermehrte Auflage, Berlin, O. Häring, 1905, S. 552—570. Есть русский перевод:
Г. Еллинек, Общее учение о государстве, изд. 2-е, 1908, кн. III, гл. 17.

[7] Антидемократическая, буржуазно-классовая сущность конституции 1791 г. обнаруживается с наибольшей ясностью в делении населения на активных и пассивных граждан, из которых только первые обладали политическими, т. е. избирательными правами. При этом обладание избирательными правами было обусловлено имущественным цензом, именно уплатой налогов в размере стоимости трех рабочих дней. Закон 22 декабря 1789 г. устанавливал для выборщиков ценз в виде уплаты налога в размере стоимости десяти рабочих дней, а для лиц могущих быть избранными представителями нации (пассивное избирательное право) — уплату налога в одну марку серебром (марка серебром — около 54 франков довоенной стоимости) и владение недвижимостью. В конституции 1791 г. для выборщиков, кроме условий, необходимых для активных граждан, предусмотрен имущественный ценз определенных размеров (владение имуществом или наем помещения, приносящего известный доход); для лиц же, обладающих правом быть избранными представителями нации (пассивное избирательное право), принят тот же ценз, что и для первичных избирателей (т. е. для активных граждан). Имущественный ценз в совокупности с возрастным (25 лет) и требованием оседлости весьма ограничивал число активных граждан в стране. Женщины устранялись из числа активных граждан совершенно: статья 2 отдела 11 раздела третьего конституции распространяла права активных граждан только на французов (а не француженок) по рождению. Согласно подсчету Туре (29 сентября 1789 г.), из 26 миллионов населения Франции активных граждан могло быть не более 4 400 000 чел., а согласно декрету 28 мая 1791 г. из тех же 26 миллионов активных граждан могло быть лишь 4 298 360 чел.

См. Олар А., Политическая история Французской революции, М., 1938.

[8] Учение XVIII века о разделении властей не допускало, чтобы лица, являющиеся носителями исполнительной власти, были членами законодательного собрания. Таков, например, порядок, принятый в Соединенных Штатах Америки. Предложение Мирабо о назначении королем министров из среды членов законодательного собрания было отклонено как противоречащее этому порядку (заседание Национального собрания 29 сентября 1789 г.). Но само по себе это предложение предвосхищало порядок современных буржуазных парламентарных стран, где министры, являясь членами палат, несут политическую ответственность перед последними, т. е. обязаны подавать в отставку при неблагоприятном для них голосовании. Этот порядок впервые установился в Англии.

См. Дайси, Основы государственного права Англии, пер. О. В. Полторацкой, под ред. проф. П. Г. Виноградова, изд. 2-е.

Бэджгот, Государственный строй Англии, 1905.

Сидней Лоу, Государственный строй Англии, 1908 г.

Обязанность министров и прочих представителей исполнительной власти «оптировать», т. е. произвести выбор между занимаемой должностью и званием народного представителя, вытекает из последовательного проведения начала разделения властей — законодательной и исполнительной.

[9] Неприкосновенность (иммунитет) народных представителей заимствована из английской парламентской практики и в том или ином объеме провозглашается большинством буржуазных конституций, составляя одну из так называемых гарантий буржуазного парламентского режима доимпериалистической эпохи. Одним из первых актов Национального собрания было провозглашение 23 июня 1789 г. неприкосновенности депутатов (по предложению Сиейса).

См. по этому вопросу Л. Шалланд, Иммунитет народных представителей. 1911. ч. II, 1913.

[10] Эта статья заимствует порядок престолонаследия по мужской линии по началу первородства (примогенитуры) из древнего салического права, составлявшего основной закон франкской монархии. Статья 2 этого же отдела: «Особа короля неприкосновенна и священна» — имеет тот юридический смысл, что король не несет ответственности за свои акты; ответственность за него несут его министры, скрепляющие своей подписью правительственные акты.

[11] Присяга на верность нации была принесена королем одновременно с подписанием конституции — 14 сентября 1791 г.

[12] Порядок назначения королю ежегодного содержания на все время его правления особым законодательным актом, носящим название «цивильного листа», заимствован из конституционной практики Англии, где такое содержание впервые было установлено при короле Георге III. В 1777 г. Георг III передал в управление государству королевские недвижимые имущества, взамен чего парламент постановил отпускать ему ежегодно из казны определенную сумму на его содержание и содержание его двора. При преемниках Георга III такой порядок упрочился; при вступлении на престол нового короля парламент определяет ему ежегодное содержание на все время правления. Самое название «civil list» объясняется тем, что прежде из этих сумм выплачивалось содержание не только чинам двора, но и всем гражданским чиновникам.

[13] Охрану короля составляла так называемая наемная «швейцарская гвардия», формально отмененная декретом законодательного собрания 29 мая 1792 г. и окончательно сметенная восставшим народом 10 августа 1792 г.

[14] Статьи 1 и 2 отдела IV строго проводят принципы разделения властей и так называемой «независимости» народных представителей и судебных должностных лиц от исполнительной власти. Другие статьи того же отдела предусматривают порядок и пределы ответственности министров и начальников ведомств за подписанные или скрепленные их подписью акты короля. Порядок подписи или скрепления королевских актов министрами, так называемая контрассигнация этих актов, заимствован из английской конституционной практики. Ответственность министров была призвана в этой практике восполнять и заменять безответственность короля. Возбуждение судебного преследования против министров принадле-

жало в Англии компетенции палаты общин; палата лордов играла при этом роль суда. В соответствии с этим статья 8, отд. IV конституции 1791 г. предусматривает возбуждение преследования против министров лишь по постановлению законодательного корпуса.

[15] Согласно принципу разделения властей, отдел I главы третьей предоставляет, по примеру Соединенных Штатов Америки, законодательную инициативу всецело законодательному корпусу.

Особого внимания заслуживают статьи 2 и 3 того же отдела I, в которых в точности предусмотрен порядок участия законодательного корпуса в решении вопросов войны и мира, а также в ратификации мирных, союзных и торговых договоров.

[15] Туаз — старинная французская мера длины, равен 1,949 метра; 1000 туазов равна 1949 метрам.

[16] В отделе II главы третьей (ст. 2) предусмотрен упрощенный порядок обсуждения вопросов в «Общем комитете» законодательного корпуса, заимствованный из парламентской практики Англии. Из той же парламентской практики заимствован и порядок троекратных чтений и обсуждений законопроектов. Отдел III подробно излагает порядок утверждения постановлений законодательного корпуса королем. Статья 2 отдела III предусматривает случаи отказа короля в утверждении закона, имеющего суспензивное (отлагательное) значение.

Абсолютное вето свойственно монархическому образу правления; оно состоит в праве бесповоротного отказа в утверждении законопроекта, принятого палатами. Исключение составляет Норвегия, где королю принадлежит суспензивное вето, т. е. право дважды отклонять утверждение законопроекта, принятого двумя последовательно созванными палатами (легислатурами). Суспензивное вето принадлежит также президенту Соединенных Штатов Америки, откуда оно, повидимому, и было заимствовано Национальным собранием и внесено в конституцию 1791 г.

См. Bompard, Le veto du président de la République et la sanction royale, 1905.

[17] Глава четвертая раздела третьего «Об осуществлении исполнительной власти» в определении полномочий короля за некоторыми исключениями (например, отсутствует право помилования) наиболее приближается к объему полномочий президента Соединенных Штатов Америки.

[18] Отдел II, согласно теории разделения властей, лишает органы управления характера «представительства»; они лишь «агенты» т. е. исполнители воли народа, выраженной в законе.

[19] Глава пятая, в которой со всей строгостью проводится принцип разделения властей (ст. 1), содержит (ст. 4) положение о том, что никто не может быть лишен своего «естественного» судьи. Это положение направлено против чрезвычайных судилищ. Институты мировых судей и присяжных (по делам уголовным) заимствованы из английских судебных учреждений. Порядок, предусмот-

ренный статьей 9 (обвинительное жюри присяжных и суждение присяжных о фактическом составе деяния), представляет собой видоизменение английской судебной практики французской теоретической мыслью XVIII века.

Следующие затем статьи (10—17) представляют подробную регламентацию порядка предварительного задержания и заключения, согласно началам, выработанным английской практикой на основе Habeas corpus act 1679 г. и связанных с ним парламентских актов об обеспечении личной свободы граждан от произвольных ограничений.

См. Дерюжинский, Habeas corpus act и его приостановка по английскому праву, Юрьев, 1895.

Напротив, организация кассационного суда, верховного национального суда и функции королевских комиссаров при судебных установлениях не имеют прямых образцов в английской системе судебных установлений.

Смотри: Hiver, Histoire critique des institutions judiciaires de la France de 1789 à 1848 Paris, 1848.

Полянский Н. Н., Судебное законодательство Учредительного и законодательного собраний в эпоху первой французской революции (1789—1792 гг.) „Советское государство и право", 1939, № 5, стр. 73.

[20] Особенность системы вооруженных сил революционной Франции составляет организация так называемой «национальной гвардии», охватывавшей всех активных граждан и распространявшейся на их сыновей, способных носить оружие. Это была военная организация самой буржуазии; субординация соблюдалась лишь на службе; командные должности имели временный характер. Статья 12 раздела предусматривает так называемую «аполитичность» армии, состоящей на службе буржуазии. Эта статья была заимствована впоследствии рядом позднейших буржуазных конституций.

[21] Статья 1 раздела пятого формулирует принцип ежегодного голосования налогов, составлявший одну из основ также и английской конституционной практики. Раздел пятый является дополнением к статье 1 отдела I главы третьей раздела третьего конституции (установление государственных расходов, установление государственных налогов, распределение контингентов обложения между департаментами и т. д.).

[22] В разделе шестом особого внимания заслуживает провозглашение отказа от завоевательных войн и войн, направленных против свободы народов. Это провозглашение в известной мере способствовало успехам революционных войн Франции. Прогрессивное значение имело также уравнение иностранцев в гражданских правах с коренным французским населением.

[23] Раздел седьмой, посвященный порядку пересмотра конституции, исходит из идеи незыблемости конституции в целом и предусматривает возможность лишь частичного пересмотра отдельных ее положений (ст. 1 раздела).

В соответствии с этим последующие статьи того же раздела

содержат ряд положений, устанавливающих крайне сложный порядок пересмотра отдельных статей конституции. Таким образом, конституция 1791 г. есть конституция «неподвижная».

Боржо, Учреждение и пересмотр конституции, русский перевод, 1906. Еллинек, Конституции, их изменения и преобразования, русский перевод 1907.

[24] Согласно дополнительному пункту раздела седьмого, конституция 1791 г. не распространяется на французские колонии и владения в Азии, Африке и Америке. Таким образом, «конституционные свободы» составляли привилегию лишь буржуазии французской метрополии, именно — активных граждан Франции.

[25] После восстания 10 августа 1792 г., отрешения от власти короля, учреждения временного исполнительного совета и возникновения революционной коммуны 11, 21 и 27 августа законодательным собранием были изданы декреты о выборах в Национальный конвент. Национальный конвент собрался 20 сентября 1792 г. Им был принят ряд постановлений:

1) декрет 21 сентября о необходимости утверждения конституции народом и об охране личности и собственности французских граждан;

2) декрет 21—22 сентября об упразднении королевской власти во Франции;

3) декларация от 25 сентября о единстве и неделимости Французской республики.

Так была учреждена во Франции буржуазная демократическая республика.

„Exposition des motifs d'après lesquelles l'Assemblée nationale a proclamé la convocation d'une Convention nationale et prononcé la suspension du pouvoir exécutif dans les mains du roi. Paris, L'imprimerie nationale", 1792, стр. 17. См. также Олар, Политическая история французской революции 1789—1804, перевод с франц. Н. Кончевской, М., ОГИЗ, 1938.

КОНСТИТУЦИЯ 24 ИЮНЯ 1793 г.

Декларация прав человека и гражданина

[1] Национальный конвент, созванный для выработки и пересмотра конституции во Франции, был избран на основе декретов о выборах, изданных законодательным собранием 10, 21 и 27 августа 1792 г. Этими декретами было отменено деление населения на «активных» и «пассивных» граждан, отменен имущественный ценз для выборщиков, понижен возраст избирателей (с 25 лет до 21 года), но права избирателей предоставлены лишь лицам мужского пола, имеющим законное местожительство (оседлость) в течение одного года, живущим своим трудом и не состоящим в услужении у частных лиц. Для избрания народным представителем сохранен возраст в 25 лет. Таким образом, в качестве условий, дающих избирательные права, сохранены пол, возраст, оседлость и

самостоятельные занятия. Но все же круг избирателей (и выборщиков) значительно расширился по сравнению с ограниченным избирательным правом, установленным конституцией 1791 г., и приблизился к буржуазному всеобщему избирательному праву. Таким образом, уже в самых законах о выборах в Национальный конвент были заложены основы буржуазно-демократической республики. Окончательное выражение эти демократические стремления получили в якобинской конституции 24 июня 1793 г.

См. Олар, Политическая история французской революции 1789 - 1804, М., ОГИЗ, 1938, в особенности же гл. IV—„Конституция 1793 г.". стр. 341 - 382.

О подготовительных работах по составлению проекта конституции и об участии в работах Эро де Сешелля, составившего самый проект; см. Олар, Политическая история французской революции, стр. 361—362.

Анализ конституции 24 июня 1793 г., кроме указанной выше главы IV, книги А. Олара, можно также найти в работах:

Градовский, Государственное право важнейших европейских держав. Собр. соч., т.т. IV. V. 1900—1902.

Из современных изданий следует упомянуть „Catéchisme français républicain, enrichi de la déclaration des droits de l'homme, de commendements de la patrie et de libertés. A communes affranchies", 1793, стр. 69. Кроме того:

Lanjuinais, Constitutions de la nation française, I, II. Paris, 1819.

L. Tripiers. Les constitutions françaises depuis 1789, Paris, 848.

G. Jaurés, Histoire socialiste, Paris. La Convention Nationale.

Albert Mathiez. La Révolution française, t. II La Gironde et la Montagne, Paris, A. Colin.

Gaston Dodu, Le parlementarisme et les parlementaires sous la Révolution (1789—1799), Origines du régime représentatif en France, Paris, VII + 428 стр.

Arrêtés des Comités de la Convention nationale. Nr. 1—85. I, II. Paris

[2] Слова: «перед лицом верховного существа» — во вступлении к Декларации прав 1793 г. внесены по предложению Робеспьера. Такое же предложение он внес при обсуждении проекта жирондистской конституции.

См. Олар, Политическая история французской революции, стр. 353 - 354.

Статья 4 Декларации прав 1793 г. развивает учение Руссо о законе как выражении «общей воли», volonté générale, высказанной им в «Общественном договоре» («Contrat Social» ch. VI: De la Loi).

[3] В отличие от Декларации прав человека и гражданина 1789 г., ст. 7 Декларации прав 1793 г. содержит прямое упоминание о свободе собраний и отправления религиозных обрядов.

[4] Статьи 10—12 содержат провозглашение личной свободы и неприкосновенности по образцу английского Habeas corpus act 1689 г. и связанных с ним законов.

[5] Буржуазный характер Декларации прав 1793 г., как и Декларации 1791 г., получает свое наиболее яркое выражение в ст.ст. 16 и 19, в которых дается определение права буржуазной собственности и «справедливого и предварительного возмещения» в случае законного принудительного отчуждения имущества.

См. Маркс, К еврейскому вопросу, Маркс и Энгельс, Соч. т. I, стр. 385—392.

[6] Положение об обязанности общества заботиться о неимущих путем приискания им работы и обеспечении средств существования нетрудоспособным составляет существенное новшество Декларации прав 1793 г. Оно включено в Декларацию по настоянию Робеспьера, который развивал эту мысль также при рассмотрении жирондистского проекта конституции.

См. Олар, Политическая история французской революции, стр. 355, 368 и 369.

[7] Провозглашение суверенитета народа получило свое осуществление в конституции 1793 г. в виде народного голосования. См. ниже, прим. 10.

[8] Статьи 33 и 35 Декларации 1793 г. провозглашают не только право сопротивления угнетению, но и право восстания, и, таким образом, санкционируют революцию как последнюю «конституционную гарантию».

[9] Статья 3 конституции 1793 г. восстанавливает деление территории и распределение населения по департаментам, дистриктам и муниципалитетам, тогда как при обсуждении жирондистского проекта конституции вносились, как известно, проекты отмены дистриктов, укрупнения мелких и деления крупных коммунальных управлений, — последнее в целях ослабления всемогущества Парижской Коммуны. Эти проекты навлекли на жирондистов обвинение в федерализме и отчасти способствовали их гибели.

См. Олар А., Политическая история французской революции, стр. 359—366.

[10] Статьи 7—10 подтверждают и развивают начало верховенства народа и вытекающие отсюда следствия; тем самым они формулируют основы демократического государственного устройства. Французская республика, по конституции 1793 г., являлась сочетанием представительства и непосредственного народоправства (прямой демократии); органом последнего были первичные собрания, избиравшие представителей и выборщиков и подвергавшие голосованию законы.

[11] Активным избирательным правом, согласно ст. 11 конституции 1793 г., пользовались все граждане, имевшие оседлость в данном кантоне в течение шести месяцев (в проекте срок проживания был определен в три месяца). Каждый гражданин, достигший 21 года, живущий своим трудом и имевший местожительство в кантоне в течение шести месяцев, являлся избирателем, т. е. членом первичных избирательных собраний (ст. ст. 4 и 11 конституции). Из числа избирателей исключались женщины, а также лица, не имевшие самостоятельных занятий и шестимесячного проживания в одном месте, т. е. преимущественно рабочие. Так как выборы могли производиться или подачей записок, или открытым голосованием (ст.ст. 16 и 17), то не исключена была возможность и тайного голосования. Пассивным избирательным правом пользовался каждый французский гражданин (ст. 28). Таким образом, порядок

выборов народных представителей, по конституции 1793 г., приближался к всеобщему, прямому, равному и тайному буржуазному избирательному праву.

[12] Статьи 22 и 23 конституции 1793 г. определяют понятие избирательного округа: один представитель приходится на каждые 40 000 человек населения; первичные избирательные собрания, объединяющие от 39 000 до 41 000 населения, образуют избирательный округ, выбирающий одного представителя. Согласно первоначальному проекту, один депутат приходился на 50 000 населения.

См. Олар, Политическая история французской революции, стр. 363.

[13] Согласно ст. 29 конституции 1793 г., каждый представитель принадлежит «всей нации в целом», т. е. является представителем всего народа в целом, а не интересов избирательного собрания. Поэтому избрание являлось не частным поручением, а способом образования органа власти государства.

[14] Открытие первичных избирательных собраний в силу закона без созыва их каким-либо иным органом есть одно из проявлений демократии, верховенства народа. Лишь в чрезвычайных случаях первичные собрания созываются муниципальными управлениями, но не иначе как по требованию не менее $^1/_5$ граждан, располагающих активным избирательным правом (ст. ст. 34 и 35).

[15] Собрания избирателей (ст. ст. 37 и 38) в соответствии с ст. 9 конституции избирают выборщиков, которые в свою очередь выбирают органы управления, общественных арбитров (третейских судей) и судей.

[16] В соответствии с началом единства и неделимости народного суверенитета ст. 39 формулирует начало единства, неделимости и постоянства законодательного корпуса в противоположность жирондистам, которые колебались в вопросе об однопалатной и двупалатной системе.

См. Condorcet, Examen de cette question est-il utile de diviser une Assemblée Nationale en plusieurs chambres?

[17] Статьи 43 и 44 подтверждают начало неприкосновенности (иммунитет) народных представителей, обеспечивающее независимость законодательного корпуса по отношению к власти исполнительной и судебной. Задержание народного представителя даже на месте преступления требует утверждения законодательного корпуса.

См. Шалланд Л., Иммунитет народных представителей, т. I—II, Юрьев, 1911—1913.

[18] Деление актов законодательного корпуса на законы и декреты (ст. ст. 54 и 55) проведено как будто по признаку относительной важности, причем наиболее важные предметы отнесены к числу законов. Но и такое толкование нельзя признать безусловным, ибо к числу декретов отнесены такие важнейшие мероприятия, как

охрана общественной безопасности и спокойствия и ратификация договоров. В этом делении на законы и декреты можно было бы видеть деление на общие нормы и индивидуальные акты управления, если бы в числе законов не упоминались некоторые индивидуальные акты, такие, как объявление войны и вопрос об организации государственных торжеств, а в числе декретов — ратификация договоров, которые могут содержать и общие нормы.

См. Олар, Политическая история французской революции, стр. 366—367— первоначальный проект, ст.ст. 54 и 55.

[19] Отдел конституции об образовании законов (ст. ст. 56, 60) предусматривает порядок предварительного принятия закона законодательным корпусом (ст. ст. 56—57) и порядок окончательного утверждения или отклонения закона первичными собраниями, являющимися органом верховенства народа (ст. ст. 58—60). Порядок утверждения или отклонения первичными собраниями постановлений законодательного корпуса распространяется лишь на постановления, отнесенные к числу законов (ст. 54), он не распространяется на декреты (ст. 55). Таким образом, утверждение и отклонение законов первичными собраниями, по конституции 1793 г. имеет значение народной санкции или вето.

[20] Исполнительный совет в составе 24 членов избирался трехстепенными выборами: первичные собрания избирали выборщиков, собрание выборщиков каждого департамента избирало одного кандидата, законодательный корпус выбирал членов исполнительного совета по общему списку кандидатов, избранных всеми департаментами.

[21] Исполнительный совет являлся высшим правительственным органом (ст. 65); начальники общего управления республики были его исполнительными органами (ст. 66). Со своей стороны законодательный корпус назначал своих агентов, действовавших отдельно и независимо один от другого и не пользовавшихся личной властью (ст. ст. 68, 69).

См. Градовский А. Д., Государственное право важнейших европейских держав, Собр соч., т. IV и V, 1900—1902.
Ворошилов, О разделении властей, 1871.

[22] Организация коммунальных, окружных и департаментских избирательных собраний, предусмотренных ст. ст. 79 и 80 конституции, не получила развития в последней. Повидимому, коммунальные собрания соответствовали первичным собраниям, прочие — собраниям выборщиков. Их порядок должен был быть определен специальными законами.

[23] Постановление об издании единого кодекса гражданских и уголовных законов Франции получило свое осуществление значительно позднее: Гражданский кодекс, (Code civil), был издан при Наполеоне, в 1804 г.

[24] Особенность судебной системы по конституции 1793 г. составлял институт третейских судей, избираемых собранием выборщиков (ст. ст. 86 и 91 и сл.). Что же касается мировых судей, институт которых, как известно, заимствован из судебных установлений Англии, то порядок их ежегодного избрания гражданами округа, их число и круг ведения должны были определяться специальным законом (ст. ст. 88 и 90).

[25] Конституция 1793 г., как и конституция 1791 г., предусматривает два жюри присяжных: одно решает вопрос о предании суду (обвинительное жюри), другое решает вопрос о фактическом составе деяния и виновности (судебное жюри, jure de jugement).

[26] Отдел о вооруженных силах республики, в отличие от конституции 1791 г., не проводит различия между национальной гвардией и регулярными вооруженными силами страны: весь народ в целом составляет ее вооруженные силы, все французы — солдаты. Предусмотрено всеобщее военное обучение и система поголовного ополчения (ст. ст. 107 и 109).

[27] В отделе о Национальном конвенте, т. е. об учредительном собрании для пересмотра и издания конституции (ст. ст. 115 и 116) предусмотрены:

а) инициатива пересмотра конституции или изменения ее статей; эта инициатива принадлежит десятой части первичных собраний в большинстве департаментов (половина плюс один);

б) созыв законодательным корпусом первичных собраний республики для выяснения вопроса о Национальном конвенте;

в) созыв Национального конвента в том же порядке, как и законодательного собрания, т. е. путем выборов представителей на первичных собраниях.

Так как Национальный конвент полновластен и объединяет в себе все функции (ст. 116), то не представляется последовательным ограничение его теми предметами, которые вызвали его созыв (ст. 117). Дальнейшая история Конвента подтвердила ничтожность таких ограничений полновластия Конвента.

См. Боржо. Учреждение и пересмотр конституций в Америке и Европе, русский перевод, 1906.

Еллинек, Конституции, их изменения и преобразования, русский перевод, 1907

Zweig Die Lehre vom Pouvoir constituant, 1909.

Arnault, De la révision des constitutions, 1896.

[28] Статья 118 провозглашает принцип дружбы и союза свободных народов, ст. 119 формулирует начало невмешательства во внутренние дела других государств. Провозглашение этих принципов способствовало, вне сомнения, успехам революционной Франции в ее борьбе с реакцией, а в последующем они оказали бесспорное влияние и на международные отношения европейских государств.

[29] 27 июня 1793 г. Конвент постановил, чтобы в недельный срок Декларация прав и конституционный акт были представлены на утверждение первичных собраний. Первичные собрания не созы-

вались в департаменте Корсики, в части департаментов Севера, занятого неприятелем, и в сельских коммунах департамента Вандеи, где происходило контрреволюционное восстание. В докладе 9 августа Госсюэн сообщал, что в Вандее было созвано всего лишь 29 первичных собраний, а на Севере — большинство их. Конституция, по словам Госсюэна, была принята единодушно во всех больших городах, за исключением Марселя, и во всех 44 000 коммун, за исключением единственной коммуны Сен-Донан (департамент Кот-дю-Нор), потребовавшей восстановления королевской власти.

Наступившие тревожные военные события воспрепятствовали роспуску Конвента и проведению в жизнь Конституции 1793 г.: 19 вандемьера II г. — 10 октября 1793 г., по докладу Сен-Жюста, принята отсрочка вступления в силу Конституции до заключения мира и образовано революционное правительство с исключительными полномочиями. Согласно декрета Конвента от 14 фримера II года, комитет общественного спасения становится во главе страны, ему подчинены все органы управления. 9 термидора — 27 июля 1794 г. произошел контрреволюционный переворот, положивший конец якобинской диктатуре I жерминаля III года — 21 марта 1795 г. Конвентом было принято постановление об образовании комиссии для выработки новых «органических законов», т. е. проекта будущей конституции 1795 г. Таким образом, Конституция 1793 г. не вступила в действие.

БИБЛИОГРАФИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА О ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 384—392; т. II, стр. 394; т. III, стр. 146—153; т. VI, стр. 199; т. VII. ч. 2, стр. 55; т. VIII, стр. 324—326; т. XIV, стр. 17, 106, 259—261; т. XVI, ч. 2, стр. 268, 299—301.

Ф. Энгельс, Письмо к К. Каутскому от 20 февраля, 1889 г. „Историк-марксист", 1933, № 2, стр. 41—45.

В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 270; т. VIII, стр. 64, 122, 173, 190; т. IX, стр. 217, 372; т. XI, стр. 419—420; т. XII, стр. 35, 111, 151; т. XIV, стр. 50, 220, 295; т. XV, стр. 108, 342, 347; т. XVI. стр. 144, 350; т. XVII, стр. 151; т. XVIII, стр. 193—194, 314—315; т. XIX, стр. 187; т. XX, стр. 315, 435, 556; т. XXI, стр. 189—190, 387—390; т. XXII, стр. 483, 490; т. XXIII, стр. 489; т. XXIV, стр. 291, 293, 297, 304—305; т. XXVI, стр. 293, 346; т. XXVII, стр. 103; т. XXX, стр. 334—335.

И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 609. изд. 11-е, стр. 37, 111—112, 175, 517.

И. Сталин, А. Жданов, С. Киров, Замечания о конспекте учебника новой истории, „К изучению истории", ОГИЗ, 1938, стр. 25—28.

И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, ОГИЗ, 1939, стр. 16.

И. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, ОГИЗ, 1938, стр. 16.

СТАТЬИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII в. КО ДНЮ 150-ЛЕТИЯ

Е. Ярославский, Классики марксизма о французской буржуазной революции XVIII века, „Историк-марксист", 1939, № 3, стр. 3.

К. Каменецкая, Французская буржуазная революция 1789 года в оценке классиков марксизма-ленинизма, „Исторический журнал", 1939, № 6, стр. 10.

Р. Инглези и Н. Стариков, Классики марксизма-ленинизма о французской буржуазной революции XVIII века, „Исторический журнал", 1939, № 6, стр. 116.

В. Волгин, акад., Политический радикализм накануне французской революции, „Историк-марксист", 1939, № 3, стр. 13.

Ф. Козлов, К вопросу о якобинской диктатуре, „Историк-марксист" 1939, стр. 46.

А. Молок, Борьба за свержение монархии во Франции, „Исторический журнал", 1939, № 7, стр. 1.

Ф. Хейфец, Жирондистский конвент, „Исторический журнал", 1939, № 7, стр. 13.

С. Фрязинов, Борьба течений в лагере якобинцев, „Исторический журнал", 1939, № 7, стр. 28.

Л. Герман, Идеологическая подготовка буржуазной революции во Франции, „Исторический журнал", 1939, № 7, стр. 55.

Б. Поршнев, Крестьянские и плебейские движения XVII и XVIII веков во Франции, „Историк-марксист", 1939, № 4, стр. 85.

Сессия отделения истории и философии Академии наук СССР 25—27 июня 1939 г., посвященная 150-летию французской революции XVIII века, „Историк-марксист", 1939, № 4, стр. 190.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ

История генеральных штатов

Тьерри, История происхождения и успехов третьего сословия, М., 1899.

Б. Чичерин, О народном представительстве, изд. 2-е, М., 1899.

Н. И. Кареев, Поместье-государство и сословная монархия средних веков, изд. 2-е, СПБ., 1906—1909.

М. М. Ковалевский, От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму, т. 2. М., 1906.

J. Savaron, Chronologie des États — Généraux où le Tiers-État est compris depuis l'an 1615 jusqu'an 422, Paris. 1615.

Landine de, Des États Généraux, ou histoire des assemblées nationales en France, Paris, 1788; Les États Généraux et autres assemblées nationales, I—XVIII à la Haye, 1788—89 (собрание актов и документов); Des États Généraux et de leur convocation, Villeneuve, 1788 (Luynes, duc de); L'histoire, le cérémoniel et les droits des Etats Généraux du royaume de France, v. v. I—II, s. l. 1789.

Robin, L'abbé, Histoire de la constitution de l'empire français, ou histoire des Etats Généraux, I. II, Londre (Paris), 1789.

A. C. Thibaudeau, Histoire des États Généraux et des institutions représentatives en France, I. II. Paris, 1843.

Rathery, Histoire des Etats Généraux en France, Paris, 1845.

A. Boullée, Histoire complète des États Généraux et autres assemblées représentatives en France 1302—1626, I.II. Paris, 1845.

Aug. Tierry, Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du Tiers État Paris, 1853.

M. B. Jullifier, Histoire des États Généraux, 1302—1614, Paris, 1888.

Picot, G. Histoire des États Généraux, V. v. 1—5, 1888.

Политическая оценка генеральных штатов современниками

E. J. Sieyès, Essais sur les privilèges, 1788.

E. J. Sieyès, Qu'est ce que le Tiers état? Paris, 1782.

J. J. Mounier, Nouvelles observations sur les États Généraux, Paris, 1789.

Condorcet, Sur les fonctions des États Généraux, I. II.

Порядок заседаний и голосований в собраниях генеральных штатов.

Кроме приведенных выше работ.

См. Rabaut de Saint-Etienne J.—G., Question de droit public: doit-on recueillir les voix dans les États Généraux par ordres ou par têtes de délibérants? Par l'auteur des Considérations sur les intérêts au Tiers État en Languedoc, Paris, 1789 (Автор — один из председателей Национального собрания).

Название „Национальное собрание" было принято генеральными штатами по предложению Сийеса 17 июня 1789 г. — См. Mignet, Histoire de la révolution française, Bruxelles, 1839, стр. 10.

Заседание 23 июня 1789 г. Louis XVI, roi de France. Séance tenue par le roi aux États Généraux le 23 juin 1789, Paris, Impr. royale, 1789, 20.

Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Révolution, v. II, p. 18.

Литература по вопросу о наказах представителям сословий

Эдм. Шампион, Франция накануне революции по наказам 1789 года. пер. с франц. М. А. Брагинского, СПБ.

Опу, Выборы 1789 года во Франции и наказы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны. Записки историко-филологического факультета Петербургского университета, СПБ, 1908.

L. Poncin, Les cahiers de 89 ou les vrais principes libéraux, Paris.

L. Target, L'ésprit des cahiers présentés à l'assemblée générale, I.II, Paris, 1789.

Ф. А. Минье, История французской революции, СПБ., 1906.

F. A. Mignet, Histoire de la Révolution française, Ill. Bruxelles, 1839 (много последующих изданий).

Л. Блан, История французской революции, СПБ., 1907—1909, 12 тт. (доведена до периода Директории).

А. Токвиль, Старый порядок и революция, П., 1918.

А. Олар. Политическая история французской революции, Происхождение и развитие демократии и республики 1789—1804, изд. 4-е, пер. с франц. Н. Кончевской, ОГИЗ, М., 1938.

Г. Кунов, Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794 гг., пер., предисл. и доп. И. Степанова, изд. 3-е, вновь пересм., М. Пг. ГИЗ., 1923.

М. М. Ковалевский, Происхождение современной демократии, тт. I—IV, М., 1895—1897; т. I, изд. 3-е, СПБ, 1912.

Его же, От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму, тт. I—III, М., 1906. См. т. III—Эпоха „просвещения".

П. Кропоткин, Великая французская революция 1789—1793 гг., пер. с франц. под ред. автора, изд-во „Голос труда", Пг.—М., 1922.

Н. И. Кареев, История Западной Европы в новое время, т. III, изд. Стасюлевича, СПБ, 1904, стр. 643.

Его же, Великая французская революция, изд. Маркса, П., 1918.

А. Сорель, Европа и французская революция, тт. 1—8, пер. с франц. с предисловием Н. И. Кареева, изд. Пантелеева, СПБ, 1892—1908.

Ж. Жорес, История великой французской революции, тт. 1—4, ГИЗ. М., 1920—1924.

Jaurès, Histoire socialiste, 5, tt., Paris.

Блос, История французской революции, Х., 1923.

Л. Гейссер, История французской революции 1789—1799, пер. с нем. под ред. А. Трачевского, СПБ., 1896.

A. Mathiez, La Révolution française, Paris, A. Colin. Tome I. La chute de la Royauté (2 éd.). Tome II. La Gironde et la Montagne. Tome III. La Terreure.

Тому же автору принадлежит ряд монографий по французской революции.

Les grandes journées de la Constituante, Paris. Hachette.

La victoire en an II. Esquisse historique sur la Défense nationale, Paris, F. Allan.

Э. Лависс и А. Рамбо, История французской революции 1789—1799 гг., пер. с франц. М. Иолшина, изд. Ф. Павленкова, СПБ, 1902.

А. Рамбо, История французской революции 1789—1799 гг., пер. с франц. Е. Н. К., Пг., 1914.

Э. Шерэ, Падение старого режима 1787—1799, т. I.

Е. Тарле (ред.), Новая история, ч. 1, От французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской Коммуны (1789—1870 гг.), под ред. акад. Е. В. Тарле, чл.-корр. Академии наук СССР А. В. Ефимова и Ф. А. Хейфец, Соцэкгиз, М., 1939.

A. Aulard, Les orateurs de la Révolution, 2 v.

G. Dodu, Le parlementarisme et les parlementaires sous la Révolution (1789—1799), Origine du régime réprésentatif en France, Paris, VII, 428 стр.

Характеристику политической идеологии эпохи буржуазной революции XVIII века во Франции можно найти в общих трудах по истории французской революции, указанных выше, а также в очерках истории французской литературы. Здесь, в частности следует отметить:

Луи Блан, История французской революции, т. I. СПБ, 1907;

Жорес. Учредительное собрание; имеется два русских перевода: „История Великой французской революции", пер. Л. М. Водена, т. I. „Учредительное собрание (1789—1791)", СПБ, изд. Глаголева и „Учредительное собрание (1789—1791)", пер. Е. Г. Бартеневой, М. Львовой и Н. С. Тютчева, изд. „Даль", СПБ, 1908;

Б. Н. Чичерин, История политических учений, Новое время, чч. 2 и 3, М., 1872—1874;

В. И. Герье, Идея народовластия и французская революция 1789 г. (Введение в историю революции 1789 г.), М., 1904;
В. П. Волгин, Социальные и политические идеи Франции перед революцией (1748—1788). М. Л. Акад. наук СССР, 1940, 190 стр. (Акад. наук СССР ин-т истории). Библиография на стр. 185—191;
А. Мишель, Идея государства, пер. с франц. П. А. Рождественского, изд. И. Д. Сытина;
Paul Janet, Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale, 4 éd. T. I—II, Paris; F. Alcan, 1913;
P. Janet, Philosophie de la Révolution Française, 4-e éd.;
Petit de Julleville L., Histoire de la langue et de la Littérature française des Origines à 1900, т. VI, Dix-huitième siècle, Paris, 1898;
Edm. Champion, Esprit de la Révolution;
Henry Michel, L'idée de l'État, 1896;
Beudant, Le droit individuel et l'État, 1891;
Schatz, L'individualisme, 1909;
Clavel, Critique et conséquences des principes de 1789.
Д. Moret, Les origines intellectuelles de la Révolution française, 1715—1787. 2 éd., Paris 1934. Библиография на стр. 505—552.

В качестве источников, оказавших определяющее влияние на формирование воззрений французской буржуазии периода революции, необходимо иметь в виду труды изучения классиков политической идеологии эпохи „просвещения" XVIII века. Их можно подразделить на две основные группы: одни развивают идеологию либерального дворянства и крупной буржуазии, сводящуюся к ограничению монархии представительством по английскому образцу на основе разделения властей; другие являются идеологами радикальной буржуазии, проникнутой идеей демократии (народовластия). К первым следует отнести:

J. Locke, On civil government, 1689;
Blackstone, An analysis of the Law of England, 1754 и его же „Commentaries" 1768;
Montesquieu, De l'esprit des lois, 1748, 1757; есть русский перевод; Дух законов, под ред. М. М. Ковалевского.

Идеологом демократии является Ж. Ж. Руссо:

J. J. Rousseau, Du contrat social, 1752; есть русский перев. под ред. Жуковского: Об общественном договоре, СПБ; 1907; а также изд. М. Соцэкгиз. 1938,
M. Guerrier, L'Abbé de Mably, moraliste et politique, Paris, 1886.

Изложение воззрений указанных мыслителей можно найти в работах:

Н. Ворошилов, Критический обзор учения о разделении властей, Ярославль, 1871;
L. Duguit, La séparation des pouvoirs et l'Assemblée nationale de 1789, Paris, 1893;
Herman, La séparation des pouvoirs;
Н. М. Коркунов, Указ и закон, СПБ, 1895;
Sorel, Montesquieu; Vian, Histoire de Montesquieu; Морлей, Д., Руссо; А. С. Алексеев, Этюды о Руссо, 2 тт.

Официальным истолкователем политической идеологии французской революции в науке государственного права являлся Эсмен:

Esmein, Eléments de droit constitutionnel, 6 éd. revue par Joseph-Barthélemy, 1914.

Противником учений классического индивидуализма является Дюги.

L. Duguit, Traité de droit constitutionnel, I—III, 2 éd., Paris, 1921—23 (Доктрина солидарности).

Посредствующую позицию между индивидуализмом классической школы Эсмена и доктриной „солидарности" Дюги занимает Орну:

M. Hauriou, Principes de droit public, 2 éd., 1916.

Наконец, значительный интерес представляют высказывания современников и активных участников революции:

Necker, Du pouvoir executif, I. II, 1792.
Bargasse, Sur la manière, dont il convient de limiter le pouvoir de l'état.
Clermont-Tonnerre, Recueil des opinions, I—IV.
P. V. Malouet, Collection des opinions, I—III, Paris, 1791.
B. Montlosiers, Essais sur l'art de constituer les peuples.
Lally-Tollendal, Rapport sur les pouvoirs de l'état.
Robespierre, Discours et rapports de Robespierre. Avec une introduction et des notes par Charles Velley (L'élite de la révolution), Paris, Charpentier, 1908, 450 p.
Servan, Essai sur la formation des assemblées nationales, provinciales et municipales, Paris, 1789.
E. J. Sieyès, Reconnaissance et exposition des droits de l'homme et du citoyen, 1789.
Mably, Des droits et des devoirs du citoyen. Oeuvres, Lyon, 1792.

ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННИКОВ-ИНОСТРАНЦЕВ.

E. Burke, Reflexions on the revolution in France, 1796 (враждебн. революции).
Thomas Paine, The right of man; being an answer to mr Burke's attack on the french revolution. Complete in 2 parts, London s. a (ответ Бёрку).
I. Kant, Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, Frankfurt und Leipzig, 1797. Отзыв о философии Канта как „Немецкой теории французской революции" смотри К. Маркс — Ф. Энгельс, соч. т. I, стр. 212.
D. F. Fichte, Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publicums über die französische Revolution, 1793.
W. Godwin, Inquiry concerning political justice and its influence in moral an happiness, London, 1793.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, СБОРНИКИ АКТОВ И ПР.

Madival et Laurent, Archives parlementaires, Procès—Verbaux des Assemblées, Moniteur (переиздание).
J. B. Dufau, Duvergier et J. Gaudet, Collection des Constitutions, Chartes et lois fondamentales des peuples de l'Europe et des deux Amériques. Tome premier. Paris, 1830.
Collection générale des lois, proclamations et autres actes du Pouvoir executif, publ. pendant les Assemblées constituantes et législatives, I—XXIII, Paris, 1792.
Lois et actes du Gouvernement. Août 1789—18 Prairial an II, I—VIII, Paris 1806—1807 (извлечение из предшествующего).
Collections des décrets des Assemblées constituantes depuis 1789 jusqu'à 30 Prairial an II, I—XLVII, Paris, chez Baudouin, 1789.
Arrêtés des Comités de la Convention nationale Nr. 1—85. I. II, Paris.—Choiz des rapports, opinions et discours, prononcées à la tribune nationale, depuis 1789, I—XXI, Paris, 1818.
A. Aulard, Recueil des Actes du Comité de Salut publique.
A. Aulard, Société des Jacobins.
A. Aulard, Révolution Française — журнал, выходивший под редакцией Олара.
Duguit et Monnier, Les Constitutions de la France, 2 éd., Paris, 1908.
F. Hélie, Les constitutions de la France, Paris, 1880.
Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Révolution française, tt. I—XXXX, Paris, 1831—38.
M. Deslandres, Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à 1870, tt. I—II.
Mautouchet, Le gouvernement révolutionnaire, Paris, 1912.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 4

С. КЕЧЕКЬЯН — Политическая идеология французской буржуазии накануне революции XVIII века 5

А. ДЕНИСОВ — Конституции и декларации французской буржуазной революции 19

М. РЕЙХЕЛЬ — Гражданское законодательство французской буржуазной революции 1789—1794 гг. 43

Б. УТЕВСКИЙ — Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и вопросы уголовного права 85

Б. АРСЕНЬЕВ — Революционный трибунал французской буржуазной революции XVIII века 106

Е. КОРОВИН — Французская буржуазная революция 1789 г. и законы и обычаи войны. 127

ПРИЛОЖЕНИЯ

Конституция 3 сентября 1791 г. и Декларация прав человека и гражданина. 151

Конституция 24 июня 1793 г. и Декларация прав человека и гражданина . 181

Примечания 193

Библиография 210

Редактор *В. И. Алешин.*
Техн. редактор *Л. Т. Васильев*
Корректор *О. В. Малых*

IV квартал 1940 г. Изд.№ 114. Индекс Ю-5.
Сдано в набор 21/VIII 1940 г. Подписано к печати 25/XII 1940 г. Уч.-изд. листов 15,4. Печ. листов 13,5. В бум. л. 96300 зн. Формат бум. 60 × 92¹/₁₆
А34135 Зак. № 4321 Тираж 400 экз.

Центр. тип. НКО СССР имени Клима Ворошилова. Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

НОВАЯ
13 Рус. 30 кп.